

ISSN 2073-5618

Translator **Переводчик**

Выпуск 22
2022

ISSN 2073-5618

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Забайкальский государственный университет
Забайкальское региональное отделение
Союза переводчиков России

*К 70-летию языкового образования
в Забайкальском крае*

П Е Р Е В О Д Ч И К

Литературно-художественный журнал

Выпуск 22

Чита
Забайкальский государственный университет
2022

УДК 81'25
ББК 81.18
ББК Ш18
П 27

Литературно-художественный журнал «Переводчик»
Печатный орган Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России

Главный редактор

О. В. Стельмак, канд. филол. наук, доцент,
председатель Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России

Редакционный совет

Т. В. Воронченко д-р филол. наук, профессор,
директор НИИ филологии и межкультурной коммуникации ЗабГУ
М. В. Константинов д-р ист. наук, профессор кафедры истории ЗабГУ
И. А. Романов канд. филол. наук, доцент ЗабГУ

Редакционная коллегия

*О. В. Ушникова, И. А. Боброва, И. Н. Костина,
А. Н. Булдыгерова, Л. В. Эмирзиади, Е. О. Филинкова*

Переводчик : литературно-художественный журнал / Забайкальский госу-
П 27 дарственный университет ; главный редактор О. В. Стельмак. – Чита : ЗабГУ,
2022. – Вып. 22. – 271 с. – (ISSN 2073-5618).

Журнал «Переводчик» знакомит читателей с информацией Союза переводчиков России и Забайкальского регионального отделения СПР, новыми переводами зарубежной поэзии и прозы на русский язык. Раздел «В студенческой лаборатории» представляет молодых исследователей. Американистов и специалистов по межкультурному общению привлечёт раздел «Американа» (ред. д-р филол. наук, проф. Т. В. Воронченко). Разделы «В копилку переводчика» и «Лексикография» предназначены переводчикам-практикам. Раздел «Земля Даурская» адресован краоведам Забайкалья. Раздел «Эпистолярное наследие декабристов» (ред. Л. В. Эмирзиади) посвящен славным страницам российской истории, связанной с пребыванием декабристов в Забайкалье. Читатели найдут интересными и другие разделы нашего издания, в частности, «Уголок поэтов», «Конкурсы, конкурсы...!!!», «Новинки».

Издание предназначено для филологов, лингвистов, а также для всех тех, кто интересуется вопросами перевода и переводоведения.

УДК 81'25
ББК 81.18
ББК Ш18

СОДЕРЖАНИЕ

ИНФОРМАЦИЯ

Ольга Стельмак. 70 лет языковому образованию в высшей школе Забайкалья.....	5
--	---

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Поэзия

Геннадий Буравкин. Лирика. Перевод с белорусского Светланы Быковой	10
Гонсалу М. Тавареш. Снова время зверей. Вступительная статья и перевод с португальского Ирины Фещенко-Скворцовой.....	17
Кшиштоф Мария Сенявский. Реквием по мечте. Лирика. Предисловие и перевод с польского Евгении Славороссовой.....	29
Влада Урошевич. Стихи. Предисловие и перевод с македонского Ольги Панькиной.....	42
Батожаргал Гармажапов. Лирика. Вступительное слово и перевод с бурятского Бориса Макарова.....	49
Сюзанна Карлсон. Лирика. Предисловие и перевод с английского Иды Замирской.....	55
Ренат Харис. Реанимация. Поэма. Перевод с татарского Николая Переяслова.....	58

Проза

Эйнар Каури Йоханнссон. Чайка. Перевод с исландского Натальи Столяровой.....	66
Гвидо Гоццано. Сказки. Перевод с итальянского Леонида Зимана.....	75
Фрэнсис Скотт Фицджеральд. Изумительная история болезни Бенджамина Баттона. Перевод с английского Екатерины Коржовой.....	97
Фэн Мэнлун. Гуань Чжун и Бао Шуя. Истории из романа «Хроники государств Восточного Чжоу». Предисловие и перевод с китайского Николая Воропаева.....	115
Английская викторианская проза. Изабелла Крейг Нокс. Время сева и время жатвы. Глава I. Перевод с английского Ольги Стельмак...	125
Вильям Хайнесен. Грюла. Перевод с датского Ольги Маркеловой.....	137

АМЕРИКАНА

Джина Вальдес. Предисловие, вступительная статья и перевод с английского отрывка из романа «Мария Портильо» Татьяны Воронченко....	149
---	-----

Хелен Хант Джексон. Глава 2. Из книги «Рамона». Предисловие и перевод с английского Елены Гладких.....	155
В СТУДЕНЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ	
Ксения Раздобреева. К вопросу о переводе названий художественных произведений.....	166
Дмитрий Далызин. О некоторых трудностях перевода терминов (на материале китайского языка)	172
В КОПИЛКУ ПЕРЕВОДЧИКА	
Николай Воропаев. Мой китайский директор Лю, или Вагон кругляком загрузить – это тоже искусство	177
Леонид Зиман. Интеграция англоязычного и италоязычного вариантов стихотворений Кристины Россетти в русскоязычном переводе.....	185
Анна Булдыгерова. Китайские идеологемы и способы их перевода на русский язык.....	194
ЗЕМЛЯ ДАУРСКАЯ	
Поль Лаббе. В краю лам Забайкалья. Главы 3–5. Перевод с французского Николая Епишкина.....	204
Виктор Балабанов. Каменные плиты на Ингоде. Из книги «Строкой и памятью отмечено...». Перевод на немецкий Ирины Бобровой.....	218
ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТОВ	
Ирэн Фрэн. Роман. «Я последую за тобой в Сибирь». Глава VII. Вступительная статья и перевод с французского Людмилы Эмирзиади.....	220
УГОЛОК ПОЭТОВ	
Светлана Быкова. Лирика.	233
КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ!!!	
XXVII Межрегиональный конкурс молодых поэтов-переводчиков 2022.....	244
ЛЕКСИКОГРАФИЯ	
Русско-английско-латинский словарь растений. Составитель Нина Маркова.....	257
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Статистика.....	264
Сведения об авторах.....	265

ИНФОРМАЦИЯ

Union des traducteurs de Russie UTR Union of Translators of Russia

*Общероссийская общественная организация
«СОЮЗ ПЕРЕВОДЧИКОВ РОССИИ» (СПР)
член Международной федерации переводчиков (ФИТ)*

Россия, 111124, Москва, ул. Авиамоторная, д. 55, корп. 31, офис 507
тел./факс +7 (495) 925-03-77 эл. почта org@rutrans.org

70 ЛЕТ ЯЗЫКОВОМУ ОБРАЗОВАНИЮ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Страницы истории

В 2022 году исполняется 70 лет языковому образованию в высшей школе Забайкалья. В 1952 году в Читинском государственном педагогическом институте им. Н. Г. Чернышевского когортой замечательных людей был создан факультет иностранных языков. Многие преподаватели съехались в наш край из разных уголков страны и из-за рубежа. ФИЯ начинался с двух отделений – английского и немецкого языков.

В разное время факультетом иностранных языков руководили, сменяя друг друга 13 деканов (А. А. Чжен, З. С. Харьковский, М. А. Илгунова, А. Ф. Никитин, Г. И. Щербакова, Э. П. Тюкавкина, А. П. Бабенко, Ю. А. Воднев, С. Н. Минина, В. Н. Колтакова, Н. В. Банина, О. В. Стельмак, С. И. Чугунова), каждый из которых внёс свой достойный вклад в его развитие и укрепление. Многие из них отличались неординарным творческим мышлением и прекрасными организаторскими способностями. Деканы играли ключевую роль в важнейших начинаниях и достижениях всего коллектива ФИЯ. А. Ф. Никитин впоследствии работал ректором ЧГПИ,

затем долгое время трудился сначала в МИДе СССР, затем РФ, неоднократно выполнял дипломатические миссии в Китае и Монгольской Народной Республике. Э. П. Тюкавкина в течение долгого времени возглавляла Иркутский государственный лингвистический университет.

За период существования ФИЯ было создано 5 отделений дневного обучения и отделение заочного обучения (по специальности «Английский язык»): отделение английского языка (1952), отделение немецкого языка (1952), отделение китайского языка (1960), отделение французского языка (1973), отделение английского и китайского языков (1992), отделение заочного обучения (2003).

Параллельно шла напряжённая работа по укомплектованию ФИЯ квалифицированными кадрами и созданию профильных кафедр. Во второй половине 80-ых гг. структура ФИЯ включала в себя 5 кафедр, а именно: кафедра английского языка (1-ая специальность), кафедра английского языка как второго и методики преподавания иностранных языков, кафедра немецкого языка, кафедра французского языка, кафедра китайского языка.

С глубоким уважением мы вспоминаем первых наставников, которые стояли у истоков англо-немецкого и немецко-английского отделений. Это преподаватели английского языка С. Л. Амбразевич, Н. А. Замошникова, С. И. Крикун, Л. И. Острая, Н. Я. Мандельштам, З. С. Харьковский.

Надежда Алексеевна Замошникова была первой заведующей кафедрой английского языка. Она окончила внешнеторговое отделение института народного хозяйства в Хабаровске. Прекрасное знание английского языка получила в американской школе в Маниле на Филиппинских островах, где проживала семья после побега её отца, революционера, из тюремного заключения. Она также владела испанским и тамильским языками. Среди первых преподавателей английского языка была и Надежда Яковлевна Мандельштам, жена одного из крупнейших русских поэтов XX века, Осипа Мандельштама. Человек непростой судьбы, интересная собеседница, она прекрасно владела английским языком. Захар Соломонович Харьковский также имел блестящие знания английского языка. До приезда в Забайкалье он много лет жил и работал в Канаде. Лидия Ивановна Острая окончила Ленинградский государственный институт им. А. И. Герцена. Живая легенда, она до конца своих дней не теряла связь с инязом, всегда была готова рассказать своим молодым коллегам и о студенческих годах в блокадном Ленинграде, о своих первых шагах в качестве преподавателя ФИЯ и о своём общении с Надеждой Мандельштам.

Первыми преподавателями немецкого языка были М. М. Рижский, М. А. Илгунова, Н. М. Кемежук, И. Н. Масленникова, Г. К. Мертенс, М. Н. Волчанская, Л. Н. Николаев, О. А. Пальгов. Первой заведующей кафедрой была Нина Михайловна Синякина.

Метта Андреевна Илгунова вышла из семьи русских немцев, великолепно знала немецкий язык, имела прекрасную библиотеку, много работа-

ла со студентами, которые были частыми гостями у неё дома. Позднее Метта Андреевна работала деканом факультета (1961–1967). Она была хорошим организатором, пользовалась уважением своих коллег и студентов.

Первый выпуск учителей английского и немецкого языков состоялся в 1956 году (первоначально обучение на ФИЯ было четырёхгодичным).

Факультет иностранных языков постепенно рос, набирал силу. В начале 60-ых гг. в связи с обострением советско-китайских отношений появилась необходимость в подготовке специалистов со знанием китайского языка, особенно в районах, пограничных с Китаем. С этой целью в 1960 году в ЧГПИ было открыто китайско-английское отделение. Кафедра китайского языка была создана через год, в 1961 г. Работу по формированию кафедры возглавил Александр Фёдорович Никитин, который был приглашён в институт из посёлка Забайкальский (тогда станция Отпор), где он и его коллега Андрей Александрович Андреев работали переводчиками китайского языка в таможене на железной дороге. Они оба были выпускниками МГИМО 50-ых гг., оба уже имели опыт педагогической работы в школе. Именно эти «столичные провинциалы» и начали обучать первый набор китаистов, выпуск которых состоялся в 1965 году.

В течение 5 лет А. Ф. Никитин заведовал кафедрой китайского языка, затем работал деканом факультета (1961, 1967–68 гг.) и, наконец, ректором педагогического института. Он много сделал для укрепления материальной базы факультета и оснащения кафедры учебно-методической литературой. Кроме того, неоценимый вклад в становление кафедры китайского языка внесли супруги Виктор Алексеевич и Калерия Вениаминовна Тын, которые приехали в Читу осенью 1961 года из Шанхая (КНР). С целью укрепления молодой кафедры из МГУ был приглашён лингвист-теоретик Сталь Борисович Кишинский, который читал студентам курс теоретической грамматики китайского языка.

В эти же годы на факультете иностранных языков появились первые кандидаты наук, которые впоследствии внесли огромный вклад в его развитие.

В 1973 году создаётся ещё одно новое отделение – франко-английское. Работу на этом отделении начинали преподаватели, приехавшие в Читу из разных городов страны. Среди них С. П. Киселёва, Н. И. Косьяненко, Н. А. Потаенко, В. Н. Болдакова, Н. И. Епишкин, Г. М. Костюшкина, А. В. Васильев, Н. В. Озерская, которая в течение многих лет преподавала латинский язык на факультете. Первой заведующей кафедрой французского языка была Светлана Павловна Киселёва.

В 1976 году, по инициативе А. П. Бабенко, была создана кафедра английского языка как второго и методики преподавания иностранных языков. Данная кафедра являлась методическим центром факультета. Анна Петровна сама возглавила кафедру в период её становления. Первыми преподавателями были Л. И. Сологуб, Р. В. Каргина, Л. М. Котович,

А. Д. Калёнова, Г. В. Зотова, Л. Г. Шеремет, Л. Г. Иванова, Е. П. Мирошниченко. На факультете были оборудованы кабинеты и лекционный зал психолого-педагогической подготовки студентов. Ведущие специалисты кафедры читали лекции по актуальным проблемам методики преподавания иностранных языков, активно сотрудничали с институтом усовершенствования учителей.

Резкое снижение финансирования вузовского образования в 90-ые годы привело к необходимости поиска новых путей и источников выживания факультета в сложившихся условиях. Так, в 1992 году на ФИЯ по инициативе кафедры английского языка, открылось новое англо-китайское отделение. Целая группа молодых людей была принята на факультет с полной компенсацией за обучение. В последующие годы приём студентов, обучающихся на платной основе, существенно расширился.

С 1996 года английский язык стал преподаваться в качестве второй специальности на физико-математическом факультете, где открылось отделение «информатика и английский язык», а с 2001 года и на романо-германском отделении филологического факультета. Эту работу обеспечивала кафедра английского языка (1-ая специальность). Несколько раньше с 1994 года кафедра английского языка как второго начала тесное сотрудничество с педагогическим факультетом в рамках подготовки выпускников по специальности «Учитель начальных классов и английского языка». Заведующие обеих кафедр, Татьяна Ивановна Суханова и Нина Алексеевна Маркова, столкнулись с серьёзной проблемой нехватки высококвалифицированных кадров. Большую помощь и поддержку оказали ветераны (В. И. Соколова, А. В. Антонова, Р. Г. Ковалёва и др.), которые откликнулись на призыв коллег и оставались на своём посту в это трудное время.

С 1997 года, учитывая потребности края в учителях иностранных языков, ФИЯ начал осуществлять контрактно-целевой набор (КЦП) абитуриентов из районов области, что позволило частично снизить напряжённость с кадрами в сельских школах.

В 1998 году на ФИЯ открылись две новые специальности: «Лингвист-переводчик» (китайское отделение) и «Лингвист-преподаватель» (французское отделение).

В 2003 году по инициативе комитета образования края на факультете было открыто отделение заочного обучения по специальности «Английский язык». Это позволило повысить квалификацию работающих молодых учителей и привлечь в педагогическое образование дополнительные силы.

Активизации работы кафедр немецкого и французского языков по многим направлениям способствовало создание специализированных центров.

1997 год. Центр французского языка и культуры. Создание центра позволило студентам и преподавателям французского отделения участво-

вать в разработке и реализации программ многостороннего сотрудничества в области языка и культуры с Францией и другими странами ЕЭС.

1999 год. Центр учебно-методической литературы Гёте-института. Был создан для обеспечения студентов и преподавателей аутентичной литературой на немецком языке и современными методическими пособиями, позволяющими преподавать этот язык на качественно новом уровне. Главной задачей Центра было развитие мотивации к изучению немецкого языка, истории и культуры Германии.

В 2000 году было создано Забайкальское региональное отделение Союза переводчиков России (председатель О. В. Стельмак), под эгидой которого и в настоящее время проводится большая работа, в том числе и по организации и проведению ежегодных межрегиональных конкурсов молодых поэтов-переводчиков. С этого же времени при ЗаБРО СПР издается профессиональный журнал «Переводчик».

Развитию и масштабному укреплению МТБ факультета способствовало открытие в 2000 году лингвистического центра «Прогресс». Из средств «Прогресса» осуществлялась помощь по оплате командировок и учебных пособий преподавателей, закупка техники, мебели, учебной литературы и канцтоваров, финансирование творческих проектов студентов факультета, спонсировалась благотворительная деятельность и т. п.

Повышению квалификации коллектива ФИЯ, несомненно, способствовали иностранные преподаватели, которые ежегодно приезжали из Китая, США, Великобритании, Германии, Франции. Кроме того, носители языка из Турции и Японии преподавали свой язык для студентов ФИЯ как третий иностранный.

В качестве самостоятельной структурной единицы Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета (ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского) факультет иностранных языков просуществовал ровно 60 лет (1952–2012 гг.). В дальнейшем, в ходе реорганизации вуза и его присоединения к Забайкальскому государственному университету, он объединился с филологическим факультетом в факультет филологии и массовых коммуникаций. Позднее, после очередного укрупнения факультетов кафедры и отделения бывшего ФИЯ стали работать в составе историко-филологического факультета.

За время существования языкового образования в высшей школе Забайкалья тысячи выпускников нашли своё призвание на поприще педагогической и переводческой деятельности, обрели любимую профессию и заняли достойное место в обществе. Многие выпускники ФИЯ стали проводниками ценностей русскоязычного мира в качестве дипломатических работников за рубежом.

Ольга Стельмак, декан ФИЯ (1995–2010 гг.)

Поэзия

ГЕННАДИЙ БУРАВКИН (1936 – 2014)

Буравкин Геннадий Николаевич – известный белорусский писатель, сценарист, общественно-политический деятель. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Член КПСС. Член Союза белорусских писателей и Союза писателей СССР. Лауреат премии Ленинского комсомола Белоруссии (1972). Лауреат Государственной премии БССР им. Я. Купалы (1980). Лауреат литературной премии имени А. Адамовича (2005). Награждён орденом Трудового Красного Знамени и орденом Дружбы народов.

Геннадий Буравкин является автором более 20 литературных изданий (сборников поэзии и песен, книг для детей, документалистики, переводов). Он переводил на белорусский язык стихи русских, украинских, молдавских и болгарских поэтов. Работал редактором, корреспондентом, заведующим отделом литературы, заместителем и главным редактором в различных периодических изданиях: «Коммунист Беларуси», «Літаратура і мастацтва», «Правда», «Маладосць», «Вожык», на Белорусском радио. Занимал важные государственные посты: с 1978 года – председатель Госкомитета БССР по телевидению и радиовещанию, 1994–1995 гг. – заместитель министра культуры, с 1990 года – постоянный представитель БССР (с 1991 года – Республики Беларусь) при ООН. Избирался депутатом Верховного Совета БССР (1980–1990). Являлся членом Рады белорусской интеллигенции и Белорусского ПЕН-центра (1989), председателем Общества белорусского языка имени Франциска Скорины.

* * *

Может ночью, в час звёздного чуда,
Или утром, как солнце взойдёт,
Я предчувствую:
Призван я буду
Небом – дать ему полный отчёт.

Пригласят меня выси святые
В мой последний, неведомый дом:
Приговора ждут судьбы людские
Там пред главным, высоким судом.

Перед тем,
Как увижу вдали я
Неземного огня языки,
Я хотел бы,
Быть может, впервые,
Сам себе исповедать грехи.
Перед близкими мне б повиниться,
Груз обид своих сбросить долой,
Из родимой напиться криницы,
Голос мамы услышать родной.

Поклониться
Деревьям
И травам,
И гнезду средь ветвей... В тишине
Вдруг почувствовать сердцем:
Недаром
Я родился на этой Земле.

* * *

Какое счастье –
Жить на белом свете,
Пить тишь боров и аромат полей,
Вдыхать привольный чаборовый ветер,
Иметь семью, работу и друзей!

Простого счастья ждём мы не случайно:
Приятно книгу новую читать,
Из родника водой наполнить чайник,
Иль просто листья прелые сжигать.

Какое счастье –
С хваткою крестьянской
В руках косы тугое тело сжать,
С нечаянной, щемящей сердце лаской
Растроганно колосья приласкать.
И, за сараем спрятавшись в тенёчке,

Где дуб качает свой зелёный шум,
Отринуть песней, стихотворной строчкой
И одиночество, и тяжесть мрачных дум.
Однажды выйти в поле на рассвете,
Чтобы понять
До светлых, чистых слёз:
Какое счастье –
Жить на белом свете
Средь этих птиц, и радуг, и берёз!..

* * *

Друзьям кивну я головою
И попрощаюсь с большаком:
Тропинкой узкой полевой
Спешу я в дом родной пешком.

Порхают мотыльки над полем,
Ромашки радуют мой взгляд.
Родное, милое приволье!
Я снова нашей встрече рад!

Так хочется раскинуть руки
И молча броситься в траву,
Забыв все боли и все муки,
Тишь подложив под голову!

Увидеть снова возле хаты,
Как прячется в дремоты тень,
Немного сгорбленный, усатый,
Похожий на отца, ячмень.

И, постояв ещё немного,
Вдруг выйти к дому из берёз,
Отца окликнуть у порога
И маму, светлую от слёз...

ОБЦЕЛЮЮ ТЕБЯ

Обцелую тебя,
Обшепчу,
Отогрею,
Отведу от тебя

Злую заметь-зиму.
Над верхушками сосен
В свободном полёте борея
На ладонях признания
К Богу тебя подниму.

Я не дам тебе слово сказать –
Я их все отгадаю.
Самый лучший свой стих
На устах твоих сердцем прочту.
Над дорогами, снами,
Над песнями и над годами
Ясноликой луной
Поплывёшь, сделав явью мечту.
А на грешной земле
Мы присядем под яблоней белой,
Я цветы все и травы
Сложу у божественных ног.
Захмелею от счастья –
Немного наивный и смелый,
Молодой, как и прежде –
Твой раб
И твой бог...

* * *

Мне голос был...
(А. Ахматова)

Мне голос был,
Казалось – с поднебесья,
А, может, из-за дальних курганов –
Пел ангел,
Или дуб шумел полесский,
Иль доносился звон колоколов...

Мне голос был.
Его услышал я.
Он к звёздам нёс –
К возвышенному дому,
В себе тоску нездешнюю тая,
Как та молитва –
Тайный и знакомый.

Он – песня на жнивье, тяжёлый стон,
И в то же время – жаворонка легче.
...Мне голос был.
Живёт со мною он.
И мне свои слова скупые шепчет...

* * *

Когда поймёшь, что ты созрел,
Держи экзамен строгий:
А верно ль выбрал свой удел,
Идёшь ли той дорогой?

Неважно: грек ты
Иль еврей,
И где живёшь ты – тоже.
Будь человеком средь людей
И чти законы Божьи.
И ни упрёков школьных дам,
Ни самодура-босса,
И даже Страшного Суда
Ни капельки не бойся.

* * *

Каждый день пишу письма¹ –
Маме,
Друзьям,
Внукам,
А ещё –
Детству, которое никогда не вернется,
И старости, от которой не убежишь,
Берёзам под моим окном,
Журавлю в осеннем небе,
Ручью у придорожной рощи
И Софии² в Полоцке...

¹ Стихотворение, строка из которого стала названием последнего сборника стихов Геннадия Буравкина «Лісты да запатрабавання» («Письма до востребования»). (Прим. пер.).

² София в Полоцке – храм, возведённый в Полоцке в середине XI века и освящённый в честь Святой Софии. (Прим. пер.).

Я шепчу их
Прохладным весенним утром,
Жаркими летними днями,
Снежными зимними вечерами
И отдаю
Лёгкому облачку на небе,
Тёплому дождю-грибосею,
Ласковому боровому ветру.

Некоторые из них я записываю
И называю
(Может быть, излишне самоуверенно?)
Стихами.
Я оставляю их
До востребования,
Тайно надеюсь,
Что в один прекрасный день их захотят прочитать
Мои взрослые внуки,
Или моя зелёная берёза,
Или мой журавль,
Что прилетит с юга...

* * *

Выключил телевизор.
Выключил радио.
Выбросил на свалку газеты.
И словно задохнулся
От тишины и свободы.

Слушаю перешёптывание осенних клёнов,
Перемигиваюсь с вечерними звёздами.
Лежу себе на диване,
Вспоминаю свое детство
И размышляю о вечности жизни.
А ещё я могу взять с полки томик Купалы
И читать,
Наполняясь блаженством и удивлением.
Ещё я могу играть со своим внуком
Или, наконец-то, написать письма друзьям
В Варшаву и Прагу...

Боже,
Как это здорово,
Если вас не атакуют с экрана ножом и пистолетом,
Если радио
Не оглушает
Визгом модной безголосой певички,
А газеты
Не агитируют за очередного спасителя нации!..
Письма до востребования...

Как это, оказывается, хорошо –
Быть просто дедушкой,
Хозяином своего дома,
Мужем милой, заботливой жены,
Ещё не совсем старым человеком,
Который может себе позволить
Смотреть вслед длинноногим смешливым девушкам!..

И так проходит день, второй.
Успокаивается мир,
Соседи становятся добрее,
Ветер – ласковей,
К вечеру не ухудшается настроение,
И вспоминаются старые, почти забытые песни...

Но вот уже что-то
Совершенно неуловимое
Тайно закрадывается в душу,
Неловко шевелится там
И начинает подавать робкий голос,
Словно цыплёнок,
Который выпал из гнезда
На мягкую траву
И очень хочет назад
Под колючий шумный ветер,
Ближе к белёсым облакам
И яркому солнцу...
Вначале я не понимаю,
Куда постепенно исчезает волнение,
Почему затуманивается радость,
Чего мне не хватает в этой удушающей сосредоточенной тишине.

Это начинает меня угнетать,
Раздражать,
Становится тоскливым страданием...
И вот я уже
Включаю телевизор,
Ловлю волну знакомой радиостанции,
Беру в руки стопку свежих газет...

Я снова
В сумасшедшем, проклятом,
Привычном мире,
От которого чуть не сбежал...

Перевод с белорусского Светланы Быковой

ИРИНА ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА

ГОНСАЛУ М. ТАВАРЕШ (род. в 1970 году)

СНОВА – ВРЕМЯ ЗВЕРЕЙ

Я счастлива, что это со мной случилось: в один из дней я получила бандероль с книгой Гонсалу М. Тавареша, сам автор подарил её мне. Это положило начало огромному открытию, открытию мира, в чём-то похожего на мой, на миры других поэтов – но и очень отличного своей оригинальностью.

Кого мне сразу напомнили мысли Тавареша – это Рикарду Рейша, одного из трёх главных гетеронимов-масок Фернандо Пессоа. Любимого мной, может быть, больше других за горечь и лаконизм его чеканных логоэдов. Вот, сравните эту оду Рейша с фразой из стихотворения Тавареша¹:

Всё уходящее – смерть, и если
Это уходит для нас, то – наша.
Видишь, куст умирает,
Часть меня с ним уходит.
Частью всего остаюсь, что видел,
И ухожу я со всем, что видел,

¹ Фернандо Пессоа. Оды Рикарду Рейша. Перевод, вступ. статья и примеч. И. Фещенко-Скворцовой. – М.: Воймега, 2020. – С. 159. (Прим. пер.)

Ты ли, стало ль тобою –
Память не различает.

Иногда я вижу больного и тревожусь из-за этого...

Эта болезнь – моя.

Всеми недугами – больны мы все.

Все страдания – наши общие страдания.

Ко всем смертям имеют какое-то отношение все люди.

(Гонсалу М. Тавареш. Из кн. «O homem ou é tonto ou é mulher»).

Или эти строки Рейша¹:

Чтоб стать великим, цельным будь, будь искренним,

Верным сущности собственной.

Будь весь во всём, себя всего ты вкладывай

В шаг любой и в деяние.

Так жизнь луны, её судьба высокая

В каждой заводи светится.

И у Тавареша:

... Луна не

падает лишь потому, что не может. Закон всего высокого.

(Г. М. Тавареш. Сад умер... из «Книги костей»)

Антониу Мануэл Феррейра, филолог, преподаватель и исследователь из университета в Авейру, ищет истоки творчества Тавареша у Тита Лукреция Кара, римского поэта и философа (родился около 99 г. до н. э. – умер около 55 г. до н. э.) и в поэмах гетеронима Ф. Пессоа – Алберту Казейру. Его рассмотрение, почти разложение на атомы, человеческого тела Феррейра сравнивает с некоторыми нотами поэзии Луиша Мигеля Навы (1957–1995), трагически погибшего португальского поэта, жившего в Бельгии.

Гонсалу М. Тавареш – португальский писатель, прозаик и поэт, родившийся в 1970 году. Его книги изданы в более чем сорока странах мира. По сюжетам его произведений написаны пьесы для театра, созданы радиоспектакли, короткометражные фильмы и предметы пластического искусства, художественные видео, опера, спектакли, архитектурные проекты, академические диссертации...

В Португалии он получил премии, среди которых премия Жузе Сарамагу 2005 г. и премия Ler / Millennium BCP 2004 г. за его роман «Иеру-

¹ Оды Рикарду Рейша. – С. 200. (Прим. пер.).

салим», и большая премия Камилу Каштелу Бранку от ассоциации португальских писателей за «Água, cao, cavalo, cabeça» в 2007 г.

В 2010 г. его книга «Путешествие в Индию» получила премию от объединения португальских авторов, специальную премию от общества португальских авторов и специальную премию от «Imprensa Melhor Livro de 2010 dos Prémios de Edição Ler Booktailors».

Среди международных премий, полученных этим писателем, можно назвать бразильскую (2007), итальянскую (2008), сербскую (2009), три французские премии (2009–2010 гг.).

А. М. Феррейра так говорит о начале писательской деятельности Г. М. Тавареша: «Его первая опубликованная книга – *Livro da Dança* («Книга танца») – датирована 2001 годом. К этому времени он уже получил премию “Revelação de Poesia” от Ассоциации португальских писателей в 1999 году за том “Investigações.Novalis”, который был опубликован в 2002 году – небывалый случай! В этом же 2002 году писатель опубликовал ещё три произведения: “*O Senhor Valéry*”, “*O Homem ou é Tonto ou é Mulher*”, “*A colher de Samuel Beckett*”. Так много законченных и изданных книг за такое короткое время – замечательное достижение. Практически Гонсалу Тавареш никогда не был «начинающим писателем». Особенности его письма выявляют зрелую, сложившуюся эстетику, раскрывают путь писателя – самосовершенствование через экспериментирование. Очень рано Тавареш был удостоен восторженного внимания специализированной критики. Эдуарду Праду Куэлью (1944–2007), известный португальский педагог, писатель, эссеист, назвал Г. М. Тавареша важнейшим литературным проявлением или откровением 2002 года, а Педру Сена-Лину (род. в 1977 г.), португальский писатель-романист, поэт и биограф, говорит о нём как об одном из величайших поэтов XXI века.

Приводя восторженные отзывы коллег о Тавареше, Феррейра замечает что, несмотря на опасность слишком ранних прогнозов, по крайней мере, можно утверждать: Г. М. Тавареш – один из наиболее оригинальных современных португальских писателей, он с самого начала демонстрировал читателям зрелый своеобразный стиль письма, в каждой из книг он даёт зарисовку своего видения мира, и эти зарисовки складываются в единую сложную картину. Часто сложно определить жанр его произведений. В одной книге могут быть соединены поэтические тексты, лирические, драматические – повествования и эссе – смешение жанров, которое является характерной чертой его литературного стиля. Тексты глубоко философичны, но при этом глубина и часто парадоксальность заложенных в них идей сплавляется с тонким лиризмом и превращается в поиск преодоления боли с помощью иронической игры и «культурного дискурса», не всегда сдерживающих и утишающих вспышки незащитных эмоций, не исключая порой эмоционального надлома. (António Manuel Ferreira. Breve apontamento sobre a poesia de Gonçalo M. Tavares. Перевод И. Ф-С).

Когда переводишь стихи Тавареша, хочется выписывать некоторые мысли, так поражают они своей глубиной, и кажется при этом, что эта мысль проскальзывала и в твоём сознании, но ты на остановился, не подумал об этом.

Вот некоторые из таких фраз:

- ...Какая-то постоянная сила, которая,
Будучи отдалённой от дней, от их шума,
Меня сопровождала...
Дадим этому название: дисциплина...
- Вслушиваться в сказанное со всех точек зрения...
- Орган восхищения миром:
двигаться только в направлении того, что мне нравится...
- Не исследуй то, что любишь, чтобы ни одна погрешность
Не проникла в очарование...
- Проникает во внутренности насилие и пожирает сердце...
- Никогда не забавляла меня чрезмерность, ещё и сегодня
Я стыжусь, слыша грохот...
- Между возможностью многое определить, угадать, присущей
Математике, и возможностью блуждать,
Присущей письму (блуждать – от *блуждания*, когда бродят
Почти без цели), я подсознательно выбрал
Второе...
- Убрать серьёзность из самого акта письма –
Я научился этому ещё в детстве, убрать серьёзность из жизни –
Я начал учиться этому только после выхода из неё, и надеюсь
Постареть, совершенствуя это разочарование.

Отрывок из книги «O homem ou é tonto ou é mulher»

1.

Но не считайте, что я не думаю.
Я как раз домашний философ.
Закрываюсь дома и размышляю.

И только когда выхожу, тогда мне приходится притворяться. (...)
Так трудно быть рассудительным, когда мимо проходит столько красивых девушек.

2.

Иногда мне страшно, очень страшно.

Иногда я страдаю.

Иногда я думаю о моих любимых и
о возможности их потерять.

Иногда я вижу больного и тревожусь из-за этого.

Это может быть вовсе не мой друг и не близкий мне человек,

Я могу его видеть впервые.

Но я тревожусь.

Эта болезнь – моя.

Всеми недугами – больны мы все.

Все страдания – наши общие страдания.

Ко всем смертям имеют какое-то отношение все люди.

Иногда я чувствую это особенно интенсивно,

в другие дни – меньше.

Когда это чувство во мне слабее, я могу беспокоиться обо всём мире,

играть поэтическими строчками,

философскими идеями и словами.

Но, когда это чувство усиливается, я уже не могу думать.

Когда страдаю или чувствую боль другого человека, не могу даже
желать оставаться разумным.

Если мы полны чувством, нет места для размышлений.

Тогда не имеют смысла ни логика,

ни философии,

ни споры.

Всё наше тело чувствует.

И что остаётся? Ничего.

Существует только та смерть, та болезнь, та старость.

Только тот отец, которого я люблю, а он стареет на глазах. Только та мать,
которую люблю, а она стареет.

Только тот друг, кто погиб из-за нелепой аварии.

Только тот друг, что теперь всегда печален,

ведь его оставила жена.

Только любовь и её нехватка.

Обманывающие нас женщины и женщины обманутые,

лгущие женщины и мужчины.

Друзья, переставшие быть ими,

и те враги, после смерти которых нам было больно.
Какое значение имеет всё остальное?
Где та, важная, книга?
Где тот фильм, что подскажет решение?
Мы можем рыдать перед иным полотном, но это ничего не разрешит.
Мы можем сами написать картину, сложить стихи, показать прекрасным
женщинам,
как мы красивы, продемонстрировать своё атлетическое сложение,
но к чему всё это?
Мы одиноки.
Если не сейчас, то будем одиноки потом.
Друзья покидают нас, покинут нас.
Они умрут, или умрём мы.
Или просто перестанут нам звонить, или мы просто расхотим
звонить им.
Мы одиноки. Мои любимые люди умрут.
Книги ничего не изменяют. Поэзия красива и иногда
помогает отдохнуть, успокаивает, но не находит решений, не находит
решений.
Мы можем быть художниками или не быть ими, что бы то ни было
не может ничего изменить и ничему помешать.
Мы пишем стихи, но никому этим не помогаем.
Пишем пьесы, улыбаемся, пытаемся мыслить,
ищем идеи, пытаемся кого-то развлечь, пытаемся
побудить людей к размышлению, пытаемся вызвать у них слёзы, и
это хорошо, и даже, возможно, красиво, но ничего не изменяет,
не предлагает никаких решений,
ничего не изменяет.

Стихотворения из книги «Автобиография»

сила

Я никогда не видел ангелов и не учил молитвы,
Как учил стихи, но у меня очень рано
Появилась некая спокойная сила, скрытая
Позади существования, она давала
Советы, порой надоедливые, пунктуальные;
Какая-то постоянная сила, которая,
Будучи отдалённой от дней, от их шума,
Меня сопровождала. Не связанная с религией, никакого Бога,
Никакого страха, никакого поклонения, –
Дадим этому название: дисциплина. Это как раз подходит.

Мир идёт вперёд, и случаются разные вещи,
И моё тело замыкается в себе и делает то, что нужно.

перемирие

Мои волосы были растрёпаны, если на мне
Были шорты, они спадали; я подтягивал их, но
Не причёсывался.

Если у меня было перемирие с детством, то вот какое:
Я ещё не пользуюсь расчёской, ношу не шорты, а брюки,
но они по-прежнему спадают. Из деликатности
я подтягиваю их.

фразы

От моего отца я унаследовал безрассудную
Манеру слушать фразы, которые нам говорят: не ожидать
Их, сидя на стуле, но скакать вокруг, вот ведь
Способ, который и не способ совсем, а инстинкт:
Вслушиваться в сказанное со всех точек зрения,
Как если бы речь, когда она уже прозвучала,
Была бы веществом, и оно оставалось бы в воздухе,
И мы, животные – представители дьявола, вокруг неё
Сделали бы видимым то, что эта фраза хотела бы скрыть:
Она пыталась показать лицо с хорошо наложенным макияжем,
А мы указали бы на её нижнее бельё,
На безобразные прыщи, на её уродство, на её лживость.

энергия и этика

Я знаю это: моя энергия направлена
На игру со словами, мне нравится идея построения
И то, что есть от неё в наших обычных движениях.
Мне нравится слово «инженерия» и то, что оно
Представляет: ты не уходишь, не оставляя чего-то позади
Себя. Я обращаюсь лишь к вещам, привлекающим меня,
Вдохновляющим на новые конструкции, обращаюсь
К людям, которые мне нравятся, и никогда – к другим;
Мне всегда представлялось безумным то, что задерживается
Больше, чем на мгновение – только восхититься; и что-то всегда нам
помогает в этом адском
исчислении расстояния между сегодняшним днём
и нашей смертью. И любой людской шаг, который был бы
сделан не с целью высокой оценки, любования,
но с целью обиды или разрушения –
мне кажется brutальной потерей времени,

серьёзным упущением органа восхищения миром
(бороться ты должен однажды или дважды в жизни,
если ты сражаешься двенадцать раз,
это потому, что ты боролся слабо).
Разумеется, я не знаю, как жить. То, что я прочёл и увидел,
Помогает мне только лучше понимать, а не
стать лучше. Я сам создал это правило (или родился с ним):
и, возможно, это мораль –
двигаться только в направлении того, что мне нравится.
если здание высокое, тёмное, уродливое,
мешает мне видеть солнце, я не говорю о нём плохо, не
пошевелю и пальцем, чтобы его свалить:
да, я буду обходить кругом здания,
пока не дойду до того места, откуда смог бы получить
то, чего хочу. Если дойду туда ночью, то расположусь лагерем.

убежище

Из своего убежища разгляди и в своём убежище сконструируй,
Выходи из него, только если сможешь что-то дать другим.
Раньше – слишком рано, гораздо позже – это очень эгоистично.
Но даже это понимание не помогает, не знаю,
Как жить, не знаю, что более нравственно, более этично,
В чём участвовать, куда смотреть, слушать – что?
Ведь многое говорит одновременно.

карта

Я всегда чувствовал математику как физическое
Присутствие; по отношению к ней я вижу себя
Тем, кто не способен
Забуть о своём пульсе из-за того, что надел рубашку со слишком
Обуженными рукавами.
Простите мне это сравнение: это как
В баре с проститутками, где пьют пиво,
И где наше равнодушие подстрекает корыстное
Желание женщин; математика тоже
Мир, куда я вхожу, чтобы почувствовать себя изгоем;
Чтобы понять, что, в сущности, этот язык, связанный
С числами, расчётами, вычислениями – это система,
И она, в одно и то же время, и миллионер, и нищий. Писать –
Занятие не более интеллектуальное, чем верховая езда;
Почему я выбрал письмо? Не знаю. А может быть, и догадываюсь:
Между возможностью многое определить, угадать, присущей Математике,
и возможностью блуждать,

Присущей письму (блуждать – от *блуждания*, когда бродят Почти без цели), я подсознательно выбрал Второе. Пишу, потому что потерял карту.

близкое, далёкое

Все определения несколько схематичны, вот почему, если мы Пристально посмотрим на что-то знакомое, мы бываем ошеломлены, Порой мы пугаемся: именно в деталях Этого привычного есть то, что говорит об опасности, вызывает Разочарование. Иногда Лучше было бы нам не смотреть долго на то, Что мы любим, сказал кто-то. Понаблюдай за врагом, чтобы ты его смог Полюбить; не исследуй то, что любишь, чтобы ни одна погрешность Не проникла в очарование. А если я сделал это, если я это сделаю?

солнце

В детстве солнце было товарищем, который был повыше нас, Который появлялся сначала на футбольном поле и там, неподвижный, Охранял заднюю часть ворот и траву, ставшую горячей. Будто бы солнце было на самом деле кухонной утварью. Усовершенствованной, старинной, но утварью, предметом, Который девушки сжимали своими пальцами, и чьё Действие могли регулировать по своему усмотрению. Например: когда свет был чрезмерным, Пальцы защищали глаза. В другой раз Тело казалось естественным Инстинктивным завершением жара, шедшего сверху: И мы получали солнце, как конечная точка получает Фразу. Солнца было больше в мои шесть лет (кто это делал?), или время и скука Отвлекли меня?

самолёты

Помню: я не любил самолёты. Мои товарищи по играм поднимали голову, указывали пальцем В направлении этих рукотворных облаков с пассажирами внутри, Но я не поднимал головы, будто был исключён Из забавы, потому что не знал её простых правил. Никогда не забавляла меня чрезмерность, ещё и сегодня Я стыжусь, слыша грохот, Мне говорят, что я слишком низко опускаю голову; Точно корова, которая разглядывает траву. И это правда.

Иногда мне стыдно видеть, часто я стыжусь того,
Что видят меня.

группы

Мне это кажется странным, я боюсь того, что жизнь
Лепит из меня без моего разрешения.
В 18 лет я обожал застолья, это меня развлекало,
Я находил в группе живость и возбуждение, каких
Не мог обрести в одиночестве, как если бы радость, веселье
Двадцати человек были бы речью, которая для изолированного
Живого существа недоступна, непонятна.
Я не умру, не зная этого языка, но теперь
Я его избегаю: пять человек за одним столом пугают меня,
Как ограбление: «Отдай мне!». Я слышу эти слова,
И чувствую ожидания других, связанные с этой фразой,
В тишине или в сочетании с моей неподвижностью
Ощущаю их холодное прикосновение к моей рубашке,
Точно это потайной кинжал опытного грабителя.
Я не люблю групп, скоплений – промежуточного
Между дружбой и военным отрядом. Дружба – то, что делится
На двоих, иногда на троих; и, честно говоря,
Число четыре меня отпугивает.

слова, действия

Ирония учит разрушать фразы,
Это как с мотором автомобиля:
Вытащишь одну деталь – машина уже не двигается, передвинешь
Глагол или одну букву в существительном –
И трагическая фраза станет забавной,
А забавная – трагической.
Эта привычка, почти инстинкт, защищала меня
С детства, от того, чего ещё сегодня опасаясь: превратить
Язык в Бога-спасителя и каждую фразу в ангела –
Носителя истины. Убрать серьёзность из самого акта письма –
Я научился этому ещё в детстве, убрать серьёзность из жизни –
Я начал учиться этому только после выхода из неё, и надеюсь
Постареть, совершенствуя это разочарование.

вопросы, ответы

Я мало знаю этот мир, мои родители всегда
Понимали то глубокое отвращение, какое
Я испытывал из-за любой поездки. Я был крепким,
Боролся, меня толкали, толкал я, падал.

В тот же день я наслаждался спокойным солнцем и прочными стенами.
Но теперь – нет. Для меня, начиная с сегодняшнего дня,
Фиксировались события моих дней,
Прикреплялись к стене любым материалом –
Нет такого прочного клея, я знаю, и зажимы
Недостаточно прочны, чтобы удержать происходящее,
Но есть один секрет, определённое постоянство привычек,
Дисциплина, бесполезная, глупая, эгоистическая, да, несомненно,
Всё это, но дисциплина, знание, каково наше
Положение, где, в каких местах мы предпочитаем затеряться, это да,
Это позволяет превратить события в пейзаж
И нашу голову в главное действующее лицо.
И окружающий мир – скажут. Да, правда, на определённые вопросы
Я не знаю ответа, и определённые ответы, которые я даю,
Смущают меня.

Книга костей

На земле одна работа – считать сыновей, живых.
Кормить небо – что кормить тигров: выбрать точный момент,
издали, но отважно;
в ту же секунду отдернуть руку,
сразу вернуться домой – на землю.
Кормить небо – что кормить тигров: осторожность и отвага.
Ждать терпеливо ночи.
Потом укрыть всё своё тело в сердце.
Так, словно сердце необъятно.

Боги утратили землю...

Боги утратили землю; оставили её младенцам, незнанию.
Они принесли в жертву планету, как приносят в жертву сердце: новая
кровь между пальцами танцует среди животных и девушек.
С одной стороны, снизу, остаются внутренности; бедра виднеются
из-под платья, желание, неосторожность; камнепад над
музыкой; вокруг – молчание. Книги ничего не улучшают.
Выскальзывают из пальцев предметы и мифологии, но умирают,
дойдя до ногтей, до берегов; день ударяется о ночь и гаснет.
В людях больше тишины, чем они могут вместить. Поэтому
они, говоря, выдумывают слова и занятия: электрический свет
освещает головы, но ничего не делается яснее.
Дыра в теле, божественность вытекла; отверстия в костях.

Укоротить людям ноги, чтобы вернуть на землю.
У человека артерия несёт кровь в голову; у животных тоже.
К последним Бог не приплывает в лодке, но притекает по артериям.
Говорят, у людей – так же.
Бросили свои обиталища боги, оставили их разорёнными, в беспорядке.
Незнание, добровольное ослепление, последовательное, логичное,
разделяющее; приводит всё в порядок, уже привело.
Надо бы танцевать.

Проходит день, на какой, говорили греки, мы имели право...

Проходит день, на какой, говорили греки, мы имели право, вот и пришёл момент смерти; но остановись на мгновенье, взглядишь в старость: с телами мужчин играет, издевается над их прежней дерзостью; с женщинами – не так: успокаивает то, что должно было быть спокойным. Мужчину согнутая спина приближает к земле, к испражнениям быка.
В женщинах возвещает последнюю утончённость – величие.
Женщины выдумывают дни – допоздна; всё больше их терпение: всё больше вечного в них помещается.
Смотрите: на небе гроза, потрясение; боги спасаются, прижимаясь к телу матери.
Они не трусы, боги, как дети: пугаются...
Ни один из живых не догадался – это Тайна, но у женщин память лучше.

Понимать богов и катастрофы...

Понимать богов и катастрофы; прояснять день своим пониманием.
Использовать землю, чтобы подняться: ничего не случится на небе, пока мы не там.
Связывать невидимое с обыденным обычной бельевой верёвкой: замедлять дни, сервировать ими стол. Убегать...
Нет фактов: боги только пьют, курят, среди них старики, новорождённые; на небе звери ценятся так же, как и короли.
Важна только кровь и выбор способа смерти.
Боги тоже умирают, но они исчезают по-другому.
Будто бы мы вода: кто-то пьёт нас.

Все вещи имеют власть: мы выкупаем их душу – нашей (даже у растений есть душа и привычки).
Когда придёт гроза – время возвращения, –

даже звери боятся; воды входят в человеческое: уничтожают его.
Боги сегодня потеряли свою важность: рождают плоть, защищают
золото богатых.
Современный человек растратил дух, как тратятся деньги,
даже мёртвые утратили святость: их используют наука и статистика.
Псы поедают душу богатых, и бедные у Бога просят только золота.
Никто не человечен, разве что, когда болен.
Последнее поколение философов – это больные.
Там, внизу, важные звери прикасаются к славе.
И когда поднимется сильный ветер и опрокинет империи, следующий день
возвратится к началу: к Силе.
Снова время зверей.

Сад умер...

Сад умер, по земле, над семенами растений входит
войско насилия.
Танцевать, чтобы добыть пищу – в другие времена. Теперь –
убивать, чтобы отнять пищу.
Они жаждут плодов, проходят над семенами, бесполезная утрата.
Насилие.
Земледелец начнёт сначала утром.
Твёрдость духа. Невинность – начинать снова.
Пожирать сердце. Проникает во внутренности насилие и пожирает сердце.
Тело чудовищно, как и Вселенная. Тело насильника. Луна не
падает лишь потому, что не может. Закон всего высокого.
Звери, почти красные, покидают людей.
Позади, всё, что осталось от обитателей города, кости, один или
другой сын, и горячая душа, клейкая – испорченный продукт.

Перевод с португальского Ирины Феценко-Скворцовой

КШИШТОФ МАРИЯ СЕНЯВСКИЙ (1951 – 2001)

РЕКВИЕМ ПО МЕЧТЕ

Большую известность получил американский фильм с символическим названием «Реквием по мечте». Это трагическое определение созвучно творчеству польского поэта Кшиштофа М. Сенявского. Он – романтик в чистом виде, может быть, даже последний польский романтик. Во всяком случае, в двадцатом веке. Но авангард отшумит, а романтизм останется.

Таким художникам трудно жить на свете. Он прозревал душой высший идеал, экстатически переживал райские видения и остро ощущал разлад между идеалом и обыденностью. То, что для других людей – просто жизнь, для него было падением с запредельной высоты, и расшибался он в кровь. Поэзия такого эмоционального накала необходима, как глоток кислорода в отравленной атмосфере нашей цивилизации. Осип Мандельштам в «Стихах о русской поэзии» написал: «Лермонтов – мучитель наш». Кшиштоф – тоже мучитель наш, он не даёт душе успокоиться, уснуть, окаменеть. Заставляет нас не бояться чувствовать, любить.

Но к тому, что ненавидел – лжи, пошлости, предательству, стяжательству – он был беспощаден, тонкая ирония его разила, как сталь. «Живи, как пишешь» – бескомпромиссный призыв русских поэтов. А он и не мог иначе. Отвергая соблазны литературной карьеры и материального благополучия, он обретал истинную свободу. Предпочитал быть почтальоном, но не литературным чиновником. Поэт, разносящий письма. Но это тот, кто несёт весть. Вестник. А вестник – это ангел.

Да он и был на земле таким Ангелом, но не с сусальной открытки, а странным, чуждым, неловким, мешающим всем в толпе своими крыльями, всегда смотрящим не под ноги, а в небо.

В детстве взял себе девиз: «Semper fidelis» – вечно верный. И всегда был верен себе, своему призванию, своей Музе.

Кшиштоф Мария Сенявский – человек современного трагического мироощущения, он многое предчувствовал и предсказал в своём творчестве. Время его ещё впереди.

Из поэмы «Ангел Евгении»

Из главы V

...Снова сказку расскажу про дорогое:
Это солнце, это вёсны, это птахи –
Это жизнь... Хоть в голове моей другое:
Это страхи, это крахи, это плахи.

Но живу. Лишь для тебя (И с небосвода:
«Никогда!») – бросаю девушкам манерным).
И хоть ты – ничья, как ветер, как свобода,
Твой слуга я, твой невольник, Ангел верный!..

Знаешь, милая, может быть длинной
Песня жалобы, верящей в жалость.

А звезда среди листвы тополиной
В твоих чёрных глазах отражалась.

Дорогая, нить времени свита,
Поезда просверкали огнями...
Шутовская, дурацкая свита
По дороге плетётся за нами.

Да, любимая, о невозможном
Волком вою так страстно и дико.
Отразился во взгляде тревожном
Обезглавленный странный владыка.

Он ведёт нас дорогою странствий,
Где бездонны морские глубины
В неизведанном сонном пространстве –
Дорогой моей, милой, любимой...

ДАЛЬ

Что же осталось от тех небылиц,
Юностью нашей обещанных сбыться?
Смыло иллюзии влагой с ресниц.
В роще тоскует какая-то птица.

Я не пойму, отчего небеса
Снова пустынно и серого цвета?
Что напевают лесов голоса?
Молодость минула, кончилось лето.

Осенью пахнет. О, нет, никогда
Не были так безнадёжно красивы
Эти равнины и эта вода,
Три над рекою склонённые ивы.

Кто нас в бездомность позвал из столиц,
Кто нам шептал, оглашая окрестность:
«Это осталось от всех небылиц –
Осени грусть и судьбы неизвестность»?

Впредь не грозит уж ни горе, ни зло –
Всё подчинится законам суровым.

Отбушевало, отпело, прошло.
Реки блестят под ледовым покровом.

Нацелил месяц лунный рог
На всё земное.
Зачем твердишь, что ты пророк?
Ты – параноик.

Взирает месяц свысока,
Столь гибкий.
Я вижу только тень смычка
И скрипки.

Окутан дымом папирос
Жду чуда –
Пусть видит, что воскрес Христос,
Иуда.

Как Мастер, в горечи утех
Жизнь вижу...
А ты, что в мире дальше всех, –
Всех ближе.

О, друзья, которых придумал
В горькой муке, как делают дети,
От любви непосильной я умер –
Это значит, что жил я на свете.

Они путь мой укажут вам точно –
Ниоткуда по белому свету
Шёл, окован пернатой цепочкой...
Значит, правду всю знают про это.

И за то, что покинул их скоро
Без возврата – мне будет расплата.
...Но друзья, придумал которых,
Присягнут вам, что был я когда-то.

...Всего горше – быть всеми забытым,
Когда ливень – и солнце – и Бог.
Детский сон мой растоптан копытом...
Как к тебе вернусь я – без ног?

...Всего горше, что гонит без цели
Бесконечно фатальный наш круг.
Даже рощи от слёз поседели...
Как тебя обниму я – без рук?

...Всего горше – быть раненным ложью,
Дикой своре попавшись в кольцо.
Соблазнительно краски наложит
Жизнь чужая себе на лицо.

Кем ограблен – кем сброшен со сцены?
Не вернётся уж, Герда, твой Кай...
...Всего горше – вспороть себе вены,
Когда небо – и море – и май.

РЕКВИЕМ

Обезумел Бог,
А за ним весь свет –
Уж не чует ног,
Не считает лет.

Вельзевула смех
Сотрясает мрак.
Мой безгрешный грех –
Вечный путь в кабак.

В тине жабий хор,
Повятовый страх.
Пляшет с девкой вор
На похоронах.

Я не сват, не брат –
Подзаборный тип.
Пляшет с ведьмой гад –
Пот седьмой прошиб.

Я – незлой подлец.
Льёт холодный пот.
Недалёк конец –
Ангел в зубы бьёт.

Грянет гром вдали
В языках огня.
Боже из петли
Не спасай меня!

Сумасшедший мир!
Сумасшедший Бог!
В тине жабий пир
Выпьет лунный рог.

...Мой последний час –
Час смертельной тьмы.
Бог не верит в нас –
Раз не верим мы.

В тине жабий смех,
В сердце боль небес.
Пугало для всех –
Я для всех исчез!

АД

Рыцарь – без страха
Да без доспеха.
Верным – и плаха,
Словно утеха.

Царь – да без царства,
Верный – и в горе,
Врач – без лекарства,
Парус – без моря.

Шут – без наряда,
Рыбарь – без сети,
Пастырь – без стада,
Верный – до смерти.

Через границы,
Горы и реки
Путь наш продлится –
Вместе – навеки.

Вслед нам хохочут
Куклы-уроды...
Смоют всех ночи
Мёртвые воды.

Жене С.

Любил когда-то Музу поэта Соловьёва.
О, как давно то было. Да вправду ль было это?
Но соловьиным садом до царства шёл лесного
По солнечной дороге, дороге цвета лета.

За лесом было море. И солнца глаз стеклянный
Глядел мне прямо в сердце так пристально и слепо.
А смерть моя совою кружилась над поляной
В своём последнем танце безумно и нелепо.

И я кричал: «Веди же!» К кому взывал я снова?
К кому тянул я руки? К кому в лазурной сини?
И таяло Виденье поэта Соловьёва,
Как истерзавший душу мираж воды в пустыне.

Нет, не поэм изысканных каприз,
Не об искусстве умные трактаты...
Я бы, сестра, в лесу деревья грыз
От боли, от тоски моей проклятой.

Молчи. Послушай дикий мой напев,
Не заглушённый лаем своры в чаще...
И вдруг возникнет огнегривый лев
В тревожном блеске фонарей скворчащих.

Ты слышала, как в жилах скачет лось,
Чьё горло разодрала лжи засада?

Молчи о том, что с нами не сбылось.
Ты понимаешь... Только так и надо.

ЗОВ

Жене

Ты о чём вздыхаешь молча,
Что ты стала тайно плакать?
Слышишь зов надрывный волчий,
Что несёт тоску из мрака?

Я на этом поле снежном
Сам бы был таким же волком,
Что хотел бы лаской нежной
Для тебя быть мягче шёлка.

Чародейку я унёс бы
В зимний лес, что зачарован.
Но декабрь на волчи просьбы
Лишь нахмурится сурово.

И не стон мольбы о счастье –
Только дикий голос крови,
Только боль любви и страсти
Ты расслышишь в волчьем зове.

ЛЕБЕДЬ

Жене – единственной на свете

Мой сонный лепет
В бреду,
Как белый лебедь
На льду,
Как белый лебедь
В снегу.
Кто сон мой лепит
В пургу?

Слов раскалённых
Листы.
Свет глаз зелёных –

Лишь Ты.
Лебедь так рвался
В полёт!
А в моих пальцах –
Лишь лёд.

ВОРОН

Жене

...Дни детства солнечного вижу,
Как льдинки, что сверкают, тая.
Но, друг, на небо посмотри же:
Там воронов кружится стая.

Она крылами свет затмила
В своей зловещей, хищной пляске.
И всё, что было сердцу мило,
Вдруг потеряло цвет и краски.

Но КТО, грозя крылом громадным,
Наметил в жертву нас жестоко?
И целит клювом беспощадным
В зари сияющее око?

В ТАКОЙ ЖЕ ДЕНЬ

Нам не бродить испуганной дубравой,
Октябрьский день раскинул паутину –
И ветер гонит к дому лист кровавый,
И ворон рвёт небесную холстину.

В такой же день умчалось детство в небыль,
И сказки все в печи давно сгорели,
Погас костёр, а дым взошёл на небо –
И больше песен вместе мы не пели...

Высокий стон тоски моей осенней,
Жестокий ветер выстудил каморку –
В такой же день повесился Есенин,
В такой же день скосила пуля Лорку.

Зачем всё в жизни так трагично
(Не петть мне божьей птичкой),
И вечная любовь обычно
Кончается привычкой?

А радость отчего поддельна
И даже скорбь притворна?
Как двоечник, томлюсь бесцельно,
В тоске молчу упорно.

К чему мы сад вишнёвый рубим?
Того не постигаем...
Ну, почему всегда мы любим
То, что в слезах сжигаем?

Зачем врагу мы гимн слагаем?
За что себя мы губим?
И почему всегда сжигаем
Мы только то, что любим?

ОДИССЕЙ

*Жене Славороссовой,
вечной страннице*

Одиссей дорожный плащ небрежно скинул,
Одиссей прекрасно жизнь свою устроил.
Он в житейском море, в мелких дрызгах сгинул,
Не ушёл в скитанья, как герои Трои.

Не был окроплён он синею волною,
И ему не пели песнь свою сирены.
Содержал в достатке он сынка с женою,
Родственникам бедным помогал смиренно.

Не было Калипсо, Навзикаи, Кирки,
Не грозил Циклопа дикий глаз горящий.
Только в стенке дрелью пробивал он дырки
Да пролил на кухне как-то борщ кипящий...

Всё Гомер измыслил, выдумщик упрямый,
Но и он не ведал, в нас сомненья сея,
Что в уютных стенах разыгралась драма
Пострашнее грозных странствий Одиссея...

Е. С.

Я думал – я думал – я думал,
Что сила слова
Того, кто однажды умер,
Поднимет снова.
И верил – и верил – и верил,
Что жизнь со мною,
Но кровь открывала двери
Вину виною.
Любил я – любил я – любил я
И был покорным.
Но весь белый свет забыл я –
Всё стало чёрным.
И жил я – и жил я – и жил я,
Тоскою ранен.
О, как бескорыстно служил я –
Самаритянин.
Довольно – довольно – довольно –
Я не из глины.
Оставьте меня, мне больно! –
Все Магдалины.
Проигран – проигран – проигран
Мой бой. Не сетуй.
Любви завершились игры...
Но где ты? Где ты?
В смятенье – в смятенье – в смятенье
Обетованье:
Я встану огромной тенью –
Там, в Ханаане.

ИОНА

Рыба, рыба-кит летучий,
Бесконечно одинокий,
На лету глотаешь тучи,
Солнце прячешь в каждом оке.

О тебе я слышу песни,
О тебе читаю книги,
Странный образ твой воскреснет
В каждой мысли, в каждом миге.

Сотни плёнок и пластинок
Лгут о прошлом и грядущем,
Посредине дней пустынных
Ты всегда молчишь о сущем.

Прячешь ненависть с любовью,
Прячешь плачи да молитвы
И венки у изголовья
Хлопцев, что ушли на битвы.

От подруги – до гранаты,
От забав – до смерти страшной.
На могиле у солдата
Пожелтел веночек вчерашний.

А в тебе несётся поезд,
Выпуская на перроны,
Как зачитанная повесть,
Стольких жизнью утомлённых.

В городах твоих горбатых –
То рождения, то смерти,
А в соломе крытых хатах
По ночам хохочут черти.

Шторм в морях твоих суровых
Ветром сети рвёт рыбачьи –
И скрываются от лова
Косяки в волнах удачи.

Рыба, рыба-кит летучий,
Всплыв над детской кроваткой,
Ты в очах скрываешь тучи,
Солнца прячешь ты загадку,

Чертишь молнии извивы
Между снами и волнами –

И пока ещё мы живы,
Рыба, смилуйся над нами.

ЗА НИМ

Он всё ближе. Он всё ближе. Он всё ближе.
Вот подходит. Вот глядит нам прямо в душу.
Крест высокий неземное пламя лижет,
Голос звёзд лишь Богоматерь может слушать.

Смотрит молча. Смотрит молча. Смотрит молча.
Смерть кружит седой совою над долиной,
В мёртвом небе рана кровь по капле точит,
И дрожит слеза в очах у Магдалины.

Богоматерь, Богоматерь, Богоматерь
Звёзды моря, словно чётки нанизала.
Только смерть Его грехи людей оплатит.
Но и кровь ещё вином для нас не стала.

Мир неправый – мир неправый – мир неправый,
Что богатые, что нищие – едины,
Станет сладкий плод запретный нам отравой.
Больше нету слёз в глазах у Магдалины.

Шаг всё глуше, шаг всё глуше, шаг всё глуше –
Прочь от наших дней слепых и окаянных.
Магдалина сигарет в ночи не тушит,
Не бежит от необузданных и пьяных.

Без возврата – без возврата – без возврата –
Путь сердец, в которых зреют зёрна света,
Что за Ним уходят, верою объяты,
На Голгофу устремясь из Назарета.

Перевод с польского Евгении Славороссовой

ВЛАДА УРОШЕВИЧ (род. в 1934 году)

Влада Урошевич – признанный классик македонской литературы. Поэт, прозаик, эссеист, составитель антологий, переводчик и профессор университета. Член Македонской академии наук и искусств, македонского ПЕН-центра, Европейской академии поэзии (Люксембург) и Академии Малларме в Париже. За заслуги в переводе французской литературы в 1987 году правительство Франции провозгласило его рыцарем литературы и искусства. Обладатель наиболее значимых литературных наград Македонии. Его произведения переведены на многие языки. Автор прозы (рассказы и романы) и нескольких книг очерков и путевых записок, а также книг, посвящённых живописи. Составитель нескольких антологий французской поэзии и македонской поэзии для франкоязычных.

Творчество Влады Урошевича известно русскоязычным читателям благодаря переведённым Ольгой Панькиной романам «Невеста змея» и «Маджун», рассказам «Сабля», «Манекен», «Вишнёвый ликер» и др., а также поэтическому сборнику «Поющий в башне», за который в 2017 году Влада Урошевич был удостоен высшей награды «Золотой витязь» в номинации «Поэзия».

На страницах журнала «Переводчик» хочу предложить вниманию читателей несколько стихотворений из этого сборника, в который вошли стихи, созданные писателем за последние шестьдесят с лишним лет. По жанру это причудливые зарисовки, новеллы, баллады, наполненные афористическим юмором и самоиронией. Лирический герой помещён в контекст тотального нарушения связей и находится на грани саморазрушения, трагического абсурда; порой герой не в силах структурировать хаос, но всегда сдерживает распад силой красоты и гармонии.

Его конёк – афористичный юмор. Всегдашний спутник – самоирония: *«поэт, наконец дотянувшись до слова, падает и ломает шею»*. Ведь как бы там ни было, только верность идеалу достойна человека, хоть и обрекает на гибель: *«Прекрасны всадники, верящие в слова и безудержно стремящиеся к поражению!»* В одном из его стихотворений прозвучало: *«Сделай вид, что веришь мне, или поверь»*. Именно так; это – шанс. Если не верить поэту – *«связному истины»* – то, кому же?

Сборники поэзии: «Другой город» (1959), «Невиданное» (1962), «Манекен в пейзаже» (избранное, 1966), «Летний дождь» (1967), «Звёздные весы» (1973), «Водолазный колокол» (1975), «Спящий и пустота» (1979), «Компас сна» (избранное, 1984), «Гипнополис» (1986), «Атлантида, остатки» (избранное, 1992), «Риски ремесла» (1993), «Паника» (избранное, 1995), «Мане, текел, фарес» (2002), «Неразборная лаборатория» (2019).

ЮЖНАЯ ЗВЕЗДА

Где ты, страна, что прекрасней всех стран,
детских картинок киношный экран,
тень, и дорога, и эта звезда,
место, которого нет и следа,
город Альдебаран.

Где ты, тот сон, что зловещ будто вран,
знак на пути, в коем смысла на гран,
море и небо, а на земле –
травка, которая скрылась в золе,
песня Альдебаран.

Где ты, тот крик, будто кровью из ран,
пламя и старец с лицом, как шафран,
шрам, что с рожденья на каждом из нас,
краски, картина, любовный экстаз,
женщина Альдебаран.

Где ты, тот путник, бредущий в буран,
волны, что берег крушат, как таран,
лес, и речушка, и столб верстовой,
вещая птица над головой,
истина трижды и трижды обман, Альдебаран.

ЧТО ПОЭТ ХОЧЕТ СКАЗАТЬ СВОИМ СТИХОТВОРЕНИЕМ

О чём же поэт поведать нам хочет?
Что стих – это вовсе не стих,
а лес. Что бумаги листок – это молния,
что грифель обычного карандаша
становится угольной шахтой
вечером, ближе к ночи.

О чём же поэт поведать нам хочет?
Что вечер – совсем и не вечер,
скорей, наводнение такое, что тонут дома.
Дома – это гнёзда, а в них
становится женщина птицей,
и в каждом – гомон сорочий.

О чём же поэт поведать нам хочет?
Что птица – это не птица,
а просто цветок, подброшенный в небо.
Что небо есть капля воды,
река – это зверь, которому течь
больше уже нет мочи.

О чём же поэт поведать нам хочет?
Что зверь – это вовсе не зверь,
а туча, над морем плывущая.
Моря – горизонты уснувшие,
и их разбудить может только
глетчер, что гору точит.

О чём же поэт поведать нам хочет?
Что глетчер – совсем и не глетчер,
скорее, окно, из которого видно Вселенную.
Вселенная – просто ребёнок,
горячим каштаном земной шар в руке,
он держит его и хохочет.

О чём же поэт поведать нам хочет?
Что каштан есть земля.
Земля – это зверь. Зверь – это дом.
Дом – это шахта. Шахта есть грифель.
Грифель есть слово, а слово – мудрец,
который значенья пророчит...

НЕБЕСНЫЙ САД

В яблоке каждом небесное тело
скрыто, в лимоне, айве, померанце.
Кожицу срезав, мы зрим онемело
хаоса мглу, магмы протуберанцы.

Полон плод зрелый сиянием бешеным.
Косточки твёрдая тяжесть не в тягость
ветке, где космосом целым развешаны
фрукты-планеты, сиянье – их сладость.

Тайной покрыт смысл их спелости тленной.
Вкус к нам стремится как ввысь звездолёт.

То, что мы ищем в глубинах Вселенной,
скрыл в своей мякоти сахарный плод.

ПОЭТИКА

Богомилу Гюзелу

Как гимнаст,
не долетевший на йоту
до трапеции, – не повезло.

Как пилот
горящего самолёта,
у которого отвалилось крыло.

Как альпинист,
которого лавина настигла снова,
и он вниз летит вместе с нею

– так поэт,
наконец дотянувшись до слова,
падает и ломает шею.

ЮЖНЫЕ ФРУКТЫ СРЕДИ ЗИМЫ

Апельсин, принесённый среди гриппозной зимы:
маленькое солнце, которое ошеломляюще светит
сквозь дым и туман. Узнаем ли когда-нибудь мы,
и расскажет ли нам продавец про апельсины эти,

как они искали покупателей от Занзибара до Мали,
от Суэцкого канала до Берега Слоновой Кости?
Ананас, привезённый с дальнего края земли,
посланец южного континента, приехавший в гости.

Громко кричит канареечная желтизна банана.
Блеск мандарина для глаз просто невыносим.
На соломинке связка инжира цвета шафрана,
покачиваясь, сияет; золото бледнеет перед ним.

Три летних дня заменяет лимон, гладок и глянецвит.
Финики липкие и вязкие, как арабские гласные звуки.

Я, больной, учу ещё не открытый учёными алфавит,
согреваясь апельсиновым солнцем, неизвестным науке.

СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН СНА

Где я? В Исландии? Мороз вкогтился.
Надо что-то делать, не то застыну.
Но я даже не знаю, как тут очутился
и как попал в ледяную пустыню.

Это Сибирь? Или я на Аляске?
Надо спешить, а то холод сразит.
Вон нарты, но где ездовые хаски?
Взбегаю на холм, но это же кит,

который сразу ныряет. Зараза!
С магнитофона сматываются ленты.
Я путаюсь в них, но бегу на базу,
роняя в снег по пути инструменты.

Теряю варежки, в яму падаю.
Из вьюги выныривают эскимосы.
Амундсен склоняется с верхней палубы:
«Хотите наняться ко мне в матросы?»

Нет, это остров. Какой? Имя, имя!
Вспомни, старайся. Олень, тюлень.
Я в детстве читал про полярные зимы,
но мысль спотыкается, думать лень.

Я понял, что в книге заперт. Домой!
Мне рыбьего жира не выпить и ложки!
Вспомню названье – спасусь! Боже мой,
какой хоть рисунок там был на обложке?

МЕНЕ, ТЕКЕЛ, ФАРЕС

*В тот самый час вышли персты руки человеческой и писали
против лампы на извести стены чертога царского,
и царь видел кисть руки, которая писала.*

(Книга пророка Даниила 5:5)

Кто бы ни написал эти слова на стене,
наверняка намеревался что-то сказать ими.

Но на каком языке, кому? И ещё непонятно мне,
почему буквами в сажень – такими большими?
Если хотел что-то сообщить, то зачем при всех?
Какой в этом смысл, люд растревожен.
Неприятная толчея, беспричинный смех,
прислуга с подносами нервничает тоже.
Под ногами мечутся псы, гости делают вид,
что ничего не заметили, протянутая рука,
неожиданно ослабев, упасть норовит,
как падает лепесток с увядающего цветка.
Танцовщицы убегают со сцены тихой сапой.
Написанное что-то значит, но им не дотумкать.
Наплевать – всё равно одна была косолапой.
Мудрецы ковыряются в зубах, заглядывают в рюмки,
С умным видом оглаживают бороды. К чему мучения?
Скорее всего, это безобидные рисунки и рожицы,
не имеющие абсолютно никакого значения,
и нам совершенно не о чем тревожиться.
А может быть, это ошибка или недоразумение?
Или речь идёт о чьём-то больном мозге, случайно
проявившем себя таким образом. Тем не менее,
послание к нам не относится, никакая это не тайна.
Всё просто и ясно, и только звезды на небе в ночи
и муравьи на земле продолжают писать откровение
буквами, которых никто не понял и не изучил.

АБЛАНАТАНАЛБА

*В районе восточного Средиземноморья
иногда находят амулеты гностического периода
с магическим палиндромом: Абланатаналба.*

Я говорю: о, абла, о, натан, о, алба,
буквы врезаны в серебро, камень, слоновую кость,
раскалённой подковой кузнец их сковал бы,
спиралью, обвивающей заумную ось.
Слово-трава, что растёт
на месте,
где сидела
ночная ядовитая жаба:
Абланатаналба.
Знак, не значащий ничего или всё, что вам чается,
читающийся одинаково и с конца, и с начала.

Серная насадка, высиживающая золотые яйца,
которые чёрная черепаха в песке расточала.
Слово-защита, оберег,
в котором,
как и во всяком другом,
никто защиту и не распознал бы:
Абланатаналба.
Знание, доступное любому и никому при этом.
Помнишь: sator arepo tenet opera rotas.
Секрет, объясняемый только другим секретом,
звуки, что к смыслу вполоборота.
Слово-указатель, ведущее
сквозь подземелье,
где ты руки
лишь в глубь снов окунал бы:
Абланатаналба.
Нож без лезвия и рукоятки,
последний огонь, что пустыни край освещает.
Ребёнок, со своим страхом играющий в прятки.
Нищий, который всем всё обещает.
Слово-богатство сверкает
там,
где ночь
схватила звёздную сталь бы:
Абланатаналба.
Ночной голос земли, который днём избегает сознания.
Лицо усопшей принцессы, что скрыла погребальная маска.
За горизонтом событий предзнаменования,
весть от Трисмегиста Гермеса для Тота и для Абрасакса.
Слово-клинок, который сечёт
даже там,
где любой другой
крошиться стал бы:
Абланатаналба.
Я говорю: о, абла, о, натан, о, алба.
В этом звуке нет ничего, и всё есть при этом,
от чего целый мир любовью пылал бы.
Плод, уже сморщенный от мороза, но всё ещё пахнущий летом,
звук-головоломка, который
несказанному
наговорил похвал бы.
Абланатаналба!
Абланатаналба!

Перевод с македонского Ольги Панькиной

БАТОЖАРГАЛ ГАРМАЖАПОВ (род. в 1950 году)

ЗОЛОТАЯ ВЕРШИНА БАТОЖАРГАЛА ГАРМАЖАПОВА

От переводчика. ... Не помню ни год, ни месяц, ни день знакомства с Батожаргалом. Мне кажется, мы были знакомы всегда. А вот первое моё стихотворение, которое я перевёл на русский язык и которое стало своеобразной основой нашей многолетней дружбы и творческого сотрудничества, помню до сих пор: «Степь, для меня ты не просто земля без границы...».

Значительная часть моего детства и юности прошла в степном селе. Я, также, как Батожаргал, любил и уважал своих земляков-степняков, мужественных, трудолюбивых, бескорыстных, добрых и честных людей. И так же, как он, делал первые шаги на пути в большую литературу, мечтая отдать людям своё сердце и песни и вчитываясь в строки стихов поэтов-классиков и своих учителей – забайкальских поэтов Николая Савостина, Юния Гольдмана, Георгия Граубина и др. И хотя тогда, более трёх десятилетий назад, я, уже имея более солидный опыт работы в журналистике и литературе, чем мой друг, который на десять лет младше меня, я всё чаще и чаще удивлялся его мудрости, глубине суждения о жизни, людях, прочитанных книгах, широте его знаний обычаев и традиций своего народа, нашей общероссийской истории.

И, переводя стихи Батожаргала Гармажапова на русский язык, я всё больше проникался уважением к моему другу. В его стихах никогда не было даже тени желания попозёрствовать, поизобразить из себя поэта-оракула или поэта-страдальца, чем иногда и сегодня грешат молодые стихотворцы.

Вчитываясь в простые, искренние, идущие от сердца строки, я видел и вижу и бескрайнюю степь, и спокойный, призывный свет костра, и сидящих вокруг него суровых, знающих цену слову людей: чабанов, табунщиков, скотников, пастухов и моего друга-поэта, не имеющего тайн от друзей, и умеющего хранить их тайны.

Раздумьями о смысле жизни, о времени, об ответственности человека за свои дела и поступки наполнены и многие стихи Батожаргала Гармажапова <...>.

Борис Макаров

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕЧНОСТИ

Я – степняк, я из древнего рода галзут –
Мою землю отчизной Гэсэра зовут.

А потом повстречались мне люди,
Был горяч и радушен приём,
И душа никогда не забудет
Схожестъ с нами везде и во всём.

Углублялась душа моя в дали,
Расширяла пространство времён,
Об улусе большом тосковала,
Где монгольские девять знамён.

БУРЯТ

В тяжелейшие годы разрухи
Добродетелью только богат,
Комара не обидит и мухи,
Так живёт настоящий бурят.

Он хозяин зимою и летом
Плодородных степей, в душе рад
Всей окраске степи. Каждым цветом
Дорожит настоящий бурят.

Станет лидером он без расчёта,
Среди множества – каждому брат,
И не вскружится вдруг от почёта,
Так живёт настоящий бурят.

Первым чаем рассветы встречая,
Исполняя старинный обряд,
И молитвою путь начиная,
Так живёт настоящий бурят.

И в глазах его узких зеницы,
Всё вбирая, спокойно глядят.
И в душе его мир не теснится...
Это он – настоящий бурят!

ВОПРОСЫ

Что случилось с родным языком,
Чем мы корни сегодня питаем?
У ребят я спросил на родном,
Возвратили на русском: «Не знаем...»

Значит болен язык мой родной
И охвачены корни недугом,
Мы усвоили говор чужой
И общаемся чуждо друг с другом.

Сбережём ли мы корни и род,
Где язык и отцовское имя?
И каким это будет народ,
Что не связан с корнями своими?

ПЕСНЯ

В степи июльская жара.
Нелёгко дальний путь.
И отдохнуть уже пора,
Но негде отдохнуть.
Ни тени кустика кругом,
Ни капельки воды.
Лишь коршун в небе голубом –
Знамение беды.
Шуршит пожухлая трава,
Скрипят солончаки.
Всё реже бодрые слова,
Весомей рюкзаки.
Но вдруг коротенький хлопок –
И, презирая зной,
Малышка-птаха, как цветок
Раскрылась над землёй.
И песня звонкая дождём
Рассыпалась вокруг.
Я выдохнул:
Теперь дойдём,
Дойдём, – ответил друг.

СТЕПЬ МОЯ...

Степь моя,
Мать моя седоволосая,
Вот и окончилась
Долгая наша разлука.
Снова люблюсь я
Звонкими нашими росами,
В речки твои

Душа – она от бога,
И в ней всего премного.
Бывает тёмно-пасмурной,
и лучезарно-радужной,
и слёзы утирая
поёт о грёзах рая.

Душа у человека
Изменчива от века.
Умом непостижимая,
Живучая, ранимая,
родная, сокровенная,
сама себе вселенная.

Я

Я – стремление матери,
Я – мучение матери,
Я – горе матери,
Я – надежда матери,
Я – щит матери,
Я – совесть матери,
Я – счастье матери,
Я – единственный сын матери.

Перевод с бурятского Бориса Макарова

СЮЗАННА КАРЛСОН (род. в 1965 году)

Произведения Сюзанны Карлсон¹ опубликованы в нескольких англоязычных изданиях. То, что она пишет, я бы отнесла к экспериментальной литературе. Стихи – нерифмованные. Новеллы, или малая проза, содержат элементы ужаса и абсурда. Это может быть и «страшный» рассказ на запретные темы, семейная идиллия, которая оказывается иллюзорной, драматическая история с элементами фантастики, когда героя ждёт крах надежд и, вероятно, гибель. Автор уделяет внимание и описанию состояний природы, которые отражают эмоции главного героя.

Сюзанна Карлсон родилась в г. Саннивейл, штат Калифорния. Писать начала в 12 лет. Тогда же завоевала главный приз в национальном

¹ Сюзанна Карлсон – литер. псевдоним Сюзанна Айзнер. (Прим. пер.).

конкурсе по написанию эссе. Начала печататься с 17 лет. В 1989 г. окончила государственный университет в Сан Хосе по специальности «Литературное творчество». Бакалавр искусств. С 2009 г. занималась в студиях литературного мастерства. Успешно участвовала в различных литературных конкурсах. Её рассказы и стихотворения были опубликованы во многих англоязычных журналах. В течение 30 лет С. Карлсон является владельцем фирмы по оказанию услуг в области технического редактирования и издательства. Ведёт активную общественную деятельность.

Заметное влияние на творчество писательницы оказали её любимые писатели: Уильям Шекспир, Фланнери О'Коннор, Рэймонд Карвер, Уильям Стэнли Мервин и Сильвия Платт.

Стихийный бунт

Признаюсь, отчего-то печалюсь,
Когда чудится вздох мостовой,
Плач высоток и стон тротуаров –
Всех камней с незавидной судьбой.
Как невольники, пленники града
Жаждают вновь превратиться в гранит
Иль в песчаник, – свободы им надо:
Стать песком и принять прежний вид.

Как предателю цивилизации
Мне б вернуть первозданный вид
Всем страдающим от бюрократии,
Круговерть эту остановить.
Словно всмятку яйцо весь асфальт, –
То трава пробивает грунт,
Все постройки увиты плющом –
Я за этот стихийный бунт!

Воркование сизого голубя
На безжизненных крышах города –
Мировой революции слово.
В кумачовых глазах сизокрылого
Дышит алая кровь революции,
Что пролита за всех, за любого.

Став предателем хитрой ловушки,
Я молюсь за простых росянок,
Я отказываюсь от комфорта,
Глядя в полные гнева и страха

Глазки маленькой серой пичужки
И воздушного змея на нитях, –
Всех принижённых, участь которых
Ползать и быть лишённым величия.

Потому что я слышу голос –
В доме, где я извела счастье
Появиться в небесном чертоге,
В доме, где испытала невзгоды,
Узаконенные Юдолью.
Как священные формулы давние –
Голос предков и дикой природы,
Несмолкающий голос камня.

По дороге домой

Над придорожной серой пылью,
Маня беспечным взмахом крыльев,
Взмывают в небо стаи птиц.

И зорко смотрит хищный сокол
На белых чаек вереницу –
И камнем падает он вниз.

Уж мертвенно бледнеет вечер,
И омрачается тревогой
Степная ширь; повеса-ветер
Всё тише дует вдоль дороги.

Но нежно стелется губастик
И клевер розовой травинкой,
Напоминая нам о счастье,
Что светит радугой былинной.

Так хочется, чтобы не меркнул
Сей символ жизни быстротечной,
Чтоб радовалось чьё-то сердце
Грядущим дням, идущим в вечность.

ХОРОШИЕ МАНЕРЫ

Он бросил взгляд исподтишка,
Ухмылкой сжатый рот отмечен.

Неловко подавляю страх
Улыбкой встречной.

Как кровь пульсирует в висках,
Лицо горит от приговора:
«Где локти?» – Прячу влопыхах.
Глаза блестят неммым укором.

Я скромно кисти рук кладу
На белый стол. Всё на виду:
Салфетки и еда в тарелке.
Я ем. В смущении давлюсь.
Кусок не мелкий...

Я ем глазами стол обильный,
До боли, до стыдливых слёз, –
Уж всхлипывает холодильник,
Скулит под дверью старый пёс.

Я чувствую детей улыбки,
На них взираю свысока –
Расту. Как золотые рыбки
В пределах узкого мирка.

Перевод с английского Иды Замирской

РЕНАТ ХАРИС (род. в 1941 году)

Ренат Харис – народный поэт Татарстана, автор более сорока книг на татарском, русском, английском, башкирском и чувашском языках. Родился в семье сельских учителей. Окончил Казанский государственный педагогический университет. Работал учителем, журналистом, ответственным секретарём Союза писателей Татарстана, заместителем министра культуры, заместителем Председателя Госсовета (Парламента) Татарстана. Им написано около четырёх десятков поэм, часть из которых стала операми, балетами, ораториями, кантатами, теле- и радиоспектаклями.

На стихи Хариса композиторами Казани, Москвы, Уфы, Саратова и других городов создано более ста пятидесяти произведений вокального жанра. За создание либретто балета «Сказание о Юсуфе», способствующего развитию традиций национального эпоса в современных условиях диалога культур, Ренату Харису присуждена Государственная премия Россий-

ской Федерации за 2005 год. Он также является лауреатом Государственной премии Республики Татарстан имени Габдуллы Тукая, Республиканской премии молодёжи Татарстана имени Мусы Джалиля, заслуженным деятелем искусств Татарстана, заслуженным работником культуры Чувашии и Каракалпакии.

Ренат Харис – секретарь Правления Союза писателей России, член Геральдического совета при Президенте Татарстана, член редколлегии журналов «Наш современник» и «Казан утлары», член Главной редколлегии Татарской энциклопедии. В Татарии издано собрание его сочинений в 7 томах.

РЕАНИМАЦИЯ¹

*(Поэма, написанная в «красной зоне»² госпиталя Казанского
Федерального университета, в палате 310)*

Врачам, борющимся с пандемией коронавируса

Как будто кто-то пробкой мне
в груди дыханье перекрыл
и бросил мучиться в огне,
как птицу, что лежит без крыл.

Коронавирус! Я тебя
не проклиная. Ты – дитя
Природы, что, весь мир любя,
погибель сеет всем шутя.

Нам всем всё поровну дано –
и боль горячая, и жизнь.
Но каждому нам суждено
в любой беде сказать: «Держись!»

Коронавирус! Не тая,
тебе «спасибо» говорю
за то, что в страшном кашле я
остался жив, хоть весь горю.

¹ Реанимация – совокупность мер по оживлению организма, находящегося в состоянии клинической смерти, восстановление резко нарушенных или утраченных жизненно важных функций системы. (Прим. пер.).

² «Красная зона» – особая зона в инфекционных больницах, где лечатся тяжелобольные пациенты, в частности – заражённые коронавирусом. (Прим. пер.).

«Спасибо!» – я скажу тебе,
коронавирус мой, за то,
что ты учил нас по судьбе
мыть руки, как не мыл никто.

Я понял – виноват не ты
в том, что я сильно занемог,
надеясь только на мечты,
ну а рассудком – пренебрёг.

Себя внезапно возомнив
почти Аллахом на Земле,
я стал ко всем быть неучтив,
толкаясь, как в кромешной мгле.

Оглохло сердце, ум ослеп,
и правда жарко душу жжёт.
Прав говорящий, что нелеп
тот, кто себя не бережёт.

Мы жили, веря лишь в «авось»,
не видя – свет вокруг иль тьма,
и это слово в нас впилося,
пытаясь нас лишить ума.

Но, несмотря на злость и месть,
горит рассудок в нас огнём,
и, чувствуя, как жжёт нас честь,
мы за неё – в пожар шагнём...

...И вот я из небытия
вновь возвращаюсь в этот мир,
где дует воздуха струя
в меня из гулких вышних дыр.

Вокруг всё пусто и мертво,
и в том пространстве, не дыша,
я превращаюсь в вещество,
чтоб в нём жила моя душа.

Мне странен этот способ – быть
там, где живых и близко нет,
и в облаках туманных плыть
на вдалеке горящий свет.

Вот госпиталь. Казань вокруг.
И взгляд мой различает вдруг
себя на белой простыне,
лежащим тихо в полусне.

А за окном встаёт рассвет –
Казанский университет
плывёт над миром, как в кино...
И смотрит голубь мне в окно.

Верней – голубка, так как взгляд
мой видит беленький халат –
то, видно, птичья медсестра
даёт лекарства их с утра.

И, отгоняя липкий страх,
я вижу, как течёт мне в грудь
из капельницы в облаках
живительная силы суть.

Я от неё горю в огне –
не продохнуть и не вздохнуть.
Та сила бьётся в сердце мне,
чтоб в лёгких пробку протолкнуть.

Но эта пробка заперта –
как те ворота отворить?
Вся заржавела пробка та,
нет силы, чтоб её пробить.

Хоть душу кашлем разорви,
хоть сердце утопи в крови,
хоть загони всю землю в шок,
а мне б – хоть воздуха глоток!..

...Ну кто нам скажет, из чего
был создан человек? Господь

из воздуха соткал его:
был воздух лишь, а стал вдруг – плоть!

Так воздухом живёт душа,
и чем сильнее его вдохну –
тем я бодрей живу, спеша,
ныряя в воздух, как в волну.

Есть Жизнь и Смерть, а между них
просторы мёртвые лежат.
Тут не вздохнёте и на миг,
безкислородность – вот он, Ад!

Ад – это жар, но знает мир:
без воздуха умрёт костёр!
Так Космос в нас из чёрных дыр
стреляет вирусом в упор.

И уходя от мира прочь,
я тороплюсь к сиянью дня.
Но став темнеть вдруг, словно ночь,
Спеша, покинул ум меня.

И поднимаясь высоко
в простор над гулкой пустотой,
себя спросил я: из чего
мне кем-то создан разум мой?

Куда моя душа спешит –
на север, запад или юг?
Я в центре! Предо мной лежит
вся Вечность – голая, как луг.

Ни Жизни нет, ни Ада нет,
и к Раю скрылся поворот.
Лишь виден в лопухах кювет,
что нас к Чистилищу ведёт.

Там наше прошлое в глуши
лелеет детские года.
Там есть полянка для души,
но можно ль вновь пройти туда?

Душа припомнит этот путь.
Та точка Памятью была!
А если Память жжёт мне грудь,
она бесследно не ушла!

Она над нами держит власть,
храня звук прошлых голосов,
и Память мне отозвалась,
услышав плоти моей зов.

И, видно, так я был силён,
что не отдал себя смолоть,
уже почти был распылён,
но вот я снова – в теле, плоть!

Я ухожу из лап смертей,
чтоб жить и счастье не терять,
и каждой клеточкой своей
волшебный воздух охранять...

Я победил слепую Смерть!
Одним лишь духом победил.
Я тихо ей сказал: «Не смей!» –
и сам себя тем пробудил.

Душа услышала мой зов –
тот, что в мою прорвался грудь, –
и, сдвинув на вратах засов,
мне распахнула к Жизни путь!

Так кто же в этом ей помог?
Кто отворил врата с утра?
То ли голубка, то ль Сам Бог,
а то ль в халатах доктора.

Ну да, это они, врачи,
что нам даруя Жизни путь,
в нас вводят иглы, как ключи,
чтоб наши души отомкнуть.

В комбинезонах все они,
узнай – кто врач, а кто сестра.
Но это именно они –
из «красной зоны» доктора!

Сегодня им стократ трудней
скрестить во благо мира тут
труд медицины наших дней
и – Авиценны древний труд...

...И вот я радостно шепчу,
скрыть своё счастье не могу:
Я жить хочу! Я петь хочу!
Я рад цветам, что на лугу!

Дух луговых цветов летит
по Космосу во все края.

Я снова Человек! Я вид –
Renatus¹ я! Renatus я!
Я силой стал точь-в-точь Симвург²,
а пеньем – слаще соловья.

Но спас меня здесь не хирург –
Renatus я! Renatus я!
И вот я к вам вернулся вновь,
пройдя и Ад, и небеса.

И вновь со мной моя любовь,
и я гляжу в её глаза.

Вот мой любимый уголок,
моё окно, мой чистый пол,
моя постель, мой потолок,
мои подушки и мой стол.

Вот рукописи в ряд лежат,
что не успели помрачнеть.

¹ Renatus (*лат.*) – значит: «вновь вернувшийся к жизни, возродившийся заново». От него же образовано имя поэта Рената Хариса. (Прим. пер.).

² Симвург (*миф.*) – птица, помогающая людям в тяжёлых ситуациях. (Прим. пер.).

Вот в удивлении стоят –
там крест на храме, там мечеть.

В окно мне воздуха струя
течёт, как из лесов привет.
Не Вирус победил, а я –
обычный человек, поэт!

С коронавируса бедой
сегодня борется весь свет!
Но проще победить сто бед,
чем излечить наш шар земной.

Не легче ль пробкою заткнуть
нам горло глупости своей,
чтоб нас коронавирус, жуть
собой не мучила сто дней?

Дрожит от бед земная ось.
Век нас терзает, как пират.
Но если жить не по «авось»,
то перейдём мы мост Сират¹.

И Вирус взвоят, как струна,
и станет ясно: счастьем – быть!
Лишь надо, чтоб моя страна
почаще стала руки мыть...

*Перевод с татарского Николая Переяслова
15–22 июня 2021 года*

¹ Сират (*Коран.*) – мост над Адом. (Прим. пер.).

ПРОЗА

ЭЙНАР КАУРИ ЙОХАННССОН (род. в 1990 году)

Эйнар Каури – молодой исландский писатель, редактор и издатель, литературовед по образованию.

Автор поэзии в сборнике стихов «Традиции» [Íslenska sauðkindin, 2019], рецензии на книгу «Спи, любовь моя» Андри Снайр Магнуссона [Sofðu ást mín, 201], эссе «Самосуд: месть в романах «Ката» Стейнара Браги и «Хорошие люди» Валура Греттиссона» [Heimatilbúið réttarkerfi: Birtingarmynd hefnda í skáldsögunum Kötu eftir Steinar Braga og Góðu fólki eftir Val Grettisson, 2018].

ЧАЙКА

Чем дальше едет автобус, тем бледнее становится трава, а горы – выше. На крутых склонах тянутся к небу голые, как будто напряжённые ветки берёз, а на полях после зимы поднимается бледно-жёлтая трава. Автобус подпрыгивает на трещинах в асфальте, и она, вздрогнув, ударяется головой об окно. Осторожно прислонившись к стеклу, она позволяет голове вибрировать вместе с ним и смотрит на удручающий пейзаж. В наушниках звучит аудиокнига «Расплата за грех» – четвёртый том «Жизни в долине» Гвюдрун из Лунда, и мысли уносят её в начало прошлого столетия в Скагафьорд, где развивается действие книги. Пейзаж за окном никак не вяжется с романтическими райскими картинками, которые так бойко вышли из-под пера домохозяйки из Лунда. Это несколько тревожит её, но сама книга всё же успокаивает. В отличие от плодородного юга, здесь вряд ли наступит лето. Она сама, как редкий предвестник весны, далеко унёсшийся от своей реальности.

Совсем недавно в приложении с аудиокнигами она наткнулась на «Игры молодости и любви» – первый том «Жизни в долине», и решила послушать эту старую классику. Ещё не привыкнув к самостоятельной жизни, этим субботним вечером она сидела на диване с ноутбуком, где играл какой-то сериал и просматривала телефон. Ей не хотелось никуда идти, но и не сиделось на месте. Она устремилась в виртуальный мир посмотреть, чем же занимаются этим вечером её друзья и знакомые, и пролистала ленту. Тут ей и попалась на глаза страница с аудиокнигами, где она и решила зарегистрироваться: первый месяц был бесплатным.

Учитель литературы в колледже назвал Гвюдрун из Лунда «исландской Джейн Остин», что и привлекло её внимание к «Жизни в долине». Поначалу это масштабное повествование о судьбах обитателей дерновых

землянок в глубоких долинах Третласкаги мало тронуло её, но вскоре она с удивлением заметила, как успокаивает голос чтеца. Она убралась в квартиру, приготовила еду, поела, помыла посуду – всё под сопровождение гипнотического голоса, звучавшего в её голове. Потихоньку она вошла во вкус и в своём воображении вместе с остальными молодыми девушками, мечтающими о «принце из долины», разъезжала на лошади по пустошам. Всю следующую неделю она шла в университет и обратно со звучащими в её ушах историями о судьбах деревенских жителей. Пять томов книги стали для неё как лакомство, которое она позволяла себе понемногу, так, чтобы и на потом осталось.

Несколько недель спустя она расположилась в одном кафе в центре города, слушая второй том «Серьёзность и грусть», и смотрела из окна на море. То погружаясь в мир книги, то блуждая в собственных мыслях, она устремила взгляд на гору Эсью и размышляла о том, каково было бы жить в маленькой хижине на склоне этой большой горы. На мгновение она задумалась и представила себе, насколько было бы невероятно жить в городе, где можно видеть морской простор и почти 900-метровую гору, заключённую в раму окна. Так она стала с теплотой думать о деревенской жизни, которая до недавнего времени была ей совершенно неинтересна. Её друзья, семья и Рейкьявик и были для неё всей Исландией, но с появлением «Жизни в долине» в ней загорелся новый интерес к своей родине и народу, населявшему её, его историям и чувствам. Она увидела новый мир, который всегда существовал буквально за порогом. И этот мир ей во что бы то ни стало нужно было исследовать.

И вот, сидя в автобусе, окружённая иностранными туристами, она вдруг осознаёт, насколько нелепа вся эта деревенская романтика, вдруг её охватившая. Что она вообще знает о деревенской жизни? Почему она просто не поехала в Берлин? Чего она уж точно не хочет, так корчить из себя патриота или быть по-глупому романтичной. Она пытается отвлечься и смотрит на дорогу, которая петляет вверх по горам и вниз к фьордам, мимо заборов, дач, рвов, скал, жёлтых кочек и текущих ручьёв.

Мать без энтузиазма приняла решение дочери работать летом в деревне. Саму её отправляли в деревню ребёнком, как и большинство людей её поколения, и у неё остались об этом не слишком хорошие воспоминания. В двадцать лет она начала работать на рыбзаводе в рыбацком посёлке и не очень любила говорить об этом периоде. Но в воображении дочери мать представала в белом пластиковом фартуке, резиновых перчатках и сеточкой на голове, кидающей на конвейерную ленту треску и напивающейся Бреннивином перед рабочим общежитием на выходных, прежде чем они с подругами при полном параде шли на дискотеку. Этот образ из прошлого её матери многим напоминал ей дух Восточной Европы за железным занавесом, который уже стал пережитком прошлого. Ей казалось, что её родительница принадлежит к тому поколению людей, кто изо всех сил старает-

ся, чтобы Исландия прошлого века исчезла и никогда больше не возвращалась. Она считала, что эти люди уверены, будто знают жизнь, печали и радости обитателей хуторов на крутых горных склонах или же маленьких рыбацких деревушек; но всё же они считали нужным слушать всех сельских жителей, для которых рассказы о борьбе за существование уже превратились в своего рода национальный вид спорта, по телевизору, радио, в газетах и в каждодневном общении. Сегодня те же люди подчёркивают свою связь с народом, изредка ездя к знакомым на дачу или же отмечая Торраблот¹ в захолустье – и, судя по всему, ни о чём не жалеют.

Однако она решила не давать комплексам своей матери влиять на себя и начала поиски работы в сельской местности. Для начала она попыталась устроиться на хутор, ведь такой быт представлялся ей как смесь судьбоносной любви, как и в «Жизни в долине», и пьянства, депрессии и ни к чему не обязывающего секса, как в исландских фильмах. Но в первую же очередь ей не терпелось прочувствовать чарующее одиночество среди почти нетронутой природы, которое виделось ей квинтэссенцией сельской жизни и в то же время какой-то совершенно удивительно далёкой реальностью.

К тому моменту она уже всю читала третий том «Жизни в долине» – «Несколько путей», и ей казалось, что этот пятитомник идеально подходит для телесериала, который, без сомнения, мог бы хорошо раскрутиться за границей, как экзотический материал. Она сильно соперничала Тоуре, которая долго была одиночкой и тайно была влюблена в «принца долины», даже после того, как вышла замуж не за того. Ей казалось, что стремление Тоуры к истинной любви, а заодно и счастливому браку свидетельствовало о её одиночестве, а настойчивые попытки побороть эти самые желания – о её независимости. В Тоуре отразились старинные противоречия исландского народа. Читая, она надеялась, что жизнь на природе сможет помочь ей лучше понять человеческие отношения и другие невидимые глазу правила общества, которые иногда казались лучше объяснены в старой художественной литературе. Ей сильно захотелось что-нибудь изменить, перевернуть всё с ног на голову, чтобы дать больше простора мыслям, вечно мчавшимся неведомо куда.

После некоторого колебания в поисках работы она боялась непривлекательных ситуаций, например, присматривать за престарелым отшельником или же горбатиться на властную экономку, она решила искать работу в рыбацком посёлке. Поиск был сложным, так как работа с рыбой казалась ей неинтересной, да и работа в магазинах или отелях не слишком прельщала её. Уже почти опустив руки, она увидела объявление о вакансии в книжном магазине в маленьком посёлке.

¹ Торраблот – исландское название празднования середины зимы с традиционным ужином. (Прим. пер.).

Садясь в автобус, она нервничала, но в то же время мысль о том, что она теперь будет продавцом книг, удивительным образом успокаивала.

В окно автобуса она видит двух лебедей, которые грациозно скользят по поверхности пруда, и она вспоминает, что лебеди почти никогда не бросают своих партнёров. Она начинает размышлять, ели ли её предки лебедей в голодные времена, и каково в таком случае было их мясо на вкус. Она приходит в себя от своих мыслей, завидев далеко впереди на мысу посёлок.

Она быстро осматривается, начали ли собираться туристы на выход, и думает, не ищет ли кто-то из них в этой малонаселённой части мира то же, что и она. Автобус останавливается на заправке рядом с деревней, и два туриста выходят вместе с ней. Мужчина и женщина около 40, улыбнувшись ей, тянутся к своим телефонам, чтобы сделать фото посёлка во фьорде. Она улыбается им в ответ и хочет спросить, что они здесь, на севере, забыли. Но всё же решает пойти на заправку купить что-нибудь поесть.

Она садится на лавинное ограждение на склоне горы, откуда открывается идеальный вид на песчаную косу, и любитесь им, пока ест сэндвич с газировкой, купленные на заправке. Поев, она звонит директору книжного, которая сперва негодует, куда это она запропастилась, но потом предлагает её забрать. Через 15 минут на гравийной дороге появляется небольшой джип и направляется к заправке, поднимая за собой пыль. Из машины выходит крепкая женщина средних лет, рослая, с короткой стрижкой, и ласково здоровается за руку, стараясь при этом сохранять неприступность. Она себя ведёт не так, как женщины её возраста в Рейкьявике. На её синей флисовой кофте эмблема какой-то неизвестной фирмы, джинсы, очевидно, далеко не новые, а кеды явно когда-то были белыми.

Пока они едут, женщина спрашивает, как она добралась, много ли было народу в автобусе и как выглядел водитель. Ей так и не удаётся ответить, потому что они уже оказались на мысу в центре промышленного квартала, где стоит старый дом, обшитый красным гофрированным железом. Женщина паркуется перед домом, решительно выходит из машины и идёт в незапертые двери. В прихожей она поворачивается и, протягивая связку ключей, говорит:

«Этот дом когда-то был здесь главным рыбацким общежитием, и, как ты видишь, мы собираемся скоро открывать здесь выставку». Она указывает на прислонённые к стене таблички в углу, на которых напечатана информация о доме и прошлых жильцах, вместе с чёрно-белыми фотографиями.

«Но я пока пытаюсь сдавать летом дом туристам. Ты можешь пожить здесь для начала, потом у меня дома освободится комната, если ты захочешь. Мой сын с невесткой как раз приехали из Австралии и гостят у меня.

Они только вчера прибыли. Я впервые увидела своего шестимесячного внука».

После короткого обмена любезностями она даёт женщине похвастаться своим маленьким карапузом, как та называет своего внука, но вскоре разговор возвращается к его родителям: «Они познакомились здесь в посёлке, когда она приехала сюда на лето разделять рыбу, наверняка тоже в поисках приключений, как и ты. С тех пор они живут на другом конце земли, и я даже ездила к ним однажды. Сейчас я уже не решаюсь на такие далекие путешествия и скорее помогаю им приезжать сюда ко мне. Ну да хватит об этом, милая моя».

Женщина ведёт девушку показывать дом: «Наверху тебя ждёт твоя комната, я там уже всё подготовила, а также кухня и гостиная, ты можешь ими пользоваться, если хочешь. Я, конечно, должна была подумать о еде для тебя, милочка, но ты можешь купить себе что-нибудь поесть в магазине или перекусить в хостеле. Я как-нибудь при случае позову тебя на ужин. Давай, обустраивайся сегодня, а завтра уже всё обсудим».

Не дожидаясь ответа, женщина собирается уходить, но резко разворачивается: «Кстати, вот ещё что. На связке есть ключи от книжного, если тебе вдруг там захочется что-то посмотреть или найти, чего почитать. Не забудь только выключить свет потом», – говорит она, прощается и уходит.

Гостья начинает долгий осмотр дома, состоящего из двух этажей и заполненного скромными предметами мебели и интерьера 70-х годов. В одной из многочисленных комнат ей приготовлена постель, там же есть гардероб, письменный стол со стулом и отклеивающиеся по краям старые обои. На нижнем этаже она останавливается у табличек, которые должны стать частью экспозиции, рассматривает их и некоторое время читает, что там написано. Несомненно, в этом есть что-то мрачное – видеть лица исчезнувших людей, которые раньше жили в этом большом доме. Она внезапно вздрагивает, когда телефон в её сумке начинает звонить.

Это директор магазина: «Извини, дорогая, что беспокою, но я подумала, что лучше сразу сказать, чтобы ты не пугалась ночью звуков. Ничего такого, просто эти чёртовы чайки – они повадились садиться на окна, стучать и царапаться. Они, бедняги, просто-напросто ищут еду. Там долго жил мужчина, который их кормил по вечерам. Старика уже давно нет в живых, а чайки всё никак не угомонятся. А у нас никак руки не дойдут их поотстреливать с водосточной трубы, чтобы они не ошивались там с утра до ночи».

Она благодарит за предостережение и, немного раздосадованная, аккуратно кладёт трубку. Всё ещё темно, и почти нигде в доме не горит свет.

В пустом доме она чувствует себя не в своей тарелке и решает отправиться исследовать посёлок. Осмотр решено начать с промышленного квартала, расположенного по соседству со старым общежитием, хоть там и нет ничего кроме больших белых сараев. Она не уверена, то ли это рыбо-

разделочный комбинат, то ли мастерские, то ли склады. Также неясно, закончена ли работа в них только на сегодня или вообще навсегда.

Море простирается далеко за пределы фьорда, и вокруг мыса тянутся чередой камни, защищая его от волн. То тут, то там сушится рыба на специальных вешалах, сделанных из принесённых морем брёвен, и в конце мыса она замечает туристов из автобуса. Они всюду сооружают такую же конструкцию. Она немного раздумывает, стоит ли к ним подойти и поболтать, но всё же решает не идти, боясь, что ей будут задавать неудобные вопросы, и она чем-то выдаст себя. Она ведь сама такой же турист, как и они.

Она входит в посёлок, который окутывает темнота. Хотя во фьорде почти штиль, всё равно холодно, так что она застёгивает пальто и укутывается в шарф. Она идёт по улицам с частными домами и неодинаково ухоженными садами, вокруг нет ни души. Тем не менее, видно, что жители посёлка дома, поскольку большинство окон гостиных освещены светом телевизора, который мигает и в быстром темпе меняет цвет. Кажется, все смотрят один и тот же боевик.

На другом конце посёлка, там, где шоссе вливается в него, словно главная жизненная артерия, скопились маленькие белые домики, больше напоминающие дачи и совершенно не вписывающиеся в картину местности. Она ходит среди домиков, заглядывает в окна и размышляет о том, можно ли снять такой на лето. В домах явно никого нет, но на верандах лежат грязные сапоги и рабочие комбинезоны, которые кто-то либо вывезил для просушки, либо просто бросил на белую пластиковую садовую мебель.

Пытаясь хоть кого-нибудь найти, она направляется в хостел, который стоит у подножия главной улицы. Зайдя внутрь, она понимает, что уже сильно проголодалась, и тут её встречает примерно 10 пар пристальных мужских глаз. В её голове мелькает мысль, что это и есть те рабочие, что живут в белых домиках. Они пьют пиво и смотрят матч между двумя иностранными командами, названия которых она не знает. Она понимает, что хостел, как все подобные заведения в сельской местности, выполняет сразу несколько функций, в частности – ресторана и паба. Скорей всего, тот мужчина, который приветствует её и даёт засаленное меню с фотографиями фастфуда, и есть владелец хостела. В почти безнадежной попытке не выделяться она заказывает себе гамбургер и пиво; оглядываясь, она видит, что одно свободное место расположено по диагонали от навесного телевизора. Это был единственный стол, который не подвинули в центр, чтобы смотреть игру. Она решает не двигать его, чтобы не привлекать ещё больше внимания и, усевшись, замечает, что многие из этих мужских глаз отвлеклись от матча и пялятся на неё.

Конечно, она не чувствует себя взрослой, и когда что-то случается, она в слезах звонит маме, потому что только с ней она может выговориться. В то же время ей кажется, что матери её 25-летняя дочь уже не особен-

но нужна, и их скорее связывает чувство долга, чем интерес друг к другу. Она всё-таки хочет верить, что происходящее между ними сейчас – их нынешние отношения – просто последствия её переезда из дома. На самом деле, это уже не первый её переезд, и, как и в прошлый раз, в их отношениях образовалась какая-то пустота, которую сложно описать, а значит, и заполнить. В глубине души она, конечно, знает, что проблема решаема, им просто нужно пересмотреть свои роли в отношениях и заново познакомиться, но ни одна из них, похоже, до сих пор не готова предпринять первый шаг и признать трудности в отношениях.

Раньше они всегда были только вдвоём и несмотря на то, что у матери часто было много дел, они все-таки находили время для общения и понимали друг друга. Иногда она ходила с мамой по разного рода делам, и часто они баловали себя походом за мороженым или в видеопрокат. Каждую субботу, даже после того, как она стала уже слишком большой для такого времяпрепровождения, они ездили в город кормить засохшим хлебом уток на пруду. Такие воспоминания стали для неё почти священными, особенно после того, как их связь ослабела. И они настигали её в самые неожиданные моменты.

Иногда ей казалось, что мать вела себя так, будто уже отбыла повинность по уходу за ребёнком. Когда она первый раз съехала, маму повысили до начальника, что означало командировки, статус и зарплату, на которую можно наслаждаться жизнью и дружбой с людьми такого же уровня. Наблюдая, как быстро её родительница менялась, она находила её новый стиль жизни неинтересным, и сама пошла другим путём. Она нашла себя в «креативном секторе», как это называла мама, когда рассказывала о дочери своим коллегам. В это время она окружила себя творческими людьми и собиралась сама зарабатывать на жизнь искусством, хотя всё ещё не знала, каким именно. Возможно, ей не хватало способностей и сильного характера, чтобы соответствовать образу большого художника или музыканта. Она, скорее, видела себя в каком-то искусстве, которым можно себя обеспечить – архитектуре, например, или каком-нибудь дизайне, но провалила первую попытку поступить в Академию искусств. На всякий случай она поступила на курсы социальных работников при университете, чтобы работать в государственных учреждениях или муниципалитете в те периоды, когда её будущее творчество приносило бы мало дохода. Она начала учиться и ушла в учёбу с головой, ровно до того момента, пока не открыла для себя «Жизнь в долине». И тогда она произвольно изменила курс и начала смотреть на жизнь другими глазами.

Рядом с хостелом стоит книжный, и, на удивление, один из ключей связки действительно подходит к замку, как и сказала директор магазина. Она осторожно переступает порог, а в животе у неё бурчит из-за того, что она слишком быстро проглотила гамбургер и выпила пива, лишь бы поскорей уйти из ресторана. Она входит в темноту и чуть не спотыкается о

коробку с книгами, пытаюсь нащупать выключатель. Включив свет, она понимает, что магазин только собираются готовить к лету, судя по нагромождению книг и коробок. Слой белой пыли лежит на мебели такого же стиля, как в аптеках начала прошлого века; на прилавке стоит старинный кассовый аппарат, окружённый коробочками для конфет и других мелочей.

Она просматривает корешки книг на полках и в основном видит книги с полезными советами, любовные романы и другие книги для дачного чтения, пока взгляд её не останавливается на исландских романах. Она задерживается, чтобы почитать аннотации на задних обложках. Вскоре она обнаруживает, что исландские писатели разделяют её интерес к малонаселённому и изолированному миру за порогом Рейкьявика, и ей кажется, что, может, стоит попробовать себя в роли писателя.

Заперев за собой дверь, она направляется домой, но ей приходится идти в обход, так как нестерпимо хочется писать. Пиво дало о себе знать, и она бежит за большой сарай в гавани, до сих пор не зная, что это такое – рыбообработочный комбинат, мастерские или корабельный сарай. За ним находится пирс, и, судя по стае чаек над ним, туда только что причалило рыбацье судно с хорошим уловом. Ещё больше чаек вместе с утками сидят вдоль линии воды и ждут еды, покачиваясь в такт лодкам. Она расстёгивает штаны, быстро оглядывается по сторонам и прислушивается, нет ли кого поблизости. Писая, она смотрит на причал и вспоминает свои поездки в город с мамой. Она помнит, что, когда они кормили уток на пруду, чайки вечно парили над ними, как белые истребители, готовые к атаке. Они лавировали и нагло набрасывались на лучшие куски хлеба, оставляя только крошки уткам, которым этот хлеб предназначался. С тех пор она не переносила наглые крики чаек, которые ошибочно сравнивают со смехом. Именно этот крик чаек и напомнил ей сейчас о маме.

Они были, скорее, подругами, чем матерью с дочерью, и могли говорить обо всём, делиться всем и делать всё вместе. Таким был их союз до тех пор, пока она впервые не выпорхнула из родного гнезда и не поехала учиться по обмену в Эквадор. Всю дорогу в аэропорт они обе проплакали и несмотря на то, что они регулярно созванивались, их связь тогда будто бы прервалась. Внезапно жизнь изменилась и стала крутиться вокруг парней, компаний и чужой культуры. Ей уж не хотелось всем делиться с матерью и было страшно, что та её не поймёт. В то же время, как её мать перестала узнавать свою дочь, как и говорилось ранее, она и нашла себе новых друзей. И они обе стали развиваться, каждая в своем направлении.

Слушая затихание струи, она думает о своей матери, стряхивается и застегивает штаны. Внезапно ей кажется, что за ней кто-то стоит, и она застывает на месте. Повернувшись, видит, что никого нет, но, прислушиваясь, улавливает какой-то ритмичный звук, похожий на то, как если бы мешки с песком бросали на землю. Звук доносится из кучи больших дере-

вянных катушек перед ней. Раньше на них явно были намотаны провода или шланги, но сейчас там только куча запутанных сетей.

Звук пугает её: она не забыла то жуткое ощущение, которое возникло у неё во время просмотра фотографий старых жильцов общежития. Оно преследовало её всю прогулку по этому посёлку-призраку и наполняло тревожным беспокойством в преддверии одинокой ночи в общежитии на мысу на краю света. Она идёт на звук, и ей представляется всё самое ужасное, что только может скрываться за кучей катушек.

Самым ужасным оказалась чайка, которая зацепилась плавательной перепонкой за крючок, торчащий из одной сети. Птица висит вверх тормашками, словно жареная утка в витрине китайского ресторана, и безостановочно пытается высвободиться. Ей удаётся подняться, но крюк не даёт ей взлететь, и она падает на кучу сетей с сильным грохотом, отчаянно махая крыльями. Какое-то время девушка смотрит на птицу, бьющуюся за свою жизнь, и размышляет, что можно сделать в этой ситуации. Она могла бы оставить её висеть здесь как сушёную треску на вешале, или найти большой камень и избавить её от мучений. Последний вариант, правда, не даст ей спокойно заснуть. В конце концов она решает провести спасательную операцию.

Крюк, на котором висит чайка, опутан сетями, свисающими с катушек, которые стоят вплотную к стене сарая. Чтобы добраться до птицы, ей нужно перелезть через кучу сетей и, склонившись над чайкой, освободить её; но кто знает, что птица может выкинуть, когда освободится. Эта мысль ей неприятна, и вместо этого она решает ползти между катушками и таким образом добираться до висящей птицы сзади. Оттуда, протянув руку через сеть, она хватается чайку за лапу, и птица сразу же перестает дёргаться и неподвижно виснет, то ли чувствуя себя побеждённой, то ли надеясь на спасение. Другой рукой девушка хватается за крюк и пытается вытащить его из кровоточащей раны чайки. Крюк намертво застрял в птичьей плоти, и она безуспешно пытается вытащить его сквозь плавательную перепонку. Она решается с силой вырвать крюк из раны, которая разрывается, явно доставляя птице страдания.

Освободившись, чайка радостно улетает навстречу свободе. Девушка быстро ползёт между катушками и бежит за птицей на пристань. Чайка летит с болтающейся раненой ногой, делает круг, идёт на посадку и садится на воду рядом с остальными морскими птицами. Девушка размышляет, есть ли у той семья или партнёр, но потом вспоминает, что чайки – одни из немногих птиц, у которых больше одного партнёра. Она всё равно долго с такой раной не проживёт, да и в брачный сезон на неё вряд ли кто посмотрит. Очевидно, драться за корм она тоже не сможет, а значит, даже утки её опередят. Постепенно она начинает сочувствовать птице и уже жалеет, что не прибила её камнем.

Фьорд окутывает туман, и она решает поторопиться домой.

А может, они с мамой и не изменились? Может, они такие же, как и были, и просто перестали замечать друг друга, или начали считать друг друга чем-то само собой разумеющимся?

Шагая по сумеречным улицам обратно в общежитие, она думает, что, возможно, всё преувеличивает и, без сомнения, они ничего не могут поделать со сложившейся ситуацией. Как и все остальные, они стали развиваться из одной исходной точки, и теперь их отношения уже не служат той же цели, что и раньше. То же самое относится ко всем основополагающим вещам. Что такое природа, сельская местность или отношения с матерью? Разве человек не вырастает из всех этих вещей, не прощается со всеми основами, и стоит ли вообще об этом жалеть?

Она прячется в тени, когда слышит шум из хостела. Матч закончился, и рабочие направляются в белые домики в конце посёлка. В руках у них бутылки, и они буйно себя ведут. Ей приходит на ум, что они сейчас начнут оглядываться в поисках новой женщины в посёлке, – и чувствует себя незащищённой. Она спешит в общежитие, крадётся вдоль стен и держась в тени.

Дома она запирает дверь в комнате и включает посильнее радиатор. С включенным светом она ложится на кровать, надевает наушники и включает первую главу «Вечернего штиля» – пятой и последней части «Жизни в долине» в надежде на то, что вкатится в эту долину на повозке, которую везёт приятный голос чтеца, и обретёт полное спокойствие. Но сосредоточиться на истории никак не получается, тело её напряжено. Она знает, что там, на крыше обосновалась та самая чайка и ритмично кричит. Из тумана прилетает ещё больше чаек, они парят над обитым красным гофрированным железом домом на мысу и садятся на окна и крышу. Она прибавляет звук в наушниках, чтобы не слышать стук чаек по крыше. А та раненая чайка уж точно ведёт всю стаю и непрерывно орёт. Ей тотчас же отвечают другие птицы, словно согласный женский хор. Они окружают дом, паря над ним и накрывая его, подобно туче. Дежурят они и на близлежащих промышленных постройках. Она внезапно вздрагивает, когда книга вдруг останавливается и телефон начинает вибрировать.

Это звонит мама.

Перевод с исландского Натальи Столяровой

ГВИДО ГОЦЦАНО (1883 – 1916)

Гвидо Гоццано – один из крупнейших итальянских лириков XX века. Он так же является и автором великолепных сказок, которые интересны и детям и взрослым. Волшебный мир сказок Гвидо Гоццано наполнен чудесными превращениями, талисманами. Он населён прекрасными принцесса-

ми, всесильными чародеями и отважными героями, которые не боятся вступать в бой с самыми коварными силами зла. Другие сказки этого замечательного автора опубликованы в двух предыдущих номерах журнала «Переводчик»¹.

ПРАБАБУШКИНА РУБАШКА

Гласит предание о том,
Что пёс с мышонком и с котом
Когда-то жили дружно, дети,
И каждый был друг другу мил.
В те времена на белом свете
Жил-был, жил-был...

... мальчик-сирота, по имени Пратайоло, медлительный, рассеянный, – и все в округе считали его дурачком. Он, как нищий с протянутой рукой, переходил от одного дома к другому, рубил дрова, таскал воду из колодца. Хозяйки домов и служанки благоволили к нему, давали тарелку супа. Когда же Пратайоло исполнилось восемнадцать лет, к нему стали относиться менее благосклонно, постоянно упрекали в праздности, называли никчёмным бродяжкой.

Вот он и решил покинуть родную деревню и отправиться по свету, испытывая судьбу. Зашёл проститься с молочной сестрой своей Чикламинной, а она ему и говорит:

– Возьми эту вещицу в память обо мне. Я ведь небогата, многого дать не могу. Но всё же положу в твой узелок поношенную рубашку моей прабабушки, которая была волшебницей.

Пратайоло не удалось скрыть разочарования от такого дара.

– Не пренебрегай моим подарком, Пратайоло. Ты даже не представляешь, какую службу он тебе сослужит. Достаточно только расстелить рубашку на земле – и попросить, чего желаешь.

Пратайоло принял рубашку, обнял на прощание Чикламину и отправился в путь. К вечеру почувствовал, как сосёт под ложечкой. Но не было у него ни денег, ни съестных запасов. Беспокойство охватило Пратайоло: не очень-то он верил в чудесные возможности поношенной рубашки. Однако расстелил её на земле и пробормотал:

– Прабабушкина рубашка, дала бы ты мне жареного цыплёнка!

И вдруг на его глазах стала вырисовываться тень какой-то домашней птицы, сначала очень лёгкая, прозрачная, потом она стала уплотняться, за-

¹ См. сказки Гвидо Гоццано в журналах: «Переводчик» № 20, 2020, – СС. 156–171, «Переводчик» № 21, 2021, СС. 105–114. (Прим. ред.).

твердела и покрылась румяной корочкой, как у настоящего жареного цыплёнка. Вокруг распространился аппетитный запах.

Пратайоло не осмелился поначалу даже дотронуться до цыплёнка: он боялся колдовства. Но затем всё же нагнулся, ощупал цыплёнка, оторвал крылышко и поднёс его к своим устам. Да, это был настоящий, очень аппетитный жареный цыплёнок. Тогда Пратайоло попросил ещё пирог с изюмом, порцию рыбы и бутылку вина.

И всё это сначала слегка вырисовывалось в пространстве, мало-помалу приобретало запах и вкус подлинной снеди и водружалось на прабабушкину рубашку. Пратайоло уселся на траву и, умиротворённый, принялся за трапезу. Но тут он увидел на столбовой дороге нищего старика, который умоляюще смотрел на него.

– Не поделишь со мной трапезу?

Старик не заставил себя долго упрашивать. Но когда он увидел, как появляются изысканные блюда, попросил юношу уступить ему этот магический кусочек ткани.

– А я тебе дам этот посох.

– Что мне с ним делать?

– Если бы ты знал, что скрывается в моём посохе, ты бы с радостью согласился на обмен. В посохе тысячи маленьких ячеек, и в каждой – вооружённый всадник на коне. Как только тебе понадобится помощь, прикажи: «Армия, в поход!»

Пратайоло всегда мечтал стать генералом, командовать армией и не смог противостоять попытке осуществить свою мечту. Обмен состоялся, и Пратайоло отправился в путь. Но вскоре пожалел о случившемся.

– Я так проголодался, а рубашки нет. Что мне делать с армией... на пустой желудок? Как хочется есть. Аппетит зверский.

И, чтобы хоть как-нибудь отвлечься от сосущего под ложечкой голода, он воткнул посох в землю и скомандовал: «Армия, в поход!»

Внутри посоха послышались какие-то шорохи, затем стали раскрываться маленькие окошки и из каждого выскакивали тщедушные, крохотные, как пчёлки, существа. В несколько секунд они выросли в несколько раз, и наконец перед взором Пратайоло выступила вооружённая конная армия.

И тут он сообразил...

– Приказываю, чтобы прабабушкина рубашка вернулась ко мне!

Всадники пустили коней в галоп и исчезли за горизонтом. А вскоре вернулись с волшебной рубашкой.

– Армия! В казармы!

Пратайоло воткнул посох в землю. Кони и всадники стали уменьшаться, через несколько секунд стали крохотными, как пчёлки, и вернулись в свои ячейки, которые тут же закрылись, не оставив никаких следов на поверхности посоха. Пратайоло был счастлив.

Продолжив свой путь, он оказался у мельницы. Мельник стоял на пороге и играл на флейте, а жена его и девятеро детей плясали. Приближаясь к ним, Пратайоло почувствовал желание задвигать ногами, а затем под влиянием какой-то неведомой силы пустился в пляс вместе с остальными плясунами. Он слышал только, как мельничиха, приплясывая, яростно орала на мужа:

– Хватит! Хватит! Бессердечный ты человек! Дай нам хлеба вместо этой дурацкой пляски!

Она обратилась к Пратайоло, который плясал вместе с ними:

– Вы видите? Этот негодяй, мой муж, когда мы изнываем от голода, берёт свою окаянную флейту и заставляет нас плясать.

Мельник всё же прервал музыку, и жена его, дети и Пратайоло упали, обессиленные от этого головокружительного хоровода.

Собравшись с силами, Пратайоло расстелил прабабушкину рубашку и попросил её доставить изысканный обед. Он пригласил мельника и всех его испуганных домочадцев разделить с ним трапезу. Они не заставили себя долго упрашивать, и, когда все уже приступили к десерту, мельник обратился к Пратайоло:

– Уступи мне рубашку, а я дам тебе мою флейту.

Пратайоло согласился на обмен, он уже знал, как поступить чуть позже. Отойдя от мельницы на десять миль, он вновь отправил за рубашкой тысячу вооружённых всадников.

– Теперь у меня и рубашка, и посох, и волшебная флейта. Большого и желать нельзя.

К вечеру он прибыл в столицу, где его встретили разноцветные плакаты. На каждом плакате тому, кто вылечит королевскую дочку от неизбывной печали, обещали руку и сердце принцессы.

Пратайоло тут же направился к королевскому дворцу. Король в этот вечер давал торжественный обед для послов Великого Султана. Однако, когда услышал о том, что незнакомец намерен вылечить его дочь, тут же принял его. Пратайоло вошёл в огромный зал, где был буквально ослеплён сверканием золота и драгоценных камней.

За обеденным столом сидело пятьсот человек. Во главе стола – сам Король, Королева и красавица Принцесса, молчаливая, с отсутствующим взглядом, бледная, как лилия.

Пратайоло попросил одного из слуг осторожно, так, чтобы этого никто не заметил, привязать ноги Принцессы к стулу. Затем отошёл в самый угол зала и начал играть на флейте. Все сотрапезники вдруг как-то непроизвольно задвигались, у них задрожали колени – и наконец они вскочили с мест, отбросили куда-то стулья и начали плясать, со страхом взирая друг на друга. Принцы, князья, бароны, пузатые послы, почтенные и тучные дамы-баронессы, слуги и лакеи, и даже борзые собаки, павлины и фазаны,

выскочившие с росписи на золотых блюдах, – все пустились в неистовый пляс.

– Хватит! Хватит! Ради Бога! – кричали самые старые и самые толстые.

– Ещё! Ещё! – держась за руки, кричали те, кто помоложе.

Принцесса, привязанная к стулу, тоже пыталась вскочить с места и восторженно орала, глядя на этот неудержимый перепляс.

Когда флейта Пратайоло всё же замолкла, пятьсот изнемогающих плясунув повалились на стулья и на ковры, почтенные дамы – без туфель и париков. Целый час хохотала Принцесса, а когда наконец смогла вымолвить хоть слово, обратилась к Королю:

– Отец мой, вот тот, кто вылечил меня. Я его невеста.

Король согласился, но Пратайоло вдруг заколебался:

– Я оставил в деревне свою молочную сестру, прекрасную, как солнце. Ей я обязан всем, чего добился, и хочу её представить вам.

Все сотрапезники выразили согласие. Тут же, на удивление присутствующих, необъятный зал заполнила тысяча всадников.

– Доставьте сюда Чикламину, мою молочную сестру!

И вся армия бросилась выполнять приказ Пратайоло, с неистовым шумом одолевая помещения дворца, парадные лестницы, всю территорию королевства. Вскоре они вернулись вместе с Чикламиной.

Королевские сотрапезники были поражены её красотой, и с первого взгляда в неё влюбился один из послов Великого Султана. В тот же день были сыграны две свадьбы.

ЗОЛОТАЯ ПУШИНКА И ЖЕЛЕЗНЫЙ ПРИНЦ

I

Золотая Пушинка была сироткою, она жила с дедушкой в лесной хижине. Дедушка работал угольщиком, а она помогала ему вязать тюки с углём. Девочку все любили: и подружки, и старушки из соседних домов. Она росла доброй и красивой... как королева.

Однажды весною увидела она на цветке гвоздики на окне прозрачно-белую бабочку и сжала её двумя пальчиками.

– Отпусти меня, пожалуйста!..

Золотая Пушинка отпустила бабочку.

– Спасибо, красивая девочка. Как тебя зовут?

– Золотая Пушинка.

– А меня зовут Дневная Бабочка. Я спешу в далёкие земли отложить гусениц. Когда-нибудь я отблагодарю тебя.

И бабочка улетела.

На следующий день Золотая Пушинка сорвала на тропинке бело-

снежный одуванчик и уже притронулась к воздушному лепестку.

– Отпусти меня, пожалуйста!..

Золотая Пушинка отпустила одуванчик.

– Спасибо, красивая девочка. Как тебя зовут?

– Золотая Пушинка.

– Спасибо, Золотая Пушинка. А меня зовут Воздушный Волосок, я несу свои семена в далёкие земли. Когда-нибудь я отблагодарю тебя.

И одуванчик улетел.

На следующий день Золотая Пушинка поймала жука в самом сердечке розы.

– Отпусти меня, пожалуйста!

Золотая Пушинка отпустила жука.

– Спасибо, красивая девочка. Как тебя зовут?

– Золотая Пушинка.

– Спасибо, Золотая Пушинка. А меня зовут Изумрудный Жук. Я ищу розы в далёких землях. Когда-нибудь я отблагодарю тебя.

И жук улетел.

II

К четырнадцати годам с Золотой Пушинкой произошло что-то странное, непонятное. Она осталась белокурой красивой девочкой, но стала терять в весе и с каждым днём становилась всё легче и легче. Сначала это не беспокоило её. Даже веселило, когда она, подобно листку бумаги, тихо, медленно, очень медленно слетала с ветки высоченного дерева. И пела:

*Оглянись-ка вокруг,
всю вселенную взором окинь-ка:
Всех светлей на земле,
всех милей Золотая пушинка.
Всё, что ждёт впереди –
будто скрыто какой-то завесой.
Золотая Пушинка,
ты станешь счастливой принцессой.*

Но со временем она стала такой лёгкой, что дедушка вынужден был подвешивать к её юбочке четыре тяжёлых камня, а иначе ветер унесёт её. Потом и камни уже не могли удержать Золотую Пушинку, и дедушка запер её в доме.

– Золотая Пушинка, бедная моя девочка, тебя заколдовали.

Старик вздыхал. А Золотой Пушинке становилось так скучно в закрытом доме.

– Подуй, дедушка!

И старик, чтобы развлечь внучку, дул на неё, и она взлетала и опускалась, лёгкая, как пёрышко.

*Оглянись-ка вокруг,
всю вселенную взором окинь-ка:
Всех светлей на земле,
всех милей Золотая Пушинка.
Всё, что ждёт впереди –
будто скрыто какой-то завесой.
Золотая Пушинка,
ты станешь счастливой принцессой.*

– Дуй, дедушка, дуй!

И старик дул сильнее, а Золотая Пушинка взлетала к самым балкам потолка.

*Всё, что ждёт впереди –
будто скрыто какой-то завесой.
Золотая Пушинка,
ты станешь счастливой принцессой.*

– Золотая Пушинка, что ты поёшь?

– Это не я, это какой-то голос поёт во мне.

Ей казалось, что она вторит этому голосу, сладостному и очень далёкому.

А старик всё дул и дул.

– Золотая Пушинка, бедная моя девочка, тебя заколдовали...

III

В это утро Золотая Пушинка проснулась ещё более лёгкая и ещё более грустная, чем всегда.

– Подуй, дедушка!

Но дедушка не отвечал.

– Подуй, дедушка!

Золотая Пушинка приблизилась к дедушкиной кровати. Он был мёртв. Золотая Пушинка заплакала.

Она плакала три дня и три ночи. На рассвете четвёртого дня стала звать людей на помощь. Но лишь только приоткрыла дверь, как ветер подхватил её и понёс высоко-высоко, словно мыльный пузырь.

Золотая Пушинка закричала и закрыла глаза. Когда осмелилась открыть глаза, сквозь распущенные волосы посмотрела вниз. Она летела на

головокружительной высоте.

Внизу проплывали зелёные поля, серебряные речные потоки, тёмные леса, города, башни, крошечные, будто игрушечные, аббатства.

Золотая Пушинка, закрыв от страха глаза, закуталась в свои длинные волосы, как в одеяло, и продолжала лететь.

– Смелей, золотая Пушинка!

Она открыла глаза. Рядом с ней летели бабочка, жук и одуванчик.

– Ветер несёт нас с тобой, Золотая Пушинка. Мы поможем тебе.

Золотая Пушинка почувствовала, что к ней возвращаются силы.

– Спасибо, друзья мои.

*Оглянись-ка вокруг,
всю вселенную взором окинь-ка:
Всех светлей на земле,
всех милей Золотая Пушинка.
Всё, что ждёт впереди –
будто скрыто какой-то завесой.
Золотая Пушинка,
ты станешь счастливой принцессой.*

– Кто это столько времени поёт прямо над моим ухом?

– Узнаешь вечером, когда прибудем к Фее Отрочества.

Золотая Пушинка, бабочка, жук и одуванчик, несомые ветром, продолжали свой полёт.

IV

К вечеру они прибыли к Фее Отрочества.

Влетели в открытое окно.

Прекрасная фея любезно встретила их. Она взяла за руку Золотую Пушинку и прошествовала с нею через бесконечные комнаты и коридоры, а затем достала из золотого сундука круглое зеркальце.

– Посмотри в него.

Золотая Пушинка взглянула... И перед ней предстал удивительный сад с тропическими пальмами и цветами, которых она никогда раньше не видела. А в саду – юноша в королевском одеянии, прекрасный, как солнце.

Он стоял на золотой фуре, запряжённой ста пятьюдесятью парами быков, которые с трудом тащили её. И пел:

*Всё, что ждёт впереди –
будто скрыто какой-то завесой.
Золотая Пушинка,
ты станешь счастливой принцессой.*

– Это Железный Принц, королевич Счастливых островов. Это он столько времени призывал тебя песней. Его тоже поразила болезнь, но иная, чем у тебя. Сто пятьдесят пар быков с трудом тащат его. А он с каждым днём становится всё тяжелее. Но болезнь тут же пройдёт, лишь только ты его поцелуешь.

Видение исчезло, а прекрасная фея дала Золотой Пушинке три зёрнышка.

– Прежде чем ты достигнешь Счастливых островов, ветер пронесёт тебя над тремя замками. В каждом замке по коварной фее, которые будут завлекать тебя и угрозами, и лестью. А ты каждый раз бросай на землю по одному из этих зёрнышек.

Золотая Пушинка поблагодарила фею, вылетела в окно со своими попутчиками и, несомая ветром, продолжала полёт.

V

К вечеру показался первый замок. На башню вошла Пёстрая Фея, которая поманила к себе рукой. Привлекаемая какой-то загадочной силой, золотая Пушинка начала медленно снижаться. Ей показалось, что она уже различает в саду знакомые лица с приветливыми улыбками – своих ровесниц и старушек из родного леса.

Но жук напомнил ей о предупреждении Феи Отрочества, и Золотая Пушинка бросила зёрнышко. Те, кто только что улыбался ей, превратились в чертей и ведьм – с венками из шипящих змей на голове.

Золотая Пушинка вместе со своими попутчиками снова набрала высоту. Она поняла, что это был Замок Лжи, а зёрнышко, брошенное на землю, – Зерном Благоразумия.

Ещё два дня летели они. К вечеру увидели второй замок – кровавого цвета. На башне суетилась разгневанная Зелёная Фея. Люди с мертвенно-бледными лицами, толпившиеся среди башенных зубцов и во внутренних двориках, угрожающе кивали Золотой Пушинке.

Влекомая загадочной силой, она начала снижаться. Но, напуганная, бросила второе зёрнышко. Как только оно коснулось земли, замок покрылся золотом. Фея и гости её, с доброй улыбкой на устах, простёрли руки, приветствуя Золотую Пушинку. Она вновь взлетела и, несомая ветром, продолжала свой путь. Она поняла, что это было Зерно Доброты.

Летела, летела она – и через два дня достигла третьего замка. Это был удивительный замок, сооружённый из золота и драгоценных камней. На башне появилась Голубая Фея и благосклонно кивнула Золотой Пушинке. Привлекаемая какой-то невидимой силой, Золотая Пушинка приблизилась к земле и услышала смех, и музыку, и пение. В саду перед ней предстали многочисленные группки блистательных дам и кавалеров, которые спешили на пиры, на балы, на рыцарские турниры, в театр.

Ослеплённая этим зрелищем, Золотая Пушинка уже начала снижаться, но жук напомнил ей о предостережении Феи Отрочества. И она скрепя сердце бросила третье зёрнышко. Как только оно коснулось земли, замок превратился в пещеру, а дамы и кавалеры – в оборванцев, плачущих от отчаяния среди камней и дикорастущей травы. Одним прыжком взлетела Золотая Пушинка в небо. Она поняла, что это был Замок Желаний, а зёрнышко, брошенное на землю, – Зерном Мудрости.

Несомая ветром, Золотая Пушинка продолжала полёт. Бабочка, жук и одуванчик следовали за ней, приглашая всех своих товарищей и подруг, которых они встречали на пути. И Золотую Пушинку сопровождали теперь целая свита разноцветных бабочек, облако белоснежных одуванчиков и фаланга ослепительных изумрудных жуков.

Летела, летела она... Земля кончилась, и Золотая Пушинка, взглянув вниз, обнаружила, что под ними голубой бесконечный простор. Это было море.

Ветер утих, и Золотая Пушинка стала постепенно снижаться, пока не коснулась своими волосами белой морской пены. Золотая Пушинка закричала. Но десять тысяч бабочек и десять тысяч жуков осторожно подняли её своими маленькими крылышками.

Они летели семь дней. На рассвете восьмого дня на горизонте показались минареты и пальмовые деревья Счастливых островов.

VI

В королевском дворце царило отчаяние. Железный Принц всю тяжестью своею разрушил зал Великого Совета и только вполроста, по пояс, упёрся в мозаичный потолок. Белокурый, голубоглазый, одетый в красный бархатный костюм, королевич был прекрасен, как Бог, но колдовские чары с каждым днём всё больше и больше уродовали его.

Теперь уже все быки королевства не могли сдвинуть с места даже один его палец.

Напрасно приглашали к заколдованному наследнику престола лекарей и ворожей, хиромантов, некромантов, алхимиков.

*Оглянись-ка вокруг,
всю вселенную взором окинь-ка:
Всех светлей на земле,
всех милей Золотая Пушинка.
Всё, что ждёт впереди –
будто скрыто какой-то завесой.
Золотая Пушинка,
ты станешь счастливой принцессой.*

Золотая Пушинка погружалась в воду, как бронзовая статуя в морской песок.

Королева Счастливых островов была предупреждена одним из чародеев, что только благосклонные к ним звёзды, если встретятся друг с другом, смогут им помочь.

Королева ежеминутно подбегала к окну и громким голосом обращалась к башенным астрологам за советом.

– Мастер Симоне! Что ты видишь на горизонте?

– Ничего, Ваше Величество. Только французские корабли, возвращающиеся из Святой Земли.

А Золотая Пушинка погружалась и погружалась в воду.

– Мастер Симоне! Что ты видишь?

– Ничего, Ваше Величество. Только колонию перелётных цапель.

А Золотая Пушинка всё погружалась и погружалась в воду.

– Мастер Симоне! Что ты видишь?

– Ничего, Ваше Величество... Только венецианскую галеру, гружённую слоновой костью.

Король, королева, министры, дамы – все были в отчаянии.

Вот уже только голова Золотой пушинки виднелась над водой. И слышалось пение:

*Золотая Пушинка,
ты станешь счастливой принцессой.*

Вдруг раздался голос Мастера Симоне:

– Ваше Величество!.. На горизонте звезда! Звезда, которая сверкает среди бела дня.

Все побежали к окну. Но тут, как по мановению волшебной палочки, открылась центральная застеклённая дверь – и на глазах у поражённых придворных явилась Золотая Пушинка со своей свитой.

Одуванчики сплели ей газовую вуаль. Бабочки разукрасили её самоцветами. Десять тысяч жуков, превратившиеся в десять тысяч разодетых в изумрудные костюмчики маленьких пажей, сопровождали Золотую Пушинку. Улыбаясь, вошла она в зал, красивая и величавая, как богиня.

После первого же её поцелуя Железный Принц как будто отошёл от страшного сна и легко подпрыгнул, освобождённый от чар, под ликующие возгласы придворных.

Такого праздника, который был устроен по случаю освобождения от чар Железного Принца и Золотой Пушинки, никто ещё никогда не видел. А через восемь дней Золотая Пушинка, внучка угольщика, вышла замуж за королевича Счастливых островов.

КОРОЛЬ-СВИНОПАС

I

У Короля было три дочери, и все три прекрасны, как солнце. Король любил их как свет своих очей.

Но случилось так, что Король остался вдовцом и женился во второй раз. И жизнь трёх дочерей его стала невыносимой. Ревнивая мачеха не могла допустить, чтобы Король любил кого-нибудь больше, чем её, и возненавидела своих падчериц. Интригами и клеветой пыталась она восстановить отца против дочерей. Но все её ухищрения приводили к тому, что Король ещё больше привязывался к ним, ещё больше любил.

И тогда мачеха отправилась за советом к ведьме.

– Их можно умертвить, – предложила ведьма.

– Нет, это невозможно. Король тогда умертвит и меня.

– Можно обезобразить на всю жизнь.

– И это невозможно. Тогда и мне жизни не будет.

– Можно их околдовать.

– Найти бы такое зелье, чтобы Король навсегда возненавидел дочерей.

Ведьма надолго задумалась.

– Вот это можно сделать. Надо только принести мне волосинки каждой принцессы, вырванные вашими руками, и щетинки трёх хрюшек, вырванные тоже вашими руками.

Мачеха вернулась во дворец и на следующее утро пошла в апартаменты трёх сестёр, когда камеристки причёсывали их длинные локоны.

– Доченьки мои, – произнесла она с улыбкой, – я сделаю вам такие причёски... собственного изобретения.

И, взяв гребешок, причесала Дораличе.

– Ой, мама, вы же вырываете мне волосы...

Причесала Лионеллу.

– Ой, мама, вы же вырываете мне волосы...

Причесала Кьяретту.

– Ой, мама, вы же вырываете мне волосы...

Откланявшись дочерям, она ушла, намотав три скрученные волосинки на указательный палец. Миновала сады, внутренние дворики и пошла на ферму. В свинарнике она вырвала три щетинки у валявшихся в грязи хрюшек. И вновь направилась к ведьме.

Ведьма положила три золотых волосинки и три серых щетинки в перегонный куб, залила их соком какой-то загадочной травы и добавила несколько зеленоватых капель из причудливой склянки.

– Вот так, Ваше Величество. Это подменное зелье. Налейте его в бокал Королю во время обеда. Действует незамедлительно.

В благодарность ведьме Королева вынула из короны самый красивый драгоценный камень.

II

За королевским столом сидели Король, королева, три принцессы, пятьсот дам и пятьсот кавалеров.

Королева незаметно для всех налила в бокал Короля волшебное зелье и с волнением ждала, что же будет дальше. Как только Король выпил это зелье, он вытаращил глаза – то ли от удивления, то ли от возмущения и, указывая жестом на принцесс, вскочил со стула:

– Что за шутки! Кто посадил трёх свиней на стулья моих дочерей? Что за шутки! Вон отсюда! Вон, поганые бестии!

Разъярённый, он и толкал, и бил их, выпроводил из трапезной и погнал через королевские залы, сады, внутренние дворики – прямо к свинарнику, где и запер их.

А из свинарника он потащил трёх жирных хрюшек. Он называл их именами своих дочерей, ласкал, обнимал и, наконец, привёл во дворец, усадил за обеденным столом – на стульях трёх принцесс.

– Свет мой Кьяретта, Дораличе – золотко моё, Лионелла – доченька. Кто вас так обидел? Запер там, внутри?

И начал их нежно целовать.

Все придворные, сидевшие за столом, захохотали.

Король нахмурил брови.

– Вы почему смеётесь?

Поднялся один из кавалеров:

– Простите, Ваше Величество, но это же три хрюшки.

Король, разозлившись, велел немедленно отправить этого кавалера в тюрьму:

– В подземелье! Под башнями!

И вновь поцеловал трёх свиней, которые в ответ только хрюкнули.

Придворные продолжали хохотать.

– Почему смех?

Поднялся второй кавалер:

– Простите, Ваше Величество... Но, клянусь Богом, это не три принцессы – это три хрюшки.

Король тут же приказал отрубить кавалеру голову за оскорбление Его Величества.

Больше никто уже не смеялся.

Трёх хрюшек одели в королевские наряды, украшенные драгоценностями. Им стали прислуживать сто камеристок. Король пожелал их всегда видеть рядом с собой и сопровождал на прогулки, на обед, на танцы, на приёмы. И где бы они ни проходили, дамы и кавалеры выстраивались пе-

ред ними и гнули спины аж до земли, как перед особами королевских кровей.

Но все при этом с трудом сдерживали смех и бормотали между собой:

– Идёт сумасшедший король – король-свинопас.

III

Кьяретта, Лионелла и Дораличе все дни проводили в свинарнике, оплакивая свою судьбу. Король, который любил лично сам обходить свои фермы, навещал иногда и свинарник. Дочерей, которые в слезах протягивали к нему руки, он не узнавал.

– Отец! Родной отец, неужели вы не видите, что мы ваши дочери? В чём наша вина? За что такое наказание? Пожалейте нас, освободите!

Король рассеянно смотрел на загон в свинарнике:

– Странно, чего эти три свиньи так жалобно хрюкают и протягивают ко мне передние ноги...

Королева, обеспокоенная, желала побыстрее отделаться от дочек.

– Посмотрите, Ваше Величество, как свежи эти розовые хрюшки. Я думаю, надо приготовить из них колбасу.

– Пожалуй, – ответил Король. – Я сегодня же прикажу их зарезать.

Все три принцессы потеряли сознание.

IV

Они пришли в себя от сверкания огромных ножей. Их связали по рукам и ногам, привязали к большим палкам. За каждую палку взяли по два дюжих молодца и понесли принцесс на скотобойню.

На пути три сестры, рыдая, умоляли отпустить их.

– Приказ Короля, – отвечали их палачи. – Если Король узнает, что мы ослушались его, нас казнят.

Но принцессы так горько плакали, так безутешно умоляли пощадить их, что шесть палачей не выдержали.

– Поклянись, что никогда не вернёшься в королевство.

Три сестры поклялись.

И тогда эти дюжие молодцы донесли их до границ королевства, развязали и оставили на произвол судьбы.

V

Бедные и одинокие, в чужой стране, три принцессы должны были теперь сами зарабатывать на жизнь. К счастью, их с детства приучили к домашним обязанностям. Они умели прекрасно готовить и вышивать.

Разнеслись слухи об удивительной красоте трёх вышивальщиц. В своём скромном домишке они вели размеренный, трудовой образ жизни. Иногда вспоминали, как их любил когда-то отец, оплакивали потерянное королевство.

Лионелла убирала со стола и вздыхала:

– Сейчас у нас готовят наряды к балу...

Дораличе мыла посуду и вздыхала:

– Сейчас наши дамы принимают ванну с розовой водой...

Кьяретта подметала пол и вздыхала:

– Сейчас у нас собираются на охоту...

В дверь к ним часто стучался нищий старик с седой бородой, и всегда сёстры выносили ему миску супа.

– Спасибо, дочки. О, у вас руки как у принцесс.

– А мы и есть принцессы.

И однажды вечером, сидя со стариком на уличной лавочке, они поведали ему о своей судьбе.

– Бедные девочки! Мне знакомо это колдовство. Король, ваш отец, выпил подменное зелье.

И он вынул из своей сумы помятую пергаментную книжицу и стал внимательно её перелистывать. И нашёл: «Давным-давно в горной пещере, где лежал покойный отшельник, находился...»

– Есть средство против подменного зелья, – сообщил он, – чудодейственная вода – вода, которая танцует, музицирует, поёт. Но где она – неизвестно.

Много дней размышляли сёстры над словами старика. И однажды вечером Лионелла заявила:

– Я самая старшая из нас, и попытаюсь испытать нашу общую судьбу.

На рассвете следующего дня она отправилась на поиски чудодейственной воды.

Проходили дни, недели, месяцы. Лионелла не возвращалась.

Через год, один месяц и один день Дораличе, средняя сестра, объявила Кьяретте:

– Пришла моя очередь испытать нашу общую судьбу.

На рассвете следующего дня, обняв сестру, она отправилась в путь.

И осталась Кьяретта одна в осиротевшем домишке.

Через год, один месяц и один день и Кьяретта отправилась испытывать судьбу. Она шла, шла, шла... Через леса и реки, горы и долины... У хозяек старых лачуг она просила кусочек хлеба, и они с удивлением смотрели на эту юную красавицу-нищенку.

– Добрые женщины, вы не знаете ничего о воде, которая танцует, музицирует и поёт?

Женщины только пожимали плечами.

Вконец расстроенная, Кьяретта продолжала свой путь. Однажды вечером она заснула на сухих листьях под каштаном. На рассвете почувствовала, что кто-то тянет её за висок. Это ящерица с двумя хвостиками запуталась в её золотых локонах.

– Я всю ночь провела в твоих волосах, я твоя пленница. Освободи меня – я тебя сумею отблагодарить.

Кьяретта высвободила её лапки из своих волос, и ящерица отдала ей один из своих хвостиков.

– Он тебе очень пригодится. Ты получишь ответ на любой вопрос.

Кьяретта долго рассматривала этот хвостик-обрубок, который беспокойно ползал по её раскрытой ладони.

– Хвостик, ты не знаешь, где находится вода, которая танцует, музицирует и поёт?

И хвостик пополз на ладони Кьяретты по направлению к горизонту подобно стрелке компаса.

Кьяретта взяла это направление.

Она шла, шла, шла и оказалась в окружении устрашающих отвесных скал, на крутом обрыве. Она почувствовала, как хвостик шевелится в её кармане, как будто предупреждая о чём-то. Кьяретта стала вспоминать, что было написано о чудодейственной воде в помятой пергаментной книжице старика:

– Источник этой воды здесь, но его охраняет волшебник, который живёт в замке наверху. Сюда часто приходят дамы и кавалеры, они входят в сад с семью воротами. Но оттуда ещё никто не возвращался.

Кьяретта смело вошла в заколдованный сад, сжимая в одной руке пустой пузырёк для чудодейственной воды; на ладони другой руки у неё шевелился удивительный хвостик. Сад оказался лабиринтом из тысяч извилистых улиц, в котором заблудишься, сделав лишь первый шаг. Но Кьяретта следила за каждым движением и колебанием хвостика на ладони. Она блуждала и блуждала и, наконец, на закате дня достигла равнины, на которой находилась огромная раковина с чудодейственной водой. Вокруг этого источника повсюду, насколько хватал глаз, возвышались статуи из чистого мрамора.

Кьяретта собралась уже наполнить водой пузырёк, но почувствовала, как хвостик в отчаянии движется по ладони. Она стала наблюдать за его движениями. Хвостик стал складываться в букву О, затем – в букву П, и Кьяретте удалось прочесть предупреждение, составленное из живых букв: «Опасно дотрагиваться до волшебной воды – станешь мраморной».

Тогда Кьяретта подвесила пузырёк на верёвочке, опустила в источник и наполнила водой. Она заткнула его пробкой и положила в карман. Хотела уже возвращаться, но тут узнала в одной из статуй сестру Дораличе, в другой – Лионеллу. Со слезами на глазах она обняла холодный мрамор.

– Хвостик, хвостик, верни моих сестёр.
Она приложила хвостик к статуям, и они тут же ожили.
Три принцессы направились к себе на родину.

VI

Прибыв в королевство отца, сёстры переоделись странницами, чтобы их не узнала мачеха, считавшая, что их давно уже нет в живых. Лица закрыли плотными вуалями, одежды украсили раковинами и амулетами и в таком виде явились во дворец.

Король принял их в тронном зале. Рядом с ним восседали мачеха и три свиньи, разодетые в шелка, украшенные золотом и драгоценными камнями.

– Государь! Мы странницы, возвращаемся со Святой Земли. Из страны Великого Тюрка мы привезли очень приятный напиток, который хотим предложить Вашему Величеству.

И Кьяретта вытащила пузырёк, выдернула пробку, поставила его у подножья трона. И тут же из пузырька брызнула волшебная вода, сделала реверанс и начала подниматься по ступенькам перед троном, танцуя и напевая песню под звуки музыки далёких стран.

Песня поведала историю трёх принцесс, ставших жертвами ревнивой мачехи – Королевы и Короля, который потерял рассудок, выпив коварное зелье. Печальную историю трёх юных существ...

Мачеха попыталась разогнать руками эту воду-доносчицу, но, лишь дотронувшись до неё, превратилась в мраморную статую.

У Короля будто сорвало повязку с глаз; он увидел трёх тучных хрюшек, сидящих на стульях отвергнутых им дочерей. Теперь он всё понял и поднялся с распростёртыми руками, чтобы обнять трёх странниц.

Придворные объявили, что Король исцелился, а принцессы воскресли. Три сестры пожалели окаменевшую Королеву, решили вернуть ей жизнь, но хвостик куда-то исчез.

Мраморная мачеха, с разъярённым лицом и поднятыми в ужасе руками, была возведена на пьедестал, и на протяжении веков её считали скульптурным воплощением злобы и коварства.

СВЕЧА ЖЕЛАНИЙ

Давно когда-то дни недели
Друг другу стали как враги
И все куда-то улетели,
Оставив нам лишь четверги.
Гадали взрослые и дети,
Прошла неделя или век.

В те времена на белом свете
Жил-был несчастный человек.

Это был старик крестьянин, жил он в старой лачуге. А сын его был хром и горбат, но по иронии судьбы носил имя Фортунато, что значит счастливчик.

В восемнадцать лет он смастерил пару новых костылей и, покинув отеческую лачугу, отправился на восток. Отец со слезами благословил его. Через горы и долины, страдая от голода и жажды, шёл Фортунато в поисках фортуны – удачи, но нигде не удавалось ему встретиться с ней.

Однажды, когда уже наступили сумерки, он оказался на узкой заросшей тропинке в сосновом бору. Фортунато ускорил шаг, чтобы до ночи добраться до какого-нибудь человеческого жилища. Он с ужасом вслушивался в крики ночных птиц и в вой волков. Сердце его учащённо билось от страха.

И вдруг он увидел между ветвями деревьев слабый дрожащий огонёк. Ускорил шаги на своих костылях и добрался до маленькой деревянной хижины. Дрожа от холода, он постучался. Дверь открылась. В комнате, у очага, сидела тщедушная сгорбленная старушка.

– Добрая женщина, я заблудился. Впусти меня, пожалуйста.

– Проходи, сын мой.

Фортунато вошёл, и сразу же на него повеяло теплотой домашнего очага.

– Я поделюсь с тобой своим ужином, но тебе придётся довольствоваться очень маленькой порцией.

– Премного благодарен.

Они сели за стол. Старушка поставила малюсенькие тарелочку и мисочку с крошкой хлеба и двумя крупинками риса. Фортунато удивлённо посмотрел на эту снедь. «Да, – подумал он, – порция действительно очень маленькая».

Но старушка повелительно махнула рукой, и крошка хлеба стала расти и расти. Сначала она приняла форму воробышка, затем голубки, цыплёнка и, наконец, индейки с аппетитной золотой корочкой. Миска тоже стала расти и превратилась в красивую супницу, из которой исходил нежный аромат. «Не сон ли это?» – подумал Фортунато. Он с аппетитом принялся за еду – волшебство кулинарного искусства. И во все глаза смотрел на удивительную хозяйку.

После ужина старушка усадила Фортунато у камина, а сама устроилась напротив него.

– Расскажи, сынок, о себе.

Фортунато поведал ей о своей жизни, о своих тщетных поисках удачи.

– Помогите мне. Вы, должно быть, могущественная фея.

– Нет, я не могущественная фея. Мои возможности достаточно скромны. Но тебе я открою никому не известную тайну. Я укажу тебе путь к замку желаний.

На рассвете старушка проводила Фортунато через лес, остановилась на перекрёстке и указала дальнейший путь:

– Иди три дня и три ночи, не оборачиваясь назад, кто бы тебя ни позвал. Дойдешь до рыцарского замка в лощине. В течение веков никто не мог отгадать загадку его стен. Ты постучи этим камнем в массивную дверь, которая тут же, как по волшебству, откроется. Придется пройти через внутренние дворы, крытые галереи, комнаты, коридоры. В последней комнате увидишь спящего прямо на ногах, стоя, старика с протянутой рукой, в которой он держит большую зелёную восковую свечу. Это и есть тот талисман, который ты должен забрать, – свеча исполнит любое твоё желание. Будь осторожен: в замке полно тайных чар и дьявольских наваждений. Но и колдун-волшебник, и драконы, и все злые духи в замке засыпают, как только наступит полдень. Если ты хоть на мгновение пропустишь его наступление, ты погибнешь.

Фортунато взял камень, поблагодарил старушку и продолжил свой путь на костылях. Ближе к вечеру услышал за спиной:

– Фортунато! Фортунато! Фортунато!

Он не внял предупреждению старушки и обернулся. И тут же оказался в том месте, откуда начал свой путь.

– Терпение! Придется всё начинать сначала.

И он вновь отправился в путь, твёрдо решив больше не оборачиваться назад. Прошёл уже целый день, когда он услышал крики за спиной:

– Убивают! На помощь! Молодой человек! Помогите!

Фортунато обернулся – и вновь оказался в самом начале пути. Взрыв отчаяния. Но надо терпеть, и Фортунато вновь отправился в путь на своих костылях.

Два дня шёл он. На закате третьего дня услышал шумное движение войска, топот конских копыт. Фортунато в испуге обернулся и вновь оказался на перекрёстке, откуда начались его странствия.

– Это всё происки колдуна-волшебника, – подумал он. – Но теперь я знаю, что делать.

Он заткнул уши паклей и теперь, глухой ко всякому звуку, спокойно заковылял на своих костылях. Через три дня достиг обезлюдевшего замка. Дождлся, когда пробьёт двенадцать, и постучал камнем. Массивная дверь, на которой были изображены различные сюжеты, как по волшебству, растворилась.

Охваченный ужасом, Фортунато вошёл в замок. Коридор кишел гигантскими саламандрами, жабами, гадюками, огромными скорпионами. Но все они спали, и Фортунато, собравшись с духом, прошёл на своих костылях среди этих липких спин и хвостов, твёрдых панцирей, острых щупаль-

цев. Преодолев внутренние дворы, крытые галереи, комнаты, коридоры, он достиг залы, весь пол которой был усыпан серебряными монетами. Фортунато наполнил ими карманы. Во второй зале пол был усыпан золотыми монетами. Фортунато выбросил все серебряные монеты и собрал золотые. В третьей зале возвышались целые пирамиды драгоценных камней. Фортунато очистил карманы от золотых монет и наполнил их бриллиантами. Опять пришлось пробираться через внутренние дворы и крытые галереи. Но вот Фортунато оказался в самой последней зале, большой и тёмной.

Дряхлый колдун-волшебник, с длиннющей седой бородой, спал стоя, держа в протянутой руке большую зелёную восковую свечу.

Фортунато с удивлением уставился на тысячи странных предметов дьявольской лаборатории. Но, вспомнив о времени, которое не стоит на месте, вырвал свечу из рук колдуна-волшебника и быстро побежал назад, плутая по коридорам... Вот-вот минет час всеобщего сна в замке – и он погибнет. Вновь прошёл он через залу бриллиантов, залу золотых монет, залу серебряных монет, пересёк коридор со спящими животными тварями, на костылях проковылял среди липких спин и хвостов, достиг массивной двери. И только прошёл через дверь, как за спиной его с глухим шумом захлопнулись дверные створки.

Ужасный шум поднялся за стенами замка: кваканье, свист, хриплый, неистовый вой. Это вопили чудовища-сторожа, обнаружившие кражу. Но Фортунато был уже в безопасности. Он тут же зажёл большую зелёную восковую свечу и приказал ей:

– Пусть исчезнет мой горб и выпрямятся ноги!

И горб исчез, а ноги выпрямились. Фортунато отбросил костыли, погасил свечу (она ещё не раз может понадобиться) и отправился в столичный город. Добрался до него только ночью. Взобрался на высокий холм и приказал свече, чтобы здесь появился дворец прекраснее королевского.

Наутро горожане с изумлением смотрели на поразительное сооружение с башнями, колоннадой, террасами, парадными лестницами, висячими садами. Самое удивительное: это сооружение было воздвигнуто за одну ночь. Фортунато стоял на балконе, одетый как знатный синьор.

Король, жестокий тиран, пылал от гнева и от зависти к неизвестному чужестранцу и послал к нему своего пажа, чтобы тот пригласил чужестранца ко двору.

– Скажите королю, что я ни перед кем не сгибаю спину. Если ему угодно, пусть пожелает ко мне.

С таким ответом паж и явился к королю, и король приказал отрубить ему голову. Он объявил, что отныне этот чужестранец – его вечный враг.

А Фортунато вёл жизнь грансиньора. И наряды его, и конный экипаж, и даже псарня пышностью своей затмевали великолепие королевского двора. Стоило ему лишь на несколько секунд зажечь большую зелёную восковую свечу, как тут же исполнялось любое его желание. Но свеча всё

время укорачивалась – это вызывало беспокойство у Фортунато, и он всё реже и реже пользовался её услугами. Он не считал себя счастливым: чего-то в жизни не хватало, но чего именно – он не знал.

Однажды, прогуливаясь верхом на лошади, он увидел на балконе дворца королевскую дочь. Принцесса, кажется, даже пожаловала его благосклонной улыбкой. Но она находилась в окружении придворных дам и под пристальной охраной пажей.

На следующий день Фортунато снова проскакал под её балконом и вновь увидел принцессу среди придворных дам, и вновь она одарила его благосклонной улыбкой.

Фортунато страстно влюбился в неё. Как-то в полнолуние, когда он увидел её, опирающуюся на балюстраду висячего сада, Фортунато подумал: «Сможет теперь уже не столь большая свеча помочь мне? И как выразить моё сокровенное желание?»

– Свеча, свеча! Хочу, чтобы принцесса стала невидимой и её тут же перенесло в мой сад.

Фортунато ждал. Сердце его учащённо билось. И вот королевская дочь, в белой тунике, с распущенными волосами, появилась у него в саду. Принцесса дрожала от страха. Она чувствовала, как её поднимают с постели и в полёте проносят куда-то.

Фортунато встал на колени и поцеловал краешек её туники.

– Я тот, кто каждый день проходит под вашим балконом, принцесса. И то, что я заставил перенести вас сюда, так это, поверьте, вовсе не с коварной целью...

И Фортунато объяснился ей в любви; сказал, что намерен предстать перед королём и попросить его благословения.

– Не делайте этого! Мой отец ненавидит вас, потому что вы могущественнее его. Если вы предстанете перед ним, он тут же прикажет вас казнить.

Фортунато договорился с принцессой – её звали Надзарена – о постоянных встречах на террасе своего дворца. Она появлялась теперь, по приглашению возлюбленного, уже не бледная и испуганная, а с улыбкой на устах. Появлялась будто по воле небес. Они с Фортунато прогуливались под пальмовыми деревьями, среди роз и жасминов, и смотрели на спящий город. На рассвете Фортунато приказывал своей зелёной восковой свече перенести принцессу в её спальню, и она через несколько секунд оказывалась в своей постели.

Но одна зловредная служанка заметила эти ночные исчезновения принцессы и донесла королю.

– Если это неправда, ты будешь повешена.

– Ваше Величество, вы можете сами удостовериться...

На следующий день король проследил, как заснула у себя под балдахинном его дочь. И вдруг около полуночи раздался голос издалека:

– Свеча, свеча! Перенеси ко мне Надзарену!

Дочка стала невидимой, и, как по волшебству, растворилось окно. Король пришёл в бешенство. Когда же на заре вновь увидел Надзарену спящей в своей постели, он схватил её за золотые косы:

– Где ты была, несчастная?

– В постели. Я всю ночь спала, отец мой.

Король успокоился.

– Тут какое-то колдовство, – подумал он, – о котором она и сама не ведаёт. Но я раскрою его.

Он посоветовался с придворным колдуном. Тот тщетно рылся в своих фолиантах. Наконец сообразил:

– Есть только один способ раскрыть эту тайну, Ваше Величество. Подвесьте к одежде принцессы Надзарены дырявую сумку с мукой, и на рассвете мы найдём следы всего её пути.

Служанка прикрепила такую сумку к тунике принцессы. А на рассвете король со шпагой в руке во главе своего войска отправился по тонким белым следам. Следы привели во дворец загадочного чужестранца. Ворвались в покои Фортунато, который безмятежно спал. Прежде чем он успел обратиться к спасительной свече, его связали, доставили в королевский дворец и заключили в темницу до объявления приговора.

Фортунато был осуждён на смертную казнь. На главной площади собралась огромная толпа народу. На балконах королевского дворца расположились сам король, его придворные, королева и бледная, безутешная принцесса Надзарена.

Фортунато взошёл на эшафот. Палач произнёс:

– По обычаю нашего королевства вы можете выразить Его Величеству своё последнее желание.

– Я прошу только о том, чтобы мне принесли мою маленькую зелёную восковую свечу, которую я позабыл во дворце, в сундуке слоновой кости. Она мне дорога как память, и я хочу прикоснуться к ней перед смертью.

– Дозволено, – сказал король.

Слуга вернулся с сундучком слоновой кости, и на глазах у всех собравшихся на площади Фортунато вынул зелёную свечу и зажёл её со словами:

– Свеча, свеча, пусть все собравшиеся здесь, все королевские подданные, все, кроме принцессы Надзарены, по горло провалятся под землю.

И толпа народу, придворные, король, королева мгновенно провалились в бездну. На площади и улицах столичного города торчали лишь человеческие головы, и все с вытаращенными глазами молили о помощи. Фортунато возвышался среди курчавых, плешивых, седых голов, среди чёрных, как смоль, и белокурых шевелюр. Коронованная королевская го-

лова вращала глазами справа налево и слева направо. Король грозно приказывал выкопать его. Но ни один из подданных не стоял на ногах.

Фортуно взял за руку Надзарену и приблизился к королевской голове:

– Ваше Величество, имею честь просить у вас руки принцессы Надзарены.

Король злобным взглядом окинул Фортунато, но не вымолвил ни слова.

– Если вы будете молчать, я сегодня же покину ваше королевство вместе с ней. А вы и ваши подданные так и останетесь погребёнными по горло в земле.

Король ещё раз взглянул на Фортунато. Перед ним стоял молодой и красивый юноша. И король понял, что этот юноша могущественнее его и станет достойнейшим преемником королевской короны.

– Ваше Величество, прошу руки Надзарены.

– Согласен, – вздохнул король.

– Слово короля?

– Слово короля.

Фортуно приказал свече откопать всех, и все, как по волшебству, вновь встали на ноги.

В тот же день вместо жестокой казни сыграли пышную свадьбу.

Перевод с итальянского Леонида Зимана

ФРЭНСИС СКОТТ КЕЙ ФИЦДЖЕРАЛЬД (1896 – 1940)

Фрэнсис Скотт Фицджеральд является признанным классиком американской литературы. Он – крупнейший представитель, так называемого, «потерянного поколения»¹ в литературе. Ни один литературоведческий очерк по истории американской и мировой литературы, по мнению российского литературоведа Андрея Горбунова, невозможен без упоминания Фицджеральда. Наибольшую известность писателю принёс роман «Великий Гэтсби», опубликованный в 1925 году, а также ряд романов и рассказов об американской «эпохе джаза» 1920-х годов. Термин «эпоха джаза» или «век джаза» был придуман самим Фицджеральдом и обозначал период американской истории с момента окончания Первой мировой вой-

¹ Потерянное поколение – это поколение людей, достигших восемнадцатилетия до или во время Первой мировой войны, нередко ещё даже не окончивших школу. После войны такие люди часто не могли адаптироваться к мирной жизни: они спивались, сходили с ума, кончали жизнь самоубийством и т. п. (Прим. ред.).

ны до великой депрессии 1930-х годов. Творчеством Фицджеральда занимались многие американские критики и исследователи, в частности Максвелл Гайсмар, Малколм Каули, Эдмунд Уилсон, Лайонел Трилинг и др.

ИЗУМИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ БЕНДЖАМИНА БАТТОНА

Посв. Татьяне Ивановне Сухановой

Глава 1

Женщинам, жившим в начале шестидесятых годов девятнадцатого столетия, было присуще рожать в домашних стенах. В настоящее же время (по крайней мере, насколько мне известно), верховные боги медицины постановили, что впервые в своей жизни новорождённый ребёнок должен закричать в условиях стерильности и анестезии, а именно в стенах больницы и, предпочтительно, престижной. Однако молодые мистер и миссис Роджер Баттон опередили моду на целую половину столетия, решив однажды летом 1860 года, что их первенец будет рождён в больничных условиях. Возымел ли указанный хронологический сбой своё воздействие на изумительный рассказ, который я намереваюсь вам поведать, данной любознательности суждено навеки остаться неутолённой.

Я лишь расскажу о том, что приключилось – вам же предоставлю право сконструировать ваши собственные мнения и выводы.

На фоне жизни города Балтимор в период до Гражданской войны в США семейство Роджер Баттон занимало весьма выигрышную социальную и финансовую позицию. Данное семейство было принято относить к так называемой «Этой Семье» и «Той Семье». Каждый житель южных штатов знал, что подобное родство предоставляло семейству привилегию стать представителями гигантского сословия пэров, на тот момент широко населявшего Конфедерацию.

Для семьи Роджера Баттона чарующая давняя традиция рождения и воспитания ребёнка явилась первым опытом, поэтому мистер Баттон, как и следовало ожидать, чувствовал взволнованность. Он надеялся на рождение сына, которого он по истечении ряда лет отправит на обучение в Йельский университет, штат Коннектикут. На одном из факультетов данного университета на протяжении четырёх лет получал образование сам мистер Баттон, более известный в то время под весьма подходящим ему прозвищем «Шлепок».

Итак, один из сентябрьских рассветов был посвящён знаменательному событию. Мистер Баттон проснулся в шесть часов утра, взволнованно поднялся с постели, умылся, оделся, безупречно повязал свой широкий

торжественный галстук и помчался вперёд, сквозь улицы Балтимора, по направлению к больнице, с целью узнать, пригрела ли ночная тьма в своих объятиях новую жизнь.

Находясь на расстоянии приблизительно сотни ярдов от частной клиники штата Мэриленд, мистер Баттон увидел доктора Кина, семейного врача. Доктор Кин спускался с крыльца приёмного отделения и моющим движением потирал одну руку о другую – словно отдавая дань неписаному этическому закону своей профессии.

Мистер Роджер Баттон, тот самый генеральный директор «Роджер Баттон энд кампэни» – предприятия, занимающегося оптовыми продажами скобяных товаров и металлических изделий, – стремглав побежал навстречу доктору Кину, всецело забыв о чувстве собственного достоинства, ожидаемом от каждого джентльмена, жившего в южном штате в столь напряжённый для Америки период.

– Доктор Кин! – окликнул врача мистер Баттон. – О, доктор Кин!

Услышав зов, доктор обернулся и стал на месте, чтобы подождать окликнувшего его человека. На строгом и, в медицинском смысле слова, «кровожадном» лице доктора замер пытливый взгляд. Наконец, мистер Баттон приблизился.

– Что случилось?! – требовательным и задыхающимся от спешки голосом спросил мистер Баттон. – Что же такое?! Как она?! Мальчик?! Сын?! Что же...

– Соберитесь с мыслями! – отрезал доктор Кин. Он производил впечатление весьма рассерженного человека.

– Мой ребёнок родился?! – умоляющим голосом взвыл мистер Баттон.

Доктор Кин нахмурил брови.

– Я даже не знаю, что вам ответить... Да, я так полагаю... Некоторым образом... До известной степени... Кое-как, одним словом!

Произнеся данные слова, он снова окинул мистера Баттона пытливым взглядом.

– Моя супруга в порядке?

– Да.

– Мой ребёнок – мальчик или девочка?

– Хватит! – прокричал доктор Кин, преисполненный пылающей ярости. Идите, в конце концов, и посмотрите сами. Н-наглость!

Последнее слово прозвучало молниеносно, подобно щелчку, уместённое в одном слоге. Затем, отвернувшись от мистера Баттона, врач проворчал: «Можно подумать, подобные роды благополучно скажутся на моей профессиональной репутации! Да ещё одни такие уничтожат меня – уничтожат любого из моих коллег!»

– Да в чём же дело?! – требовательно спросил испуганный мистер Баттон. – Тройня?!

– Нет, не тройня! – язвительно ответил доктор. У вас же есть возможность пойти и посмотреть, чёрт возьми! И вообще, найдите для себя другого врача. Я помог появиться на свет вам, молодой человек, я в течение сорока лет был лечащим врачом всей вашей семьи, но с данного момента всё: я пресыщен вами, и я не хочу более видеть ни вас, ни кого-либо из ваших родственников! Прощайте!

Затем он резко развернулся и, не произнеся ни слова, сел в уже ожидавший его у бордюрного камня фаэтон и, рассвирепевший, умчался прочь.

Дрожавший с головы до ног мистер Баттон стоял один посреди тротуара. Его мысли и чувства были притуплены. Его спешное утреннее вдохновение идти в частную клинику штата Мэриленд внезапно улетучилось. В течение минуты он колебался, но, приложив немалые усилия, всё же вынудил себя подняться по ступеням и войти в дверь приёмного отделения.

Казалось, что в мрачном холле нет ни единого, даже блеклого, лучика света. За своим рабочим местом сидела постовая медицинская сестра. Сглотнув овладевшее им чувство стыдливой досады, мистер Баттон приблизился к ней.

– Дивное утро сегодня, не правда ли? – отметила медсестра, любезно взглянув на мистера Баттона.

– Д-да, я – я мистер Баттон. – поспешил он представиться.

Как только прозвучало последнее слово, гримаса жуткого, панического ужаса исказила лицо девушки. Она вскочила на ноги и готова была упорхнуть со своего места, и ей стоило очевидных усилий обуздать нахлынувшие на неё эмоции.

– Я хочу видеть моего ребёнка, – сказал мистер Баттон.

Медсестра вначале лишь слегка взвизгнула, но уже в следующее мгновение она закричала пронзительно, словно в приступе истерики: «О конечно!». Затем, чуть успокоившись, она продолжила: «Вверх по лестнице. Прямо и вверх по лестнице. Идите же – наверх!»

Она указала ему направление, и он нерешительной, запинаящейся походкой повернулся и стал подниматься на второй этаж. Кожа его покрылась ледяной испариной. В верхнем холле навстречу ему, неся в руках таз, шла другая медицинская сестра. Обращаясь к ней, он успел произнести только первые несколько слов: «Я мистер Баттон. Я хочу видеть моего...»

Бам! Таз с грохотом упал на пол и покатился в сторону лестницы. «Бам! Бах! Бабах!» – гремел таз, скатываясь вниз по лестнице, словно в такт заблаговременно выстроенной симфонии: словно разделяя всеобщую панику, которую внушал этот джентльмен.

– Я хочу видеть моего ребёнка! – провизжал мистер Баттон. Он находился на грани изнеможения.

«Бам!» – в последний раз прогрохотал таз, коснувшись пола на первом этаже. Возвратив себе своё первоначальное самообладание, медсестра

всё же бросила на мистера Баттона взгляд, преисполненный нескрываемой брезгливости и омерзения.

– Хорошо, мистер Баттон, – прошипела она, – Будь по-вашему! Но если бы вы только знали, что нам всем пришлось испытать сегодня утром! Это в высшей степени возмутительно! Наша клиника навсегда утратила прежнее чистое имя после...

– Сколько можно! – охрипшим голосом прокричал мистер Баттон. – Я более не могу терпеть этого!

– Что ж, пойдёмте со мной, мистер Баттон.

И он с усилием поплёлся вслед за нею. Дойдя до конца длинного коридора, они достигли палаты, наполненной самым пёстрым многообразием завывания, стона и рёва. Позднее данную палату, наверняка, будет принято называть «комнатой плача».

Вокруг стен было расставлено шесть покрытых белой эмалью детских кроваток с боковыми стенками. К изголовью каждой кровати была прикреплена бирка.

– Ну, – задыхаясь, произнёс мистер Баттон, – и где же мой?

– А вот он, – ответила медсестра.

Глаза мистера Баттона последовали за её пальцем, и вот что он увидел. Завёрнутый в увесистое одеяло из белой шерсти и едва втиснутый в одну из кроваток, в ней сидел пожилой мужчина приблизительно семидесяти лет. Его редкие седые волосы были небрежно разбросаны по голове. С его подбородка вместе со слюной стекала длинная дымчатая борода. Она нелепо раскачивалась в разные стороны под воздействием ветерка, который веял со стороны окна. Он поднял на мистера Баттона свои потускневшие глаза, в которых таилась озадаченность.

– Я что, по-вашему, сошёл с ума?! – прогремел мистер Баттон, чей страх обернулся в ярость. – Это что, один из ваших жутких больничных розыгрышей?!

– Нам сейчас совсем не до розыгрышей! – рассвирепела в ответ медсестра. – И я не знаю, сошли вы там с ума или нет, но это – будьте уверены! – ваш ребёнок!

Мистер Баттон чувствовал, как его лоб утопает в массивном слое ледяной испарины. Он закрыл глаза, открыл их и снова посмотрел в сторону кровати. Ошибки быть не могло – он действительно всматривался в мужчину семидесятилетнего возраста, мужчину, который прожил нормальный срок человеческой жизни, в новорождённого ребёнка семидесятилетнего возраста, новорождённого ребёнка, который к моменту своего рождения уже прожил нормальный срок человеческой жизни, а теперь, вместо того чтобы умереть, болтал своими ногами, свисавшими поверх кровати, в которой он отдыхал!

В течение минуты пожилой мужчина переводил свой умиротворённый взгляд с медсестры на мистера Баттона и обратно. Затем он вдруг за-

говорил своим надтреснутым старческим голосом:

– Вы мой отец? – требовательно спросил он, обращаясь к мистеру Баттону.

Мистер Баттон и медсестра в ужасе содрогнулись.

– Просто если да, – ворчливо продолжил старик, – то я требую, чтобы вы немедленно забрали меня из этого места – или, по крайней мере, заставьте их принести уютное кресло-качалку сюда!

– Господи, да откуда ты взялся?! – не сдерживая своего неистовства, вспыхнул мистер Баттон. – Кто ты такой вообще?!

– Я не могу сказать вам точно, кто я, равно как и назвать вам моё точное имя, – ответил хныкающий ворчун, – поскольку я родился несколько часов назад, но фамилия моя – уж будьте уверены – Баттон!

– Ты лжёшь! Ты самозванец!

Старик повернул свой изнурённый взгляд в сторону медсестры.

– Гостеприимный же и доброжелательный способ он избрал, чтобы поприветствовать новорождённого ребёнка, – пожаловался он ослабевшим голосом. – Скажите ему, что он не прав – что же Вы молчите?!

– Вы не правы, мистер Баттон, – сурово заявила медсестра. – Он ваш сын, и вам придётся смириться с этим. И вообще, Вам нужно забрать его домой как можно скорее: в течение сегодняшнего дня.

– До-мой? – недоверчиво протянул мистер Баттон.

– Ну да, домой. Мы не можем держать его здесь. Мы действительно не можем, понимаете?

– А уж как я-то буду рад, – снова захныкал старик. – Для такого спокойного младенца, как я, домашняя обстановка – самая подходящая. А здесь, со всеми этими воплями и завываниями, я не мог сомкнуть глаз – более того, я попросил еды, – на этих словах его голос сорвался в пронзительное негодование, – и они принесли мне бутылочку с молоком!

Мистер Баттон в отчаянии погрузился в кресло, стоявшее рядом с кроваткой его сына, и обхватил своё лицо ладонями.

– Боже мой! – прошептал он в чувстве иступлённого кошмара. – Что скажут люди?! Что мне делать?!

– Вам придётся забрать его домой, – настойчиво повторила медсестра. Без промедления!

Взору измученного мужчины во всей своей ужасающей ясности явилась картина: как он идёт сквозь переполненные народом улицы города, а рядом с ним, задрав нос, вышагивает это пугающее привидение.

– Я не в силах, я не в силах, – стонал мистер Баттон.

С ним, наверняка, станет заговаривать толпа зевак, и что он должен будет им сказать? Ему придётся представить им этого – этого старика на восьмом десятке: «Это мой сын, который родился сегодня ранним утром». Затем старик станет демонстративно сминать своё одеяло в складки, и они с тяжестью побредут мимо шумных и суетливых магазинов, мимо рынка

рабов – в мгновение безысходности мистер Баттон будет страстно сожалеть о том, что его сын не темнокожий – мимо роскошных домов спального района, мимо, наконец, дома престарелых...

– Так! Возьмите себя в руки! – приказала медсестра.

– Эй вы! – внезапно окликнул старик. – Если вы всерьёз рассчитываете на то, что я пойду домой в этом одеяле, вы крупно заблуждаетесь!

– У любого новорождённого ребёнка есть одеяло.

Старик издал злобный звук, похожий на треск или хруст, и выставил напоказ маленький белый фрагмент своей пелёнки. – Вот! – произнёс он дрожащим от негодования голосом. – Это одежда, которую они приготовили для меня!

– Любого новорождённого ребёнка заворачивают в такое одеяло, – с напускной важностью заявила медсестра.

– Да ради бога! – огрызнулся старик. – Но данный конкретный ребёнок требует, чтобы его переодели через две минуты! От этого одеяла у меня всё зудится! Они могли бы, по крайней мере, выдать мне простыню!

– Накинь обратно! Накинь обратно!» – скороговоркой произнёс мистер Баттон. Он повернулся к медсестре. – Что же мне делать?

– Ну, в первую очередь, как минимум, спуститься в город и купить своему сыну какую-нибудь одежду.

Вслед мистеру Баттону через весь коридор прогремел голос его сына: – И трость, папочка! Я требую трость!

Взбешённый мистер Баттон хлопнул входной дверью.

Глава 2

Мистер Баттон зашёл в антиалкогольную торговую компанию Чейз-пика и нервно обратился к служащему:

– Приветствую – мне нужно купить какую-нибудь одежду для моего ребёнка.

– Пожалуйста. Сколько лет вашему ребёнку?

– Около шести часов, – ляпнул мистер Баттон первое, что пришло в голову.

– Что ж, вход в отдел одежды для новорождённых детей расположен позади здания.

– О, я не думаю – я не уверен в том, что это именно то, что мне нужно. Оно – он ребёнок необычайно крупных размеров. Исключительно – ах – крупных.

– Ничего страшного: там имеется в продаже младенческая одежда очень крупных размеров.

Внезапно мистеру Баттону стало настойчиво казаться, что служащий непременно разгадает его позорную тайну – либо уже разгадал. В порыве

безысходности мистер Баттон изменил своё намерение и продолжал добиваться сведений уже в несколько ином направлении:

– Где находится отдел одежды для мальчиков?

– Непосредственно здесь, – ответил служащий.

Мистер Баттон колебался, бормоча про себя: «Ну...». Одна только мысль о том, что ему придётся облачить своего сына в одежду взрослого мужчины, поднимала в его душе волну брезгливости и омерзения. Если бы, предположим, он только смог отыскать костюм для мальчика очень крупных размеров, обрезать эту ужасную длинную бороду и выкрасить седые волосы в каштановый цвет – лишь в таком случае ему удалось бы хоть немного замаскировать всю очевидность внезапного кошмара своей новой жизни и сохранить хоть какие-то остатки чувства собственного достоинства – не говоря уже о его положении в балтиморском обществе.

Однако в результате неистовой гонки по отделу одежды для мальчиков мистеру Баттону не посчастливилось обнаружить ни единого костюма, который мог бы подойти новорождённому Баттону. Мистер Баттон был готов проклясть магазин – разумеется, что же ещё остаётся делать в подобных случаях, как не винить магазин!

Внезапно гонку мистера Баттона остановил настойчивый вопрос любопытного служащего:

– Какого, вы сказали, возраста, Ваш мальчик?

– Ем-му – шестнадцать.

– О, извините, мне слышалось, будто вы сказали, что он родился шесть часов назад. Что ж, отдел одежды для юношей Вы найдёте в следующем проходе.

Мистер Баттон отвернулся. В ту минуту он производил впечатление очень несчастного человека. Затем он вдруг замер на месте, лицо его просияло, и он указал пальцем на манекен, стоявший за витриной:

– Вот! – воскликнул он. Я беру этот костюм! Тот, что на манекене!

Служащий перевёл свой пристальный изумлённый взгляд с мистера Баттона на костюм и обратно.

– Боюсь, вы ошиблись в своём выборе, – возразил служащий. – Это не детский костюм. Нет, его, конечно, может надеть ребёнок, но только в качестве маскарадного. Для повседневной же носки вы можете купить его взрослому мужчине, например, самому себе.

– Упаковывайте, – нервно приказал клиент. – Это то, что мне нужно.

Продолжавший изумляться служащий повиновался.

По возвращении в больницу мистер Баттон зашёл в детскую палату и бросил упаковку в своего сына.

– Вот твоя одежда! – отрезал он.

Старик развязал упаковку и стал с насмехательством осматривать содержимое.

– Но я же буду выглядеть во всём этом потешно! – с недовольством заявил он. Я не потерплю, чтобы из меня делали посмешище.

– Ты уже сделал посмешище из меня! – ответил мистер Баттон на недовольство ещё более лютым недовольством. И не смей даже заикаться о том, что ты будешь потешно выглядеть! Немедленно надевай всё это – или я...или я отшлёпаю тебя!

Произнося предпоследнее слово, он тревожно сглотнул, хотя и не сомневался в своей правоте.

– Хорошо, папочка, – закривлялся в ответ старик, нелепо симулируя сыновнее уважение. – Ты прожил дольше, тебе лучше знать. Всё будет, как ты скажешь.

Как и прежде, услышав слово «папочка», мистер Баттон в ужасе содрогнулся.

– И давай пошевеливайся!

– Я пошевеливаюсь, папочка!

Когда его сын оделся, мистер Баттон оглядел его с чувством глубокой угнетённости. Костюм состоял из носков в клеточку, розовых панталон и блузы с поясом и широким белым воротником. Поверх последней извивалась длинная седоватая борода, свисавшая почти до пояса. Всё это производило удручающее впечатление.

– Подожди! – внезапно крикнул мистер Баттон.

Он схватил больничные ножницы и тремя быстрыми щелчками отрезал бороду. Но даже с данным явным усовершенствованием общее впечатление продолжало оставаться плачевным. Колючая щётка остающейся бороды, влажные гноящиеся глаза, разрушенные старческие зубы являли собой эксцентричное противопоставление моложавой весёлости костюма. Как бы то ни было, мистер Баттон проявил ожесточённое упрямство и, вытянув свою руку вперёд, строго произнёс:

– Идём!

Сын доверчиво взял отца за руку.

– Как ты планируешь называть меня, папочка? – дрожащим голосом спросил он, когда они вышли из детской палаты. – Просто «мальш»? Пока не придумаете более подходящее имя?

Мистер Баттон проворчал что-то невнятное.

– Не знаю, – сурово ответил он. Но что-то мне подсказывает, что более подходящего имени, чем Мафусаил, мы для тебя не придумаем.

Глава 3

Итак, «новорождённый» представитель семейства Баттон вынужден был претерпеть ряд изменений. Прежде всего, ему сделали стрижку и выкрасили волосы в неестественный, словно «разжиженный» чёрный цвет. Во-вторых, лицо его выбрили до блеска. И, наконец, одуревший при виде

«младенца» портной выполнил заказ мистера Баттона, создав специально для его сына одежду, которую мог бы носить маленький мальчик. Однако даже после всех перечисленных обновлений мистер Баттон был не в силах проигнорировать тот факт, что его сын – лишь жалкое подобие долгожданного первенца семьи. Что касается имени, которым назвали сына, разумеется, наиболее подходящим – хотя и враждебно-оскорбительным – именем для него было бы «Мафусаил», и всё же было принято решение наречь его ласковым именем «Бенджамин», которое означает «младший сын, любимый ребёнок, баловень». Несмотря на старческую сутулость, рост «маленького баловня» составлял пять футов восемь дюймов. Его одежда не могла спрятать под собою такой рост. Его густые седые волосы постригли и выкрасили, но данные действия не сумели сделать неузнаваемыми его глаза – поблекшие, гноящиеся и утомлённые. Справедливости ради следует добавить, что заблаговременно нанятая няня, едва взглянув на «младенца», покинула дом в приступе негодования.

Но намерение упорствующего мистера Баттона не дрогнуло ни на йоту: Бенджамин был новорождённым ребёнком – и новорождённым ребёнком он и должен был быть. Так, в первую очередь, мистер Баттон заявил Бенджамину, что, если тот не согласится пить тёплое молоко – у него всегда есть альтернатива остаться вовсе без еды. В конце концов, консенсус был достигнут: сыну удалось уговорить отца позволить ему кушать хотя бы овсяную кашу и хлеб с маслом. Но споры на этом не закончились. Однажды мистер Баттон принёс домой детскую погремушку и, дав её Бенджамину, стал настойчиво, в недвусмысленных выражениях, требовать, чтобы тот «играл с ней». Сначала старик воспринял подарок с изнывающим от скуки выражением на лице, но впоследствии всё же стал послушно звенеть погремушкой периодически в течение дня.

Однако послушание длилось недолго. Вне сомнений, погремушка очень быстро наскучила Бенджамину и, оставаясь наедине с самим собою, он с наслаждением находил для себя более увлекательные забавы. Например, однажды мистер Баттон совершенно неожиданно для себя обнаружил, что в течение предшествующей недели он выкурил большее количество сигар, нежели обыкновенно выкуривал за неделю. Объяснение нашлось несколько дней спустя, когда, зайдя в детскую комнату без предупреждения, мистер Баттон заметил, как по воздуху вьётся едва видимый голубой дымок, а окутанный облаком этого дымка сидит Бенджамин и с выражением вины на лице безуспешно пытается спрятать окурок тёмной «Гаваны». Разумеется, «младенец» подвергся суровому наказанию и был отшлёпан, но в результате мистер Баттон всё равно понял, что бороться с этим бесполезно. Единственное, что он мог сделать, он сделал: пригрозил сыну, что он «уж непременно отыщет способ остановить его не по годам бурное развитие».

Тем не менее, мистер Баттон продолжал упорствовать в избранной им стратегии. Он принёс домой свинцовых солдатиков, он принёс игрушечную железную дорогу, он принёс, наконец, милых плюшевых зверушек. Он настолько пламенно мечтал укрепить сотворённую им же самим иллюзию (по крайней мере, для самого себя), что, не в силах себя обуздать, потребовал от служащего магазина детских игрушек продать ему непременно «того розового утёнка, с которого не сойдёт краска в том случае, если малыш возьмёт его в рот». Но, несмотря на все усилия своего отца, Бенджамин отказывался проявлять какую бы то ни было заинтересованность. Он, бывало, тайком спускался по задней лестнице с целью войти в домашнюю библиотеку и возвратиться в детскую комнату уже с томом энциклопедии «Британника» в руках. Он мог, глубоко погружившись, сосредоточенно изучать данную энциклопедию на протяжении целого дня, тогда как его плюшевые телята и Ноев ковчег были разбросаны по полу, безнадежно одинокие. В бесконечной битве между упрямством отца и упрямством сына первое было вынуждено всякий раз признавать своё поражение.

На первых порах факт существования «малютки Бенджамина» вызывал в Балтиморе поистине чудовищный резонанс. Но, на счастье семьи Баттон, спустя год после рождения Бенджамина город перенаправил своё внимание на другие вещи, поскольку в США вспыхнула Гражданская война, которая, в свою очередь, усложнила определение масштаба социальных потерь, настигших семью Баттон и их родственников в связи с появлением на свет столь необычного ребёнка. Всё же оставались люди, чья неисчерпаемая вежливость вынуждала их ломать себе голову с целью поздравить молодых родителей с первым, годовалым юбилеем сына. В результате все единодушно избрали весьма остроумный приём: провозгласить, что «младенец» является точной копией своего деда. Что ж, и деду и внуку было присуще специфическое состояние заката, свойственное всем людям семидесятилетнего возраста, поэтому факт их сходства допустимо было не опровергать. Однако мистер и миссис Роджер Баттон были, мягко выражаясь, не довольны подобными поздравлениями – сам же дедушка и вовсе пришёл в ярость от нанесённого ему оскорбления.

Выше уже было вскользь упомянуто, что, по выписке из больницы, Бенджамин был вынужден окунуться в окружающую его жизнь, приняв её такую, какою она была для него «приготовлена». К нему привели нескольких малышей, и он на протяжении мучительно долгого для него дня силится возбудить в себе хотя бы малейший интерес к волчкам и шарикам. Отец, хоть и не подавая вида, почувствовал наслаждение, узнав о «мальчишеском подвиге» сына, выпустившего камень из рогатки и, тем самым, разбившего кухонное окно – хотя сам Бенджамин сделал это совершенно непредумышленно и, более того, против своей воли.

После данного случая Бенджамин ухитрялся что-нибудь разбивать ежедневно. Но ключевым словом является слово «ухитрялся»: он действи-

тельно совершал подобные поступки с хитростью, то есть для того, чтобы его оставили в покое: он совершал их не по своей воле, а исключительно потому, что их от него ждали, и потому, что совершать их его обязывала его «мальчишеская природа».

Со временем настал тот момент, когда первоначальное вражеское отношение деда к внуку сошло на нет. С той поры Бенджамин и пожилой господин чувствовали величайшее духовное наслаждение при общении друг с другом. Они могли просиживать вместе часами, эти двое, будучи столь далёкими друг от друга по возрасту и жизненному опыту, смогли стать близкими друзьями, которые с неутомимой монотонностью обсуждали скучно тянувшиеся события дня. Бенджамину было гораздо уютнее в обществе деда, нежели родителей, воспринимавших его амбивалентно: они держали над ним диктаторскую власть, но в то же самое время они же испытывали по отношению к нему благоговейный страх и не могли обращаться к нему иначе чем «Мистер».

Справедливости ради следует отметить, что сразу после своего рождения Бенджамин и сам – ничуть не менее чем все окружавшие его люди – был поставлен в тупик очевидно более взрослым и развитым состоянием своего разума и тела, чем оно должно быть у новорождённого ребёнка. Он тщательно исследовал медицинскую литературу с целью хоть что-нибудь выяснить относительно беспокоившей его проблемы, однако узнал, что никогда и нигде ранее подобных случаев зарегистрировано не было. По надоедливому требованию своего отца он предпринимал честные попытки играть с другими мальчиками, но зачастую выбирал для себя более щадящие игры: футбол явился для него чрезвычайно «остросюжетным», и он опасался, что в случае перелома его дряхлые кости откажутся срастаться.

Когда Бенджамину исполнилось пять лет, он был отправлен в детский сад. Там он начал осваивать искусство наклеивания зелёной бумаги на оранжевую бумагу, плетения разноцветных карточек, изготовления бесконечных картонных ожерелий. Как правило, к середине каждого из подобных занятий он засыпал, чем, с одной стороны, сердил, с другой стороны, пугал свою юную воспитательницу. К облегчению Бенджамина, она пожаловалась на его поведение родителям, и они забрали его из сада. На расспросы друзей мистер и миссис Роджер Баттон поясняли, что на данный момент они не готовы отдавать своего сына в детский сад, поскольку он ещё слишком мал.

К тому времени, когда Бенджамину исполнилось двенадцать лет, его родители окончательно привыкли к нему. Неспроста пословица гласит: «Привычка – вторая натура», ведь они уже не замечали, что Бенджамин – не такой, как его сверстники, разве что в те моменты, когда очередная странная выходка сына напоминала им о данном факте. Так или иначе, однажды, спустя несколько недель после своего двенадцатого дня рождения, Бенджамин посмотрел в зеркало и сделал (или ему показалось, что он сде-

лал) изумительное открытие. Неужели его глаза обманывали его, или за дюжину лет его жизни цвет его волос действительно из седого превратился в серо-стальной, который был замечен даже под скрывающей краской?! Неужели паутина морщин на его лице действительно стала менее выраженной?! Неужели, наконец, кожа его стала более здоровой и эластичной, хоть она и продолжала краснеть на морозе?! На все поставленные им же самим перед самим собой вопросы он не мог дать вразумительного ответа. Но одно он знал точно: его покинула старческая сутулость и его физическое самочувствие стало значительно лучше, чем в первые годы его жизни.

– Неужели это –? – спросил он самого себя, точнее, едва осмелился спросить. Подойдя к своему отцу, Бенджамин решительно заявил:

– Я вырос. Мне нужны длинные брюки.

Его отец задумался.

– Ну, – вымолвил он, наконец. – Я не уверен. Для ношения длинных брюк более подходящий возраст – четырнадцать лет, а тебе только двенадцать.

– Но ты же не можешь, – возразил Бенджамин, – не согласиться с тем, что я слишком крупный для своего возраста.

Его отец посмотрел на него, погрузившись в облако самообмана.

– О, я так не думаю, – ответил он на возражение сына. – Когда мне было двенадцать лет, я был такой же крупный, как ты.

Конечно же, произнесённые им слова не были правдивыми. Они являли собой лишь очередной пункт безмолвного договора Роджера Баттона с самим собой о беспрекословной вере в обыкновенность своего сына.

В конце концов, компромисс был достигнут. Бенджамину было позволено надеть свой первый в жизни костюм с длинными брюками. Но взамен он обязывался пойти тоже, в свою очередь, на некоторые уступки. Во-первых, он должен был продолжать красить волосы. Во-вторых, он должен был предпринимать более ответственные и усиленные попытки играть с мальчиками своего возраста. Наконец, в-третьих, он должен был перед выходом на улицу снять очки и отложить в сторону свою трость.

Глава 4

Жизнь Бенджамина Баттона между его двенадцатым и двадцать первым днём рождения не заслуживает детального описания. Достаточно лишь отметить, что за данные девять лет не было зафиксировано его естественного старения. Напротив, когда Бенджамину было восемнадцать лет, уровень его бодрости и статности соответствовал пятидесятилетнему возрасту. Его волосы стали гуще, и седина их приобрела тёмный оттенок. Он шагал твёрдой поступью. Голос его утратил свою надтреснутую дрожь и опустился до уверенного баритона. Не забывший о своём намерении, мистер Роджер Баттон отправил сына в штат Коннектикут, чтобы тот сдал

вступительные экзамены в Йельский университет. Бенджамин успешно прошёл вступительные испытания и был зачислен в группу первокурсников.

На третий день после своего зачисления Бенджамин получил от мистера Харта, университетского секретаря, извещение о том, что он, Бенджамин, должен подойти в его кабинет с целью справиться о расписании занятий. Взглянув в зеркало, Бенджамин решил, что ему необходимо в очередной раз выкрасить свои волосы в каштановый цвет. Но тревожно обыскав выдвижной ящик комода, он обнаружил, что флакона с краской там нет. Чуть позже он вспомнил, что опустошил и выбросил его днём ранее.

Бенджамин очутился в затруднительном положении. Уже через пять минут он должен был находиться в кабинете секретаря. Ему казалось, что ничего нельзя поделаться – он вынужден был идти как есть: со своими некрашенными пепельными волосами. И он пошёл.

– Доброе утро, – вежливо поприветствовал Бенджамин секретаря.

– Так, вы пришли с целью осведомиться о своём сыне?

– Гм, как вам сказать, моя фамилия действительно Баттон, – начал Бенджамин, но мистер Харт прервал его:

– Я очень рад вас видеть, мистер Баттон. Ваш сын подойдёт с минуты на минуту.

– Это я! – вспыхнул Бенджамин. – Я первокурсник.

– Что?!

– Я первокурсник.

– Вы, вероятно, меня разыгрываете.

– Ничуть.

Секретарь нахмурил брови и взглянул на лежащую перед ним карточку.

– Постойте, здесь указан точный возраст мистера Бенджамин Баттона: восемнадцать лет.

– Всё правильно: это мой возраст, – утвердительно кивнул головой Бенджамин, слегка покраснев.

Пристально и в то же время изнурённо разглядывая Бенджамин, секретарь сказал:

– Позвольте, мистер Баттон, вы ведь не рассчитываете на то, что я в это поверю.

Столь же измученно улыбнувшись, Бенджамин повторил:

– Мне восемнадцать.

Ещё держа себя в руках, секретарь строго указал на дверь.

– Вон, – сказал он, – вон из университета и вон из города, вы, социально опасный безумец!

– Мне восемнадцать.

Потеряв терпение, мистер Харт открыл дверь и закричал:

– Бред! Человек вашего возраста выдаёт себя за восемнадцатилетнего первокурсника! Восемнадцать лет, вы говорите?! Я даю вам восемнадцать минут, чтобы убраться из города!

Не утратив чувства собственного достоинства, Бенджамин Баттон покинул кабинет, и полдюжины студентов, ожидавших в вестибюле, устремили на него свои любопытные взгляды. Пройдя несколько шагов, он обернулся, посмотрел разъярённому и всё ещё стоявшему в дверном проёме секретарю прямо в глаза и решительно повторил:

– Мне восемнадцать лет.

Сопровождаемый взрывом хохота, исходящего от студентов, Бенджамин ушёл прочь.

Но ему не суждено было спастись от насмешек столь быстро и легко, сколь ему хотелось бы. На середине своей унылой прогулки до железнодорожной станции он обнаружил, что вслед за ним идёт группа студентов, стремительно разрастающаяся: сначала до небольшой стайки, затем до густой толпы. По Йельскому университету мгновенно разнёсся слух, что какой-то престарелый чудак сдал вступительные экзамены и решил «подсунуть» себя в качестве восемнадцатилетнего парня. В университет проникла атмосфера лихорадочного возбуждения. Мужчины выбегали из аудиторий, побросав свои шляпы, где придётся; футбольная команда забыла про свою тренировку и присоединилась к сборищу; кричавшие профессорские жёны бежали вслед за вереницей со сдвинутыми шляпками и турнюрами. В толпе раздавались непрерывные возгласы. Никогда ранее Бенджамин не ощущал себя столь ранимым.

– Он, должно быть, Вечный жид!

– Ему бы надо поступить в подготовительную школу: в его-то возрасте!

– Внимание: не упустите возможность увидеть вундеркинда!

– Дедуля ошибся адресом: он думал, что здесь дом престарелых!

– Шагай в Гарвард, дедуля!

Бенджамин ускорил шаг, и вскоре он уже бежал. Он ещё покажет им! Он действительно поступит в Гарвардский университет – и тогда они пожалеют о своих необдуманных насмешках!

В итоге Бенджамину всё-таки посчастливилось запрыгнуть в вагон Балтиморского поезда. Высунув голову из окна, он прокричал:

– Вы пожалеете!

Но студенты продолжали безудержно хохотать. Это была самая большая ошибка из всех, которые когда-либо совершал Йельский университет...

Глава 5

Спустя два года после оскорбительного для Бенджамина Баттона происшествия в Йельском университете ему исполнилось двадцать лет, и он ознаменовал свой юбилей трудоустройством в «Роджер Баттон энд кампэни» – предприятие, занимающееся оптовыми продажами скобяных товаров и металлических изделий. Именно в год своего двадцатилетия Бенджамин стал «выходить в люди», то есть мистер Баттон неумолимо принуждал сына посещать вместе с ним многочисленные светские балы, главным образом избранные, особо значимые. На тот момент мистеру Роджеру Баттону было пятьдесят лет, и между ним и его сыном впервые за долгие годы стало проклёвываться подобие дружбы. Бенджамин давно прекратил красить свои волосы, цвет их по-прежнему оставался пепельным, седоватым, поэтому они с отцом выглядели как сверстники и их вполне можно было принять за братьев.

Одним августовским вечером они облачились в свои великолепные костюмы, сели в фаэтон и отправились на бал, который устраивало семейство Шевлинов в своём загородном доме, расположенном на границе с Балтимором. Намечалось роскошное празднество. Сияние полной луны, подобно сверкающей росе, пронзало матовую поверхность дороги, и запоздалое цветение колосьев вальсировало с благоуханием замирающего воздуха, которое напоминало тихий, едва слышимый смех. Степное пространство, устланное паутиной дорог и сверкающей пшеницей, было прозрачным, словно при свете дня. Было почти невозможно не восторгаться первозданной красотой неба – но, увы, лишь «почти», о чём свидетельствует абсолютно не соответствующая окружающей обстановке реплика мистера Роджера Баттона.

– За мануфактурным и галантерейным бизнесом большое будущее, – рассуждал он. Он не был одухотворённым человеком: эстетический компонент его личности находился в зачаточном состоянии.

– Престарелые пни вроде меня уже не способны к освоению новых технологий, – глубокомысленно заметил он. – Великое будущее ждёт именно вас, молодых, с вашей энергией и жаждой жизни.

Направляясь вверх по дороге, можно было ощущать, как огни загородного дома Шевлинов врезаются в глаза, а вскоре по воздуху стал витать непрерывный звук, похожий на стон или вздох: быть может, ласковые стенания скрипки, либо же шелест серебристой пшеницы под луной.

Фаэтон мистера Роджера Баттона и его сына Бенджамина остановился позади красивой одноконной трёхместной кареты, чьи пассажиры высаживались у самых дверей дома Шевлинов. Первой из кареты вышла дама, за ней почтенный господин. Третьей вышла юная барышня, манящая как грех. Бенджамин вздрогнул. Ему показалось, что нечто новое, почти химическое, ласково обволакивает и воссоздаёт каждую клеточку его сущ-

ности. Его охватило оцепенение, покрытые испариной лоб и щёки вспыхнули, в ушах неумолимо колотился пульс. Бенджамин лицезрел свою первую любовь.

Девушка была стройной и хрупкой. В сиянии луны её локоны обретали пепельный оттенок, освещавшие веранду фонари орошали их медовым блеском. Поверх её плеч была накинута испанская мантилья, завораживающая вальсом нежно-жёлтого и чёрного оттенков. Её туфельки мерцали подобно жемчужинам на кайме её пышного платья.

Мистер Роджер Баттон склонил голову к сыну:

– Это, – пояснил он, – юная Хильдегард Монкриф, дочь генерала Монкрифа.

Бенджамин кивнул, всеми силами пытаясь оставаться хладнокровным.

– Смазливая девчонка, – сказал он, сознательно акцентируясь на своём равнодушии. Но когда слуга-негритёнок стал отгонять лёгкую двухместную коляску с откидным верхом и Бенджамин убедился в том, что никто не подслушивает, он добавил:

– Папа, ты ведь мог бы представить меня ей.

Они приблизились к группе людей, в центре которой стояла мисс Монкриф. Воспитанная в духе старинных традиций, она, приветствуя Бенджамина, сделала реверанс. Да, он мог получить этот волшебный шанс: провести рядом с нею несколько минут в танце!.. Мог – но он лишь поблагодарил её и пошёл, сам не зная куда – шатаясь, пошёл.

Танец всё же состоялся. Однако минуты ожидания показались Бенджамину безбрежными и бездонными, словно мировой океан. Он стоял, прижавшись к стене, на губах его дремало безмолвие, лицо его было непроницаемым. Он стоял, впиваясь своими кровожадными глазами в молодых балтиморских денди, которые крутились вокруг Хильдегард Монкриф, словно в водовороте, которые пожирали её своими страстными, восторженными взглядами. О, сколь омерзительными они казались Бенджамину, сколь нестерпимым было для него цветение их юности! Их вьющиеся каштановые бакенбарды вызывали в нём чувство, родственное несварению желудка.

Но когда его долгожданный черёд пришёл, когда он стал вальсировать с нею, наслаждаясь звучанием новой парижской мелодии, его ревность и тревога растаяли подобно снежному покрову. Слеплённый обворожительной барышней, он чувствовал, что жизнь только начинается.

– Вы и ваш брат приехали сюда одновременно с нами, не правда ли? – спросила Хильдегард, поднимая на Бенджамина глаза цвета сверкающей голубой финифти.

Бенджамин колебался. Если она приняла его за брата его отца, не было бы благоразумным просветить её? Но он вспомнил свой опыт в Йеле и принял решение этого не делать: по крайней мере, на тот момент. К тому

же было бы невежественным опровергнуть слова юной леди; было бы преступным запятнать то очаровательное мгновение абсурдной историей своего происхождения. Поэтому он лишь кивал своей головой в знак согласия и улыбался, слушая её и позволяя себе чувствовать счастье.

– Мне нравятся мужчины вашего возраста, – говорила ему Хильдегард. – Молодые мальчики такие дураки. Они рассказывают мне, как много шампанского они выпивают в университете и как много денег просаживают, играя в карты. Мужчины вашего возраста умеют понимать и ценить женщин.

Слушая Хильдегард, Бенджамин чувствовал страстное желание предложить ей руку и сердце прямо здесь и сейчас, и ему стоило величайших усилий погасить вспыхнувшее пламя.

– Ваш возраст – самый романтичный, – продолжала Хильдегард. – Пятьдесят. Двадцать пять – слишком уж мудрёный. Тридцать – карьеризм до потери сознания. Сорок – возраст утомительных рассказов, финала которых не дождёшься, пока не выкуришь целую сигару. Шестьдесят – о, шестьдесят – это почти семьдесят. И лишь пятьдесят – золотая середина. Я люблю пятидесятилетний возраст.

Пятидесятилетний возраст показался Бенджамину дивным. Он почувствовал неудержимое стремление поскорее стать пятидесятилетним.

Тем временем Хильдегард не унималась в своей попытке над Бенджамином.

– Я всегда говорила, – продолжала она, – что я скорее выйду замуж за мужчину пятидесяти лет, который будет заботиться обо мне, чем за мужчину тридцати лет, о котором буду вынуждена заботиться я.

Оставшийся вечер Бенджамин провёл за вуалью сладостных грёз.

Хильдегард подарила ему ещё два танца, и они обнаружили, что их мнения касательно всех обсуждаемых на балу вопросов удивительным образом совпадают! Они запланировали совместную поездку по городу на грядущее воскресенье с целью продолжить обсуждение всех вопросов, которые их увлекли.

Когда сквозь мерцание блекнувшей луны стали проклёвываться первые лучики солнца, Бенджамин и мистер Роджер Баттон отправились домой в своём фаэтоне. Уже начинали жужжать первые пчёлки, на цветах и травах дремала свежая роса. Окутанный облаком задумчивости, Бенджамин слушал, как его отец обсуждает с ним оптовые продажи скобяных товаров и металлических изделий.

– ... А что, на твой взгляд, заслуживает нашего пристального внимания после молотков и гвоздей? – спросил старший Баттон.

– Восхищение. Отдушина, – рассеянно ответил Бенджамин.

– Утолщение! Проушина! – воскликнул мистер Роджер Баттон.

– Да, и намаялся же я со всеми этими утолщениями, проушинами, бобышками, выступами, кулаками, приливами, ручками, глазками, подвес-

ками, хомутиками, зажимами!

Бенджамин посмотрел на отца изумлёнными глазами. Он отказывался понимать, как в такую минуту можно говорить о бизнесе. Внезапно восточное небо раскололи стрелы рассветного солнца, и в оживлённой листве пронзительно закричала иволга...

(продолжение следует)

Перевод с английского Екатерины Коржовой

ФЭН МЭНЛУН (1574 – 1646)

От переводчика. Фэн Мэнлун – выдающийся китайский писатель периода династии Мин (1368–1644), драматург, библиофил и издатель, автор крупнейшего собрания городских повестей (120 произведений), известных под названием «Сань янь» («Троеслобие»).

Здесь же мы предлагаем вашему вниманию избранные истории про Гуань Чжуна и Бао Шуя из его романа «Хроники государств Восточного Чжоу». Этот роман Фэн Мэнлун создал на основе сборника рассказов писателя периода династии Мин Юй Шаоюя «Хроники государств» и назвал его «Новые хроники государств». Во времена династии Цин (1644–1912) писатель Цай Юаньфан внёс в этот роман правки и изменил название романа на «Хроники государств Восточного Чжоу».

Истории про Гуань Чжуна и Бао Шуя из данного романа были изданы в Китае в 1957 году отдельной небольшой книгой на современном китайском языке, автор адаптации Е Гопинь. Наш перевод выполнен именно с этого издания.

Эти истории повествуют о жизни и деятельности политиков Древнего Китая Гуань Чжуна (725 (?) – 645 гг. до н. э.) и Бао Шуя (умер в 644 г. до н. э.). Их имена примечательны тем, что являются символом образцовых друзей, прецедентными именами, то есть известными всем китайцам с детства, обретшими переносное, ценностное, воспитательное значение, но всегда сохраняющими связь в сознании носителей языка с изначальными референтами данных имён.

Что интересно, части этих имён (фамилии) даже входят в состав фразеологизмов современного китайского языка, которые стали единицами языковых словарей, например: 管鲍 guǎn bào «верные друзья, друзья до гроба» (по именам Гуань Чжуна 管仲 и Бао Шуя 鲍叔牙, образцовых друзей), 管鲍之交 guǎn bào zhī jiāo «дружба Гуаня и Бао» (образно: глубокая дружба, истинная дружба, крепкая дружба), 管鲍分金 guǎn bào fēn jīn «Гуань [Чжун] и Бао [Шуя] делят деньги» (образно о крепкой дружбе и род-

стве душ). В представленных ниже историях как раз подробно рассказывается о непростых взаимоотношениях Гуань Чжуна и Бао Шуя.

Возможно, что обращение к таким особенным именам, персонажам и судьбам поможет нам лучше понять, что такое дружба и как её понимают китайцы.

ГУАНЬ ЧЖУН И БАО ШУЯ

Истории из романа «Хроники государств Восточного Чжоу»

1. Истинная дружба

В первые годы правления династии Чжоу правитель царства Чжоу для того, чтобы укрепить свою власть, выделил земельные владения своим родственникам и знатным людям в разных частях Китая и отправил их туда управлять этими землями, разделив таким образом Китай на множество небольших стран.

В период правления династии Восточной Чжоу могущество правителя княжества Чжоу постепенно ослабевало. Правители-феодалы всех этих маленьких стран использовали вооружённые силы для расширения своих территорий. Они также часто развязывали войны за владычество во всём Китае. И среди этих феодалов первым стать владыкой всего Китая смог правитель княжества Ци.

Государство Ци находилось на берегу Бохайского залива, земли там были плодородные, добывались рыба и соль, это был богатый природными ресурсами и густонаселённый процветающий край.

В то время правителем Ци был князь Ци Хуань-гун. Опираясь на помощь Гуань Чжуна, Бао Шуя и других, он проводил экономическую политику поощрения производства и уменьшения налогового бремени людей. В политике он выдвинул лозунг «признавать единственную верховную власть и изгонять чужеземцев». Поэтому среди всех князей-феодалов он пользовался большим авторитетом, и все почитали его как гегемона (крупнейшего из князей). На самом деле в этом были большие заслуги Гуань Чжуна.

Когда Гуань Чжун был молод, его жизнь была очень тяжёлой, и ему было трудно прокормить даже свою старую мать. Чтобы её содержать, он вёл торговлю на паях с Бао Шуя. Денежный вклад Бао Шуя в их совместное дело был больше, и, по справедливости, Бао Шуя должен был получать доходов больше на один акционерный пай, но в результате эти дополнительные деньги себе забрал Гуань Чжун. Бао Шуя прекрасно знал, что Гуань Чжун взял себе денег больше, чем ему полагалось, но он не только не стал спорить и препираться, но по-прежнему считал его своим хорошим

другом. Подчинённые Бао Шуя в душе были недовольны такой несправедливостью и, считая, что Гуань Чжун ведёт себя не по-товарищески, попросили Бао Шуя вести с ним денежные расчёты по справедливости. Бао Шуя на это сказал: «Да разве нужны Гуань Чжуну эти небольшие деньги? Просто его семья в затруднительном положении и очень нуждается в средствах, я готов дать ему больше».

Гуань Чжун также вместе с Бао Шуя участвовал в боях. Да вот только то, как Гуань Чжун воевал, заставляло людей смеяться до слёз. Во время наступления он всегда прятался за спинами солдат. При отступлении он бежал впереди всех. Люди его презирали и высмеивали за малодушие, за то, что он из-за боязни смерти так берёт себя. Но Бао Шуя, защищая его, говорил: «Гуань Чжун из-за старой матери не может не беречь себя, он должен содержать её. Вы ошибаетесь, считая его трусом».

Гуань Чжун вместе с Бао Шуя вёл дела и много раз дела портил. Но Бао Шуя знал, что даже талантливому человеку трудно избежать ошибок, и не считал Гуань Чжуна никудышным человеком. Поэтому Гуань Чжун часто говорил: «Родили меня отец с матерью, но понимает меня только Бао Шуя!»

Позже Гуань Чжун стал учителем старшего сына князя Ци Сян-гуна княжича Цзю. Он сказал Бао Шуя: «У Ци Сян-гуна всего два сына. В будущем его преемником станет если не Цзю, то Сяобай (будущий князь Ци Хуань-гун). Нам с тобой лучше по каждому направлению стать хозяевами положения. В будущем независимо от того, кто станет князем, мы сможем рекомендовать друг друга на повышение, выдвигать». Бао Шуя признал, что Гуань Чжун всё рассчитал очень предусмотрительно, и стал учителем Сяобая.

Князь Ци Сян-гун был мерзавцем, у него была внебрачная связь со своей младшей сестрой Вэнь Цзян. Её муж луский правитель Хуань-гун узнал об этом. Тогда Ци Сян-гун вероломно убил луского Хуань-гуна. Бао Шуя сказал Сяобаю: «Люди по всей стране ненавидят князя за его распущенность. Ты должен с ним поговорить». Сяобай сказал Ци Сян-гуну: «О смерти луского Хуань-гуна ходит много разных слухов. Чтобы избежать подозрений, тебе лучше поменьше общаться с Вэнь Цзян». Ци Сян-гун разозлился и сказал: «Что ты понимаешь, быстрее закрой свой рот!». Он поднял ногу и сильно ударил ей Сяобая. Сяобай поспешил уйти. Бао Шуя сказал Сяобаю: «Рано или поздно такое поведение государя приведёт к большой беде. Нам следует укрыться в другой стране, чтобы избежать проблем. А потом по ситуации решим, как быть дальше».

Сяобай согласился уехать в другую страну, но не мог решить куда поехать лучше всего. Бао Шуя сказал: «Большие страны непредсказуемы. Я считаю, что лучше поехать в княжество Цзюй. Во-первых, Цзюй – это родина Вашей бабушки по матери. Во-вторых, Цзюй – маленькая страна, и она точно не оставит нас без внимания. К тому же Цзюй и Ци находятся

близко друг от друга. При срочной необходимости вернуться в Ци будет удобно». Таким образом, Сяобай и Бао Шуя бежали в княжество Цзюй.

Вскоре Ци Сян-гун действительно был убит, и княжество Ци погрузилось в хаос. Гуань Чжун, спасая княжича Цзю, бежал с ним в княжество Лу. После более чем месяца конфликтов ситуация в княжестве Ци постепенно стабилизировалась. Министры отправили своих людей в княжество Лу, чтобы они встретились с княжичем Цзю и попросили его вернуться на родину в качестве князя.

Князь Лу Чжуан-гун выделил солдат для сопровождения княжича Цзю на родину. Гуань Чжун сказал Лу Чжуан-гуну: «Княжество Лу находится далеко от княжества Ци, а княжество Цзюй находится рядом с Ци. Если Сяобай обо всём узнает, то поспежит первым вернуться в Ци, и тогда у нас будут проблемы. Прошу выделить мне отряд кавалеристов. Я поеду и задержу Сяобая». Лу Чжуан-гун согласился.

Сяобай, находясь в княжестве Цзюй, узнал о хаосе и безвластии в Ци. И он действительно позаимствовал у княжества Цзюй несколько боевых колесниц и поспешил на родину в княжество Ци.

Гуань Чжун вёл свой отряд кавалеристов без остановки даже ночью и, добравшись до местечка Цзимо, выяснил, что Сяобай уже здесь проехал. Это очень встревожило Гуань Чжуна, и он изо всех сил бросился в погоню. Промчавшись более тридцати ли, он увидел, что солдаты княжества Цзюй остановились, чтобы приготовить еду, а Сяобай сидит в колеснице. Гуань Чжун приблизился, поклонился и спросил: «Куда княжич держит путь?» Сяобай ответил: «Я возвращаюсь на родину, чтобы позаботиться о похоронах отца». Гуань Чжун сказал: «Твой старший брат позаботится о похоронах. Тебе не следует возвращаться в Ци».

Бао Шуя, стоявший рядом, поспешил ответить: «Гуань Чжун, хотя мы с тобой близкие друзья, каждый из нас должен стараться ради своего государя. Быстрее уезжай и ни слова больше». Гуань Чжун взглянул на солдат княжества Цзюй, которые пристально на него смотрели и закатали рукава, как будто собирались пустить в ход кулаки. Он подумал, что если вступить в схватку с теми несколькими бойцами, которые были с ним, то легко не отделаться, и он сделал вид, что согласен, и удалился. Он отступил на двести или триста шагов, внезапно повернулся, поднял лук и стрелу, прицелился в Сяобая, послышался свистящий звук – это Гуань Чжун выпустил стрелу.

Было видно, как Сяобай вскрикнул «ай», кровь пошла у него ртом, и он упал в колеснице. Бао Шуя бросился на помощь. Когда сопровождающие Сяобая увидели, что Сяобай серьёзно ранен, все они закричали: «Беда!» – и заплакали. Гуань Чжун, попав стрелой в Сяобая, вместе со своим отрядом стремительно помчался обратно, чтобы доложить об этом правителю княжества Лу и княжичу Цзю. Только теперь Цзю успокоился и спокойно поехал в Ци.

Кто бы мог подумать, но стрела Гуань Чжуна попала только в крючок кушака Сяобая. Сяобай знал, что Гуань Чжун мастер стрельбы из лука и, боясь, что он снова выстрелит, быстро нашёлся, сильно прикусил кончик языка, брызнул кровью, и притворился мёртвым так, что даже Бао Шуя поверил. После того, как Гуань Чжун уехал, Бао Шуя передел и загримировал Сяобая до неузнаваемости, усадил его в колесницу с защитой со всех четырёх сторон, и они помчались кратчайшей дорогой в столицу княжества Ци Линьцзы. Когда они приблизились к Линьцзы, Бао Шуя сначала в одиночку вошел в город и отправился убеждать министров Ци поддержать вокняжение Сяобая.

Он сказал: «Княжество Ци сейчас в таком хаосе, что если не будет мудрого и способного правителя для руководства, то это положение быстро не исправить. Если говорить о способностях, то Сяобай намного лучше Цзю. Вы послали людей за княжичем Цзю, но Сяобай прибыл на родину раньше. Очевидно, что это веление Неба, чтобы Сяобай стал князем Ци. Тем более, княжество Лу послало войска для сопровождения княжича Цзю в Ци, и разве они согласятся вернуться домой с пустыми руками, они наверняка запросят огромное вознаграждение. Посильно ли будет нашему княжеству вынести вымогательства со стороны князя Лу?». Сановники княжества Ци Си Пэн, Дунго Я и другие сочли, что Бао Шуя прав, и приветствовали въезд Сяобая в столицу и его вокняжение в Ци. Так Сяобай стал циским Хуань-гуном или князем Ци Хуань-гуном.

Как только закончилась коронация Ци Хуань-гуна, прибыла армия княжества Лу, сопровождающая княжича Цзю. Стороны договориться не смогли, и оставалось одно – сражаться. В результате Ци разгромило Лу. Князь Лу Чжуан-гун был вынужден просить мира. Князь Ци Хуань-гун отправил Си Пэна в княжество Лу и принуждал князя Лу Чжуан-гуна убить княжича Цзю, а Гуань Чжуна доставить в княжество Ци. Ши Бо, министр княжества Лу, сказал князю Лу Чжуан-гуну: «Я вижу, что Гуань Чжун не похож на такого заключённого, которого будут наказывать. Наверняка в Ци есть некто, кто спасёт его. Гуань Чжун – человек больших способностей, и он определенно займёт ответственный пост в Ци, когда вернётся, что неблагоприятно для нашего княжества Лу. Лучше нам воспользоваться случаем и убить его сейчас».

Когда Си Пэн отправлялся из Ци, он получил от Бао Шуя важное поручение – всячески изыскать способ спасти жизнь Гуань Чжуна. Когда он узнал, что в княжестве Лу собираются убить Гуань Чжуна, он поспешно отправился на аудиенцию к князю Лу Чжуан-гуну и сказал ему: «Гуань Чжун нанёс предательский удар, и чуть не убил нашего князя. Перед отъездом наш князь велел мне доставить Гуань Чжуна живым, чтобы он смог самолично нанести ему несколько ударов ножом, дабы отомстить ему». Князь Лу Чжуан-гун противиться не посмел, и голова княжича Цзю в

большом мешке вместе с арестантской повозкой, в которой сидел Гуань Чжун, были переданы Си Пэну для возвращения в княжество Ци.

Сидя в арестантской повозке Гуань Чжун понял, что это Бао Шуя спасает его, и у него словно камень с души свалился. Но он боялся, что князь Лу Чжуан-гун может передумать. Поэтому он сочинил песню об огромной сказочной птице Хуанху и научил кучера петь её, чтобы им ехалось быстрее. Слова этой песни таковы:

Птица Хуанху, о, птица Хуанху,
Ты с раненым крылом, со связанными ногами;
Не летишь и не кричишь, в клетке сидишь,
Вытянув шею, рыдаешь.

Птица Хуанху, о, птица Хуанху,
Крылья твои способны парить,
ноги твои привыкли к погоне;
Настанет день,
Ты сети порвёшь и клеть разобьёшь,
Мощь будет твоя безгранична!

Кучер ехал и пел, забыв об усталости. Так незаметно он проехал двухдневный путь за один день, и вскоре они покинули пределы княжества Лу. К тому времени, когда князь Лу Чжуан-гун пожалел, что отпустил Гуань Чжуна, и послал отряд на быстрых скакунах, чтобы вернуть его, Гуань Чжун был уже очень далеко.

2. Назначение Гуань Чжуна премьер-министром

Гуань Чжун вернулся в княжество Ци. Бао Шуя пошёл к князю Ци Хуань-гуну и сказал: «Поздравляю вас, князь, с обретением мудрого и талантливого премьер-министра». Ци Хуань-гун спросил его, что он имеет в виду, и Бао Шуя ответил: «Гуань Чжун вернулся, а это значит, что вы, князь, обрели энергичного и способного помощника, теперь у нас есть добродетельный и талантливый премьер-министр, как же я смею не поздравить вас с этим?» Ци Хуань-гун сказал: «Стрела, которую Гуань Чжун выпустил в меня, всё ещё хранится у меня, и даже если мне дадут откусить несколько кусочков его плоти, я и то не смогу забыть о своей обиде и ненависти к нему. Где уж тут говорить о назначении его премьер-министром!»

Бао Шуя сказал: «Князь, вы подумайте, разве подданный и слуга не должен быть верным до конца своему государю? Когда Гуань Чжун стрелял в вас из лука, он думал только о княжиче Цзю, какое ему было дело до вас? Но сейчас, когда княжич Цзю уже мёртв, если вы назначите Гуань

Чжуна на ответственный пост, то благодаря его таланту вы завладеете всей Поднебесной. А то, что в крючок вашего кушака попала стрела, то это такое ничтожное происшествие, что оно вообще ничего не значит». Ци Хуань-гуну эти слова Бао Шуя показались разумными, и он, кивнув головой, простил Гуань Чжуну это преступление.

Чтобы отблагодарить Бао Шуя за его заслуги Ци Хуань-гун решил пожаловать ему должность шанцина (старшего канцлера) и попросил его управлять делами государственной важности. Услышав это, Бао Шуя покачал головой и сказал: «Я не справлюсь с этой работой. Я наколотые дрова, которые не могут служить прогоном и балкой. Чтобы управлять государством, внутри страны надо сделать так, чтобы простой народ наслаждался мирным трудом и спокойствием, а во внешней сфере надо сделать так, чтобы у всех стран с нами были мирные отношения. В то же время ещё необходимо платить дань правителю царства Чжоу и быть полезными каждому князю, чтобы сделать нашу страну такой же непоколебимой, как гора Тайшань. Как я могу нести такую тяжёлую ответственность?» Ци Хуань-гун спросил: «Тогда кто может это сделать?»

Бао Шуя сказал: «Если вы не хотите найти такой талант, то на этом и кончим. Если вы действительно хотите найти такой талант, то нет более подходящего человека, чем Гуань Чжун. Если сравнивать мои способности со способностями Гуань Чжуна, то Гуань Чжун – это рука (от плеча до запястья), а я всего лишь мизинец.» Ци Хуань-гун был тронут словами Бао Шуя и сказал: «Давай для начала пригласим Гуань Чжуна сюда ко мне, чтобы я самолично испытал его и увидел, насколько он всё-таки талантлив».

Бао Шуя сказал: «Если вы хотите использовать Гуань Чжуна в качестве премьер-министра, то необходимо, чтобы вы относились к нему так же уважительно, как к отцу и старшему брату. Премьер-министр является заместителем князя, поэтому презирать или принижать значимость премьер-министра разве не то же самое, что презирать или принижать значимость князя? Поэтому вам следует выбрать благоприятный день и по всем правилам торжественного церемониала поехать к Гуань Чжуну и попросить его занять должность. Тогда народы всех стран узнают, что вы способны забыть личные обиды и уважать одарённых людей, и тогда разве найдётся кто-либо, кто не захочет прийти в Ци, чтобы служить вам?»

Князь Ци Хуань-гун согласился с мнением Бао Шуя и лично отправился на встречу с Гуань Чжуном. То, что сам князь лично отправился к будущему премьер-министру, было большим событием, и на улицах столпилось много людей. Все очень удивились, что Ци Хуань-гун приглашает на должность премьер-министра Гуань Чжуна, который пытался его убить. С тех пор Ци Хуань-гун прославился как князь, который относится с уважением к мудрецам и милостиво – к просто образованным людям.

Князь Ци Хуань-гун сказал Гуань Чжуну: «Наше княжество Ци является великой державой, но с тех пор, когда во время правления князя Ци Сян-гуна произошли беспорядки, настроения масс до сих пор не стабилизировались, и все считают нас слабой страной. Как же сделать её процветающей и сильной?» Гуань Чжун, который действительно обладал большими талантами, понял, что у него появился шанс в полной мере проявить свои способности, и он уверенно сказал: «Если вы хотите, чтобы страна была процветающей и сильной, надо только любить простой народ и старательно работать, а это не такая уж тяжёлая задача.

Во-первых, надо снизить налоги, чтобы люди могли жить лучше, а затем дать им образование, чтобы они знали, как следовать законам страны и соблюдать дисциплину; во-вторых, у нас много медной руды, которую можно добывать и чеканить деньги, ещё можно из морской воды варить соль, чтобы увеличить доходы государства; в-третьих, надо проводить военную подготовку простых людей по всей стране, в обычное время пусть они трудятся и живут дома, а в периоды, свободные от сельскохозяйственных работ, проводить с ними военные учения. Кроме этого, необходимо создать отборные войска. Если воины в них будут в совершенстве владеть военным искусством, то достаточно 30 000 солдат для достижения господства во всей Поднебесной».

Ци Хуань-гун вёл беседы с Гуань Чжуном три дня и три ночи. Гуань Чжун высказал свои предложения, как можно обогатить страну и усилить армию для господства в Поднебесной. Ци Хуань-гун был очень доволен и предложил Гуань Чжуну занять пост премьер-министра. Но Гуань Чжун, вопреки ожиданиям, отказался. Он сказал: «Из одного бревна нельзя построить дом. Если вы хотите добиться господства в Поднебесной, вы должны использовать «Пять героев».

Ци Хуань-гун поспешно спросил: «Кто такие «Пять героев»?» Гуань Чжун сказал: «Во внешних сношениях я не могу сравниться с Си Пэном; в сфере мобилизации простых людей на подъём неводеланных земель и в развитии производства мне далеко до Нин Юэ; в обучении солдат и поднятии у них боевого духа, чтобы они не боялись смерти, я не так хорош как Ванцзы Чэнфу; в сфере разрешения споров простых людей, чтобы не убить невинного человека и несправедливо не обвинить хорошего человека, я не могу сравниться с Бинь Сюйу; в том, чтобы не бояться критиковать сильных мира сего и даже князю посметь указать на его ошибки, мне не сравниться с Дунго Я. Если Вы сможете использовать этих пятерых человек, то вы сможете сделать страну богатой и укрепить армию». Ци Хуань-гун полностью согласился с Гуань Чжуном и попросил его стать сяngo (премьер-министром), а также назначил Си Пэна и остальных названных Гуань Чжуном ответственными за работу по соответствующим направлениям.

Когда князь Лу Чжуан-гун услышал, что Ци Хуань-гун действительно назначил Гуань Чжуна премьер-министром, он невольно нахмурил бро-

ви и пожалел о том, что не послушал Ши Бо и был одурачен княжеством Ци. Он начал активные военные приготовления, чтобы смыть свой позор. Когда князь Ци Хуань-гун узнал, что княжество Лу наращивает вооружение и готовится к войне, чтобы отомстить Ци, он решил получить преимущество, захватив инициативу, и немедленно первым напал на княжество Лу. Он обсуждал это с Гуань Чжуном. Гуань Чжун считал, что Ци недостаточно подготовлено и победу гарантировать нельзя, поэтому он не одобрил решение нападать на Лу. Но князь Ци Хуань-гун очень хотел показать своё величие, проигнорировал мнение Гуань Чжуна и, назначив Бао Шуя главнокомандующим, приказал армии напасть на княжество Лу.

Бао Шуя считал Лу маленьким государством, которое к тому же не так давно было побеждено государством Ци. Бао Шуя недооценивал противника, и как только армии княжеств Ци и Лу встретились, он сразу же отдал приказ атаковать. Противником Бао Шуя был генерал княжества Лу Цао Гуй, который был очень способным и талантливым военачальником. Когда князь Лу Чжуан-гун услышал, что армия Ци атакует, он хотел отдать приказ дать встречный бой. Но Цао Гуй остановил его и сказал: «Наступление армии Ци только что началось, и они полны энергии, их пыл на максимуме. Мы должны удерживать свои рубежи, но не сражаться с ними».

Первое наступление армии княжества Ци не увенчалось успехом, и Бао Шуя тут же начал вторую атаку, но войска Лу по-прежнему не двигались, и солдаты Ци снова длительное время впустую проявляли свою активность. Бао Шуя, увидев, что солдаты княжества Лу дважды не вступили в сражение, решил, что они трусят, и подумал, что если ещё раз их атаковать, то они непременно потерпят крах. Он не обратил внимания на то, что солдаты княжества Ци уже измотаны, и немедленно отдал приказ о третьей атаке.

Сидя высоко в боевой колеснице, он представлял, как солдаты Лу бросают оружие и бегут с поля боя, а также прикидывал в уме, кого лучше послать к князю Ци Хуань-гуну донести о победе. Внезапно раздался оглушительный барабанный бой, и армия Лу хлынула потоком, подобно наводнению. В мгновение ока армия княжества Ци была разбита в пух и прах. В это время Бао Шуя уже не заботился о солдатах, он поспешно бежал, спасая свою жизнь.

Когда князь Лу Чжуан-гун увидел, что солдаты Ци потерпели поражение и обратились в бегство, он приказал преследовать их, но Цао Гуй снова остановил его, сказав, что ему необходимо сначала осмотреть поле боя. Цао Гуй слез с колесницы, подошёл к позиции солдат Ци и изучил следы солдат и следы колесниц. Затем он снова встал на колесницу и, прижав руку козырьком ко лбу, посмотрел вперёд. И только после этого приказал начать погоню. Армия Лу без передышки преследовала солдат армии Ци и заполучила много оружия, колесниц и лошадей, брошенных солдатами Ци.

Князь Лу Чжуан-гун выиграл битву и радостно спросил Цао Гую: «Армия Ци атаковала два раза, почему же вы не позволяли нашей армии контратаковать?» Цао Гуй ответил: «Битва полностью зависит от боевого морального духа. Если боевой дух высок, то в сражении будет одержана победа; если же боевой дух на низком уровне и есть деморализация, то сражение будет проиграно. Первая атака армии Ци была на пике их энергии и духа, во второй раз у них уже было ослабление их духа, а в третий раз они были как кошка, увидевшая собаку: хотя она изогнула тело и задрала хвост, показывая всем своим видом силу, но на самом деле не хотела драться. Поэтому мы одержали победу, как только контратаковали».

Лу Чжуан-гун кивнул, но всё ещё не понимал, почему нельзя было сразу начать преследование солдат Ци. Цао Гуй сказал: «Бегство солдат Ци могло быть ложным, и вполне вероятно впереди нас могла ждать засада, и нас хотели заманить в ловушку. Я осмотрел позицию армии Ци и увидел, что следы их колесниц и солдат были в сплошном беспорядке; а стоя на колеснице я увидел, что их солдаты похожи на испуганных пчёл, которые в спешке вылетели из своего гнезда, и поэтому только убедившись, что армия Ци действительно потерпела поражение, я осмелился преследовать её».

В прошлый раз армия княжества Лу, сопровождая княжича Цзю, потерпела поражение. Но на этот раз под командованием Цао Гую она одержала победу и вернула себе доброе имя.

Князь Ци Хуань-гун не послушался совета Гуань Чжуна, напал на княжество Лу и потерпел крупное поражение. Теперь он восхищался дальновидностью Гуань Чжуна, поэтому стал ещё больше доверять ему и поручил ему заниматься всеми политическими делами. Когда кто-либо заговаривал с Ци Хуань-гуном о делах государственной важности, он всегда говорил, почему бы не обсудить это с отцом Чжуном.

Был тогда такой человек по имени Шу Дяо. Чтобы добиться благосклонности князя Ци Хуань-гуна, он кастрировал себя, стал старшим дворцовым евнухом и получил право свободно входить и выходить из княжеского дворца. Поэтому Ци Хуань-гун приблизил его к себе.

Был ещё один человек при дворе по имени И Я, который был опытным кулинаром и работал у Ци Хуань-гуна поваром. Ци Хуань-гуну надоели изысканные яства, роскошные блюда и деликатесы. Однажды во время трапезы он не смог опустить палочки для еды в какое-либо блюдо, так как не мог уже выбрать блюдо, которое ему хотелось бы поесть, и он в шутку сказал И Я: «Я знаю вкус птиц, зверей, насекомых и рыб, и только вкус человеческой плоти мне не ведом». В тот же день И Я подал ему тарелку с паровым мясом, которое было нежнее и вкуснее мяса молочного барашка. Ци Хуань-гун моментально съел это мясо и облизываясь спросил И Я: «Что это за мясо? Оно вкусное».

И Я невозмутимо ответил: «Человеческая плоть». Ци Хуань-гун был ошеломлён и спросил его, где он её взял. И Я сказал: «Это мой трехлетний старший сын! Поскольку вы, князь, сказали, что никогда не пробовали человеческую плоть, я убил его, чтобы дать вам попробовать». С тех пор Ци Хуань-гун стал считать его верным слугой и благоволил к нему так же, как к Шу Дяо. Так Шу Дяо и И Я стали теньями князя Ци Хуань-гуна и ежедневно находились в его свите.

Шу Дяо и И Я завидовали Гуань Чжуну, поэтому они сказали князю Ци Хуань-гуну: «Известно, что только лишь князь имеет право отдавать приказы и распоряжения. Теперь же всё в нашем княжестве Ци контролируется Гуань Чжуном, как будто вас, князь, и нет на свете». Ци Хуань-гун улыбнулся и сказал: «Я и Гуань Чжун всё равно что туловище и руки. Только с помощью рук тело может стать телом, и только с помощью Гуань Чжуна я смог по-настоящему стать князем. Что вы понимаете!» Услышав это Шу Дяо и И Я пришлось временно отказаться от своих дурных намерений.

Гуань Чжун управлял княжеством Ци несколько лет, и политика и экономика страны были в полном порядке. Княжество Ци постепенно становилось процветающим и могущественным государством.

Перевод с китайского Николая Воропаева

АНГЛИЙСКАЯ ВИКТОРИАНСКАЯ ПРОЗА

ИЗАБЕЛЛА (КРЕЙГ) НОКС (1831 – 1903)

Изабелла Нокс, в девичестве Иза Крейг¹ – поэт, журналист, редактор и новеллист – родилась в Шотландии в Эдинбурге. Каждую свободную минуту она посвящала чтению, что помогло Изе развить свой литературный вкус. Среди писателей, которые оказали влияние на творчество будущей писательницы, были Шекспир, Мильтон, Аддисон, Бёрнс.

Ещё в раннем возрасте Иза начала публиковать свои стихотворения в различных периодических изданиях. Поэтические произведения, увидевшие свет в журнале «Шотландец», подписанные именем Иза, привлекли внимание читателей, и девушка получила возможность работать в этом издании. Иза Крейг писала литературные обзоры и статьи на социальные темы, которыми живо интересовалась.

¹ См. подробнее об авторе в журнале «Переводчик» № 17, 2017, СС. 125–126. (Прим. пер.).

Иза Крейг приняла участие в поэтическом конкурсе, посвящённом 100-летию со дня рождения Роберта Бёрнса. Она написала оду и заняла первое место среди 620 других участников.

В 1856 году вышел в свет её первый поэтический сборник, который был принят читающей публикой очень благосклонно. Изабелла Крейг была активной участницей женского клуба, поддерживала феминистское движение в борьбе за права женщин, в частности, за право замужних женщин на труд.

Незадолго до вступления в брак Иза Крейг начала работать в журналах, основанных Александром Стрэхэном – «Гуд Вордз» и «Санди Мэгэзин» и в течение некоторого времени была редактором ежемесячного журнала «Аргоси», в котором публиковались эссе, заметки о путешествиях и стихи. В 1865 году Стрэхэн опубликовал поэтический сборник «Герцогиня Агнес и другие стихи», который укрепил репутацию Изабеллы Крейг.

Подобно другим талантливым поэтам, миссис Нокс обратилась ещё и к прозе и получила признание и на этом поприще. Некоторые из её романов приобрели широкую известность. В них чувствуется мощный творческий потенциал, стиль автора отличается простотой и притягательностью. Повествования Изабеллы Нокс заставляют читателя задуматься о жизненно важных вопросах бытия, в них всегда присутствует некий нравственный урок.

ВРЕМЯ СЕВА И ВРЕМЯ ЖАТВЫ

Глава I

– Мальчишка убежал, мэм, – сказала кухарка сердито, входя в столовую, чтобы получить дальнейшие распоряжения.

– Ты имеешь в виду Боффи? – спросила хозяйка, приподнимая голову от стола. Кухарка неохотно кивнула, как будто опасаясь говорить на эту тему.

– Очень жаль, – сказала миссис Эсслемонт, откладывая перо. – А как долго его нет?

– Похоже, его не было дома всю ночь, мэм, – ответила служанка.

– Тебе нужно было сказать мне об этом раньше – еще до ухода мистера Эсслемонта, – добавила хозяйка.

– Мэм, я подумала, что мальчишка опять взялся за свои штучки, ведь он совсем не похож на христианина, – ответила служанка.

– Он не христианин, Сара, – сказала миссис Эсслемонт. – Разве ты не помнишь, как твой хозяин нашёл его у порога, еле живого от холода, и спросил, какое имя ему дали при крещении, а мальчик ответил, что отец называл его Боффи, а мать – Джеком. Он не христианин, но язычник, попавший к христианам.

– Да, мэм, он язычник. Ему невозможно объяснить, что воровать – нехорошо. Он гордится своим ремеслом, – сказала Сара.

– Ничему хорошему его и не учили, – подтвердила хозяйка. – Его родители были ворами.

– В порядочном доме ему не место, мэм, – заключила Сара, всем своим видом показывая, что она является неотъемлемой частью респектабельности.

– Ах, Сара, на небесах есть вечный нерукотворный дом, в котором, возможно, найдётся место и для него.

– Я бы согласилась, – бросила Сара, решительно желая облегчить душу в отношении этого хулигана – Боффи. Я бы согласилась, если бы он не был таким нахальным гадёнышем, который за спиной постоянно корчил рожи и кувыркался вместо того, чтобы чистить ножи и ботинки.

– Мы знали, что тебе придётся столкнуться с его невежеством и грубостью, – мягко сказала хозяйка. – Но мы просили тебя помочь нам спасти его.

– А что мы можем сделать? – возразила служанка, слегка устыдившись.

– Подождать, пока вернётся домой мистер Эсслемонт, Сара, – ответила хозяйка. – А если мальчик вернётся раньше, пошли его ко мне.

Но мальчишка не вернулся ни тогда, ни после, хотя мистер Эсслемонт наводил справки о нём у соседей по его прежнему дому, если только это можно было назвать домом. В конце концов обнаружился один факт, объясняющий его исчезновение – за неделю до случившегося его родителей выпустили из трёхмесячного заключения. Узнав об этом, мистер Эсслемонт прекратил дальнейшие поиски.

После этого тишина дома не нарушалась в течение многих дней. Из кухни не слышалось никаких перебранок, настолько громких и затяжных, вперемешку с визгом и взрывами хохота, каковые раньше доносились до верхних покоев. На лестнице не было зловещего грохота, предвещавшего неминуемое битьё посуды. Подобные звуки поражали своим буйством тем больше, что они были совершенно несвойственны этому дому, который на самом деле дышал покоем. Во всех комнатах витала чарующая тишина. Она ощущалась в неслышной поступи хозяйки дома и окутывала её, когда та присаживалась отдохнуть. В доме господствовала атмосфера почтения от осознания выполненного долга. Он выглядел так, как будто в нём жили в полном согласии с «законом божьим». Здесь во всём царили молитвенный настрой, чистота и порядок.

Войти в этот дом было своего рода привилегией. Это чувствовали даже слуги, которые оставались в нём, несмотря на всё своё упрямство. Хозяин и хозяйка не стремились избавиться от них поскорее, напротив, проявляли о них заботу, как если бы те были их собственными детьми. Если последние совершали проступки, они старались наставить их на путь

истинный и привить им добродетели. Даже самые беззаботные знали, что они могут надеяться на дружеское расположение, заботу и христианскую любовь.

В доме не всегда было так тихо, хотя при этом неизменно царила атмосфера покоя – та атмосфера, которая ощущается вблизи уединённой лилии. Три раза в год дом оглашался беззаботным топотом ног, весёлыми голосами и счастливым смехом. Это происходило, когда сыновья Эсслемонтов приезжали домой на каникулы. Они возвращались домой – Чарльз, Фрэнк и Артур. Мистер Эсслемонт на всё лето арендовал дом в семи милях от города, чтобы мальчики вместе со своей матерью могли наслаждаться загородной жизнью на природе, а он сам собирался наезжать к ним из города.

Дела мистера Эсслемонта шли в меру успешно. Он занимался торговлей. Не то, чтобы он блестяще преуспевал, но он имел безупречную репутацию и тем заслужил уважение к себе. Он начал свой бизнес с небольшого капитала, женился на девушке тоже без средств, и только особая щепетильность в делах не позволила ему пуститься в авантюры, в результате которых люди либо обогащались, либо же, напротив, вконец разорались.

В последнее время мистер Эсслемонт много думал о будущем своих сыновей. Старшему из них исполнилось шестнадцать, и после каникул он уже не вернётся в школу. Отец планировал начать приобщать его к семейному бизнесу. Чарльз знал, что ему уготовано, и был вполне этим доволен. Отец не стал бы сильно настаивать, если бы он избрал для себя другую стезю, но у Чарльза не было никаких других устремлений. Работа в конторе отца вполне его устраивала, впрочем, как и любая другая. Единственный недостаток, который видел отец в сыне, состоял в том, что он слишком быстро на всё соглашался. Фрэнку угодить было гораздо труднее, даже Артур, которому исполнилось только двенадцать лет, был гораздо более рассудительным и волевым, чем его старший брат. Так повелось с тех пор, когда, глядя из окна детской на тихую площадь, они решили, что, когда вырастут, станут полицейскими, шарманщиками или будут участвовать в балаганных представлениях.

Мальчики были необыкновенно добрыми и счастливыми детьми, благодаря христианской заботе самой любящей из матерей, которая думала не только об их нуждах телесных, но и о духовной пище. Она никогда не упускала случая посеять доброе семя в их юные души.

Чарльз был её любимцем, возможно, оттого что его легко поддающийся влиянию характер, порождал отцовские страхи. Он был очень милым и обаятельным, но эта приятность нрава была внешней. Его улыбки и ласки были всегда наготове, но они следовали слишком быстро после строгих замечаний или выговоров родителей, а наказания вскоре забывались и проступки совершались снова. При этом его прекрасное лицо сияло от удовольствия. Чарльз был очень неприятным. Его легко было об-

радовать, он с готовностью отвечал на любое проявление любящей заботы. Он был настолько простосердечен и открыт, что мистер Эсслемент иногда ловил себя на мысли о том, что он отдаёт ему предпочтение в своём сердце. Фрэнк был гораздо независимее, умнее, амбициознее в своих занятиях, сильнее и честолюбивее в играх. Тогда как маленький Артур – они всё ещё называли его «маленький Артур» – был по своей натуре очень отзывчивым и необыкновенно щедрым юношей. Он очень любил игры, всегда играл честно и отдавал этому делу все свои силы, выкладывался настолько, что это было сложнее любой самой трудной работы.

Подшло время летних каникул, и потянулись счастливые недели в семейном кругу. Разнообразие в их жизнь вносили гости, игры, прогулки, во время которых они узнавали сельские окрестности и местный уклад жизни. Мистер Эсслемент выкраивал один день в неделю, чтобы сопровождать их во время экскурсий. Он с сыновьями ходил пешком, а миссис Эсслемент с кем-нибудь из её гостей ехали в небольшой повозке, запряженной пони, который был при доме.

Стояла прекрасная, совершенно не английская погода – безоблачное небо и ни капли дождя в течение нескольких недель. Однако, это сказывалось на зелёной листве и траве. Фермер, что жил от них по соседству и с которым они успели подружиться, покупая у него яйца, свежесбитое масло и другие продукты, чувствовал это особенно остро.

– У меня три поля по эту сторону реки, – пожаловался он однажды миссис Эсслемент. – Но только одно из них хоть на что-то годится. Я посадил одинаковые семена на все три поля, но результат получился разный. Вы не поверите, но это поле на склоне обрабатывалось также, как и то, что у подножия. Косогор более каменистый, и почва на нём бедная, он выгорел под солнцем за эти шесть недель засухи, как тыльная сторона моей ладони. На другой стороне почва достаточно хорошая, но и от этого поля мало проку из-за сорняков. Я могу уничтожать их снова и снова до тех пор, пока не подойдёт время сева, но всё бесполезно. Чертополох переходит сюда с участка другого землевладельца – и в следующем году всё повторится снова.

– А у меня три сына, – подумала про себя миссис Эсслемент, когда она в задумчивости возвращалась от фермера. – Они получили одинаковое образование и одинаковое воспитание. Они читают те же самые книги, ходят в одну и ту же школу, получают одинаковые советы и любовь, но все они – разные.

Она взглянула на косогор, согретый лучами солнечного света, пустой с растрескавшейся почвой и разбросанными тут и там пучками зелени, как бы свидетельствовавшие о том, что могло бы здесь вырасти, а потом бросила взгляд на лощину, на ярко зеленеющие листья прекрасного урожая репы.

«Природа сделала меня таким». – «Обстоятельства повлияли на меня». – «Господь обошёлся со мной так», – как будто взывали к вам эти поля. Дух христоролюбивой матери находил прибежище в молитве, но она не могла не думать и о нравственных уроках жизни. Та же мысль ещё более отчётливо пришла ей в голову во время вечернего разговора.

– Завтра я проведу с вами последний выходной, – сказал мистер Эссемонт. – В начале следующей недели нам пора возвращаться в город.

– А я отправлюсь в контору, – сказал Чарльз благодушно.

– А мы снова вернёмся в школу. Ура! – закричал Артур. Но он, скорее, думал о площадке для крикета, чем о классной комнате.

– Потом придёт моя очередь попрощаться со школой, – сказал Фрэнк задумчиво. – Надеюсь, что я не пойду работать в контору.

– Почему ты так думаешь? – мягко спросил отец. Сердце матери странно забилось. Он собирался сделать очень важный выбор в жизни. Плохо это или хорошо, кто знает?

– О, это так скучно, – ответил он. – Мне бы хотелось стать адвокатом или священником, кем-то в этом роде. Большинство моих школьных товарищей хотят получить какую-то профессию, но бизнес меня не интересует.

– Через год, Фрэнк, тебе предстоит сделать выбор, – сказал отец. – Я намерен каждому из моих сыновей дать шанс найти своё будущее призвание. Только если кто-то из вас изберет учёную профессию, ему придётся познать, что такое самоотречение. Я не богатый человек и не могу вывести из бизнеса значительную сумму денег. Растущее дело требует вложения всех моих капиталов. Я не имею возможности отправить тебя в колледж, Фрэнк, с доходом состоятельного джентльмена. Тебе придётся много работать и жить скудно, как пришлось и мне в своё время и, возможно, всю свою жизнь ты будешь много работать, но так и не разбогатеешь.

Фрэнк выглядел понуро, как в воду опущенный.

– Но, – перебил он, – люди зарабатывают большие состояния, работая в суде, становятся судьями, лорд-канцлерами и всё такое, а бедный священник может однажды стать епископом.

– Я сказал, что ты, возможно, будешь беден не для того, чтобы напугать тебя, Фрэнк. Ты можешь быть довольно бедным и в то же время очень счастливым человеком. Но в реальной жизни не так много судей, и только один из многих становится лордом-канцлером, а без денег, влияния, связей, у тебя вряд ли появится шанс выбиться в люди.

– В таком случае – это постыдно! Если человек умён, у него должен быть шанс пробиться в жизни.

– Но люди, которые добиваются успеха, умны, и они также обладают всем остальным. К тому же, Фрэнк, лучшие из них избирают такой путь вовсе не из-за награды, а ради служения своему делу. Они могут получить награды и даже радоваться им, но это – вторично по отношению к избранному ими поприщу и любви к нему.

– Но, папа, ты же не можешь вести свои конторские книги из любви к этому занятию? – спросил Фрэнк.

– А почему бы и нет? – возразил его отец. – Думаю, что я могу доказать тебе, что бухгалтерские книги помогают наводить порядок в нашем цивилизованном мире, так как в них хранятся записи о приходах и расходах, записи, в которых не должно быть никакой фальши или мошенничества. Я хочу поведать вам о своей мечте – это касается будущего моих сыновей. Все вы друг за другом придёте в мою контору, постепенно войдёте в бизнес, создадите товарищество. Ваш отец отойдёт от дел и уйдёт на покой. Вам будет гораздо легче начинать, ведь вы, все трое, начнёте там, где ваш отец остановился. Вы будете работать рука об руку, вы не будете доверять важные вопросы чужакам. Совместными усилиями вы ещё в молодости станете состоятельными людьми. У вас с избытком будет время для отдыха так как вы сможете подменять друг друга. Только один из вас всегда должен быть на месте. В свободное время вы сможете заниматься образованием, путешествовать, работать на пользу обществу и направлять приобретённые знания и опыт на увеличение своего богатства. И с помощью этого и вашего влияния в обществе вы будете служить во славу божию и приумножать её. Вот как я вижу будущее братьев Эсслемонт.

В глазах миссис Эсслемонт стояли слёзы, когда она смотрела на своих сыновей, слушавших отца. Чарльз смотрел на отца через плечо и согласно улыбался. Фрэнк отвернулся, ни говоря ни слова и никак не проявлял свои эмоции. Артур с неподдельным энтузиазмом взглянул отцу в лицо и воскликнул: – Я пойду работать в твою контору, папа. Как бы я хотел быть таким же взрослым, как Чарли.

Прошли годы, и мечта отца, казалось, сбылась. Братья один за другим вошли в семейный бизнес. Фрэнк отказался от своих амбиций стать учёным человеком и, что довольно странно, оказался гораздо преданнее бизнесу отца, чем его братья – Чарльз или Артур. По правде говоря, последний был двумя годами моложе, и поэтому ничего удивительного не было в том, что он больше любил отдых – свежий воздух, солнечные дни и физические упражнения.

Чарльзу исполнился двадцать один год, и все его знакомые и даже друзья отца считали его примерным молодым человеком. И всё же отцу в нём чего-то не доставало, даже в обычных, повседневных делах.

У него было одно неподходящее качество – вводить людей в финансовые затруднения, что не было экстравагантностью или пороком, но бесконтрольным расточительством. Каким бы ни было жалованье Чарльза, он умудрялся израсходовать его ещё по истечении трёх месяцев. И он занимал деньги у Фрэнка или Артура, чаще у первого. Что касается Артура, то он либо с огромным энтузиазмом копил деньги на что-то, либо с меньшим энтузиазмом их тратил.

Как раз в это время мистер Эсслемонт почувствовал себя неважно и решил посоветоваться с доктором. Доктор прописал ему отдых, перемену места и порекомендовал провести зиму за границей.

Насколько это было возможно? Супруги решили обсудить этот вопрос. Они были уже достаточно состоятельны, и Чарльз мог стать полноправным партнёром в бизнесе.

– Тебе нужно ехать, любовь моя, – сказала миссис Эсслемонт. – А я буду сопровождать тебя. Сара возьмёт на себя все заботы по дому и о мальчиках, а мистер Коул будет вести дела в конторе.

Мистер Коул был старым и преданным конторским служащим, которому можно было доверять в полной мере.

– И потом, есть Чарли, – с гордостью продолжала миссис Эсслемонт.

Чарли ещё не потерял своё обаяние и приятные манеры. С матерью он был особенно обходителен. Он нежно ворковал с нею, всегда был готов её сопровождать или напротив – остаться дома и побыть с нею. Она, в отличие от других, никогда не замечала, что он ни в чём не отказывал себе, чтобы угодить ей, и эта услужливость ему ровным счётом ничего не стоила.

Артур, бывало, сэкономил деньги несколько месяцев, чтобы сделать ей рождественский подарок, что-нибудь действительно необычное и ценное – не важно, что его подарки были непрактичны, а иногда даже доставляли немало хлопот. У миссис Эсслемонт хранился целый ящик бесполезных для носки вещей, которые она берегла только ради него.

– Хотелось бы, чтобы сыновья были немного постарше прежде, чем это случится, – со вздохом сказал мистер Эсслемонт.

– Чарли присмотрит за ними, – ответила мать, думая о своих младших. Первенец был в её глазах уже мужчиной – мужчиной, которому она доверяла и на которого она могла положиться.

– Я доверяю Фрэнку больше, чем Чарльзу, – сказал мистер Эсслемонт. В его словах прозвучала неуверенность, во взгляде читалась боль, которую он хотел скрыть.

– У тебя странное недоверие к Чарльзу, – сказала болезненно уязвлённая миссис Эсслемонт.

– Ты помнишь, какие надежды мы возлагали на Чарльза год назад и как мы радовались в день его рождения? – спросил мистер Эсслемонт.

– О, да, – ответила миссис Эсслемонт со слезами на глазах. – Это было счастливое время. Мы думали, что наш мальчик выбрал себе хорошую партию.

– И тем не менее, наши надежды неожиданно рухнули. Его благородство души растаяло, как утреннее облачко или ранняя роса, – печально сказал отец.

– Нам так показалось, – с мольбой проговорила мать. – Но иногда, хотя розовое облачко и превращается в серый рассвет, после этого может

наступить прекрасный день. Очевидно, что первая вспышка неземной любви прошла, но она поразила нашего мальчика в самое сердце, и однажды он её ещё узнает. О, мой муж, давай в это верить!

– Я бы хотел в это верить, – ответил он потерянно.

– Ты болен и чувствуешь упадок духа, – сказала она, стараясь утешить мужа. Мы надолго уедем вместе на отдых. Не могли бы мы брать с собой мальчиков по одному, хотя бы на какое-то время? – добавила она, просясь.

– Это легко устроить, – ответил он.

– И мы можем писать письма! – воскликнула она с юношеским пылом в голосе и её прекрасных глазах.

– Мы можем взять с собой Артура, – сказал мистер Эсслемонт. – В нём меньше всего нужды в конторе.

Итак, было решено, что они возьмут с собой Артура и поедут в Ниццу. Через месяц его отправят домой, и на смену приедет Фрэнк, а после к ним присоединится Чарльз и будет сопровождать своих родителей в Англию.

Увы планам на земное счастье! Мистер и миссис Эсслемонт вместе с Артуром уехали в Ниццу. Но первый месяц их пребывания там оказался и последним. И тому, ради кого было затеяно это путешествие, не суждено было вернуться домой. Его похоронили в тихом, спокойном месте, где многие из таких же, как он, приезжающих сюда год за годом в поисках подкрепления здоровья, находят смерть.

– Я отдохну на небесах, Агнес, – сказал он своей жене, когда приближение конца стало неотвратимо.

– О, моя любовь, моя любовь! Если бы ты не работал так много, ты не покидал бы нас так рано, – ответила она, ослеплённая душевной болью.

– Я отработал своё и теперь отдохну на небесах, – повторил он. И затем такая же душевная боль охватила и мистера Эсслемонта. Момент успокоения минул, и в смятении он воскликнул: – Помоги, моя дорогая! Помоги мне перенести эту боль прощания!

И она помогла ему. Ни один стон предстоящего одиночества не сорвался с её губ, когда она склонилась у его изголовья. Это были только слова веры и надежды на будущую встречу на небесах.

Её дом не стал прибежищем для безысходности. Рядом с ней были три прекрасных сына, полных надежд и оптимизма молодости. Артур, младший из них, бывший ещё ребёнком несколько лет назад, почти занял место отца в их печальном путешествии домой. Слёзы наворачивались на глаза незнакомцев, когда они видели нежную привязанность мальчика к своей овдовевшей матери. А Фрэнк и Чарльз поспешили встретить их в Дувре и окружили её своей любовью.

Так в самое тяжёлое для неё время сыновья помогли облегчить её бремя, которое она несла не сгибаясь. Вскоре она уже могла улыбаться

мальчикам, которые быстро забыли, как это свойственно молодости, о своей потере. Она понимала, что им нужна радость юности и она улыбалась им. Но, царившую во всем доме тишину нередко нарушали вздохи его хозяйки.

Миссис Эсслемент отдавала себя более, чем когда бы то ни было до этого, служению другим, не на показ, но таким образом, который был присущ только ей. Она не теряла из виду никого, с кем её сталкивала жизнь. Молодые девушки, служанки, которые работали у неё в течение года-другого выходили замуж и приносили ей своих детей, а вместе с ними и немало хлопот, и получали от неё и участие, и добрый совет. Если они пребывали в болезни или печали, она отправлялась к ним, чтобы утешить и оказать им поддержку. Просто поразительно, сколько всего она успела сделать в течение последних двадцати лет! Сколько одежек для маленьких детей она сшила собственными руками для бедных, замученных тяжёлым трудом и болезнями матерей, ожидавших новое пополнение, которое готовилось прийти в эту жизнь! Сколько сердечности – физической и духовной, – сколько силы придавала она тем, кто угасал на её глазах! Её время и сила, её любовь и жизнь, её безыскусные подарки – приносили им благо.

Не то, чтобы у неё не было других обязанностей в своём привычном кругу. Были друзья и знакомые, чьи радости и печали она делила. И, сверх всего, были друзья её сыновей, часто незнакомые молодые люди, чувствовавшие одиночество в большом городе, чьи матери благословляли её, когда читали письма о тёплом и желанном приёме, который им оказывали в этом христианском доме. В доме, где их привлекали отблески настоящей доброты в отличие от фальшивых удовольствий, подстерегавших их на каждом шагу.

Чарльз оказался большим мастером заводить друзей. У него было много школьных товарищей, правда, эти отношения не отличались постоянством. Он быстро заводил знакомства и слишком скоро превращал их в доверительные отношения. Ещё отец заметил, как быстро он поддавался под влияние своих друзей.

В пору надежд, на которые мистер Эсслемент так печально намекал накануне их отъезда, другом Чарльза был молодой человек, который вызывал искреннее сострадание и который незадолго до болезни мистера Эсслемента уехал в Индию. На его месте появился другой, который вызывал у него недоверие и был ему сильно не по душе.

Миссис Эсслемент надеялась, что из уважения к своему отцу Чарльз перестанет дружить с Джорджем Синклёром. Ей казалось, что желание добросердечного и нежного родителя сыграет гораздо бóльшую роль, когда он будет в отъезде и не будет оказывать давление на сына. Но с Чарльзом Эсслементом этого не случилось. Во время отсутствия отца он был практически неразлучен с Джорджем Синклёром, и влияние последнего на него было невероятным. Когда миссис Эсслемент вернулась, она обнару-

жила, что Фрэнк проводил почти все вечера один и даже не знал, когда его брат возвращался домой.

Сильно опечалившись и в то же время не в силах порицать своего любимца, она только увещевала его.

Мистер Синклёр проявлял особую привязанность к нему, и Чарльз не мог не отплатить ему добром. Мать настолько была полна сострадания, что полностью встала на сторону сына, что было вполне простительно. Итак, вечер за вечером она приглашала к себе в дом молодого человека, к которому не чувствовала ровно никакой приязни, а будь подле неё юная дочь – он нравился бы ей ещё меньше.

Общество миссис Эсслемент несколько не привлекало Джорджа Синклёра, и вскоре он перестал у них бывать, предпочитая поджидать Чарльза на углу сквера, откуда они торопливо спешили прочь – туда, где добродетельное лицо матери Чарльза Эсслемент представляло в качестве ангела отщепенца, демонстрируя мужчинам и женщинам, как низко они падали.

В течение какого-то времени ничего не менялось. Вначале слёзные мольбы матери сильно действовали на Чарльза – настолько, что он боялся ещё раз повторить свой проступок. Но всякий раз, когда это вновь повторялось, да ещё и сопровождалось насмешками Джорджа Синклёра, – его это волновало всё меньше и меньше. Чарльза уже не тяготило в течение всего дня чувство вины, что с ним было что-то не так, и он был рад, когда увещевания матери прекратились. Она тоже с невыразимой мукой видела, что его это беспокоило всё меньше. С этого времени она плакала и молилась за своего первенца в уединении.

Увы! Её сердце ожидало ещё бóльшее испытание. Фрэнк достиг возраста совершеннолетия и стал полноправным партнёром в бизнесе с долей в одну треть после вычета дохода миссис Эсслемент и жалованья братьев. В течение какого-то времени Фрэнк очень сердечно относился к Чарльзу. Но он не одобрял нового товарища брата и его окружение. Он знал, что это были расточительные, беспечные молодые люди, частые завсегдатаи театров и музыкальных салонов. Он также знал, что они играли в азартные игры, делали ставки, много курили и выпивали сверх меры.

Как только Фрэнк стал полноправным партнёром в бизнесе, он обрушился на брата с критикой по поводу его ведения дел и личных расходов. Бурное обсуждение, сдерживаемое в конторе, вновь разразилось дома в присутствии матери. Фрэнк напрямую обращался к ней.

– Мама, ты считаешь правильным то, что Чарльз берёт деньги из общего бизнеса, когда ему вздумается?

– Какой смысл беспокоить её делами, в которых она ничего не понимает? – спросил Чарльз, повышая голос. – Я могу делать с моей долей капиталом всё, что захочу.

– Прежде всего, ты должен быть уверен, что это твои собственные деньги, – резко ответил Фрэнк.

– Мои собственные! – с жаром закричал Чарльз. – Конечно, мои собственные. Одна треть от всего бизнеса – моя, и я могу забрать её хоть завтра!

– Ты не имеешь права брать капитал, – сказал Фрэнк.

– Я не трогал капитал, глупец, – закричал Чарльз, сверкая глазами. – Прежде всего, это касается прибыли.

– Откуда нам знать, что будет какая-то прибыль в конце года? Сейчас расходы гораздо больше, чем были прежде, – со спокойной решимостью резюмировал Фрэнк.

– Я не одобряю несколько последних сделок.

– О, ты не одобряешь, – усмехнулся Чарльз.

– Если бы не старик Коул, то за последние год-два бизнесу пришёл бы конец, – парировал Фрэнк.

– Я покажу тебе, что могу обойтись и без старика Коула, – в ярости закричал Чарльз. – Он всегда был на твоей стороне. Завтра же я предупреджу его об увольнении.

– Ты этого не сделаешь.

– Мои дети, мои дети! – вскрикнула миссис Эсслемент, закрывая лицо руками. Она вся дрожала, в то время как её сыновья стояли друг против друга – голоса их звенели, глаза горели гневом и презрением.

– Мои дети, мои дети!

Услышав причитания матери, Фрэнк взял себя в руки и подошёл к ней, где уже стоял Артур. Чарльз остался один, стоя напротив всех троих, не испытывая никакого раскаяния.

Фрэнк спокойным голосом объяснил матери причину их конфликта. Чарльз забрал всё своё годовое жалованье в течение чуть более полугода. Кроме того, с его счёта были списаны определённые кругленькие суммы. Более того, Фрэнк пожаловался на то, что Чарльз отсутствовал в рабочее время в конторе, когда уходил вместе с Джорджем Синклёром. Были и другие дни, когда, как выразился Фрэнк: «Он мог бы и вовсе не приходить, потому что всё, что он делал, – это сидел и зевал, ни во что не вникая».

– Я не собираюсь выслушивать оскорбления, – сказал Чарльз, поворачиваясь на каблуках.

– Остайся, Чарльз, остайся и выслушай меня, – закричала миссис Эсслемент, протягивая к нему руки.

Но Чарльз, оставаясь глухим к её мольбам, вышел из комнаты.

Вот каким выдался этот вечер в некогда счастливом доме Эсслементов! Молчание было хуже слёз и причитаний. Это напоминало вечер, сменивший день в доме, в котором витала смерть. Привычные дела были отложены в сторону, потому что ничего не было важно перед лицом этой «надвигающейся беды, означающей конец всему». Только в узком кругу,

где так и оставался его стул незанятым, нерешительно произносилось привычное имя.

Тем временем Чарльз встретил своего недоброго товарища на углу сквера.

– Как долго ты заставил меня ждать! Не мог оторваться от старухиной юбки побыстрее? – приветствовал его Джордж Синклёр.

Чарльз был оскорблён. Он чувствовал, что вечер был вконец испорчен.

– Синклёр, ты забыл, что я сам себе хозяин и что я никогда не говорю о своей матери в таком тоне? – сказал он раздражённо.

Джордж Синклёр пропустил это мимо ушей, но мастерски подвёл друга к мысли о том, что жаль сердить её – ведь то, что является естественной свободой для молодых, кажется распущенностью для стариков. И потому, лучше всего жить отдельно. Можно снять жильё, ты будешь жить, как считаешь нужным, и это никого не будет ранить. Он обрисовал свою собственную свободную и приятную жизнь в таких ярких красках, что Чарльзу мысль о полной свободе показалась верхом человеческого блаженства. Он знал, что его мать не устроит ничего, кроме того, чтобы он оставил свой нынешний образ жизни. Он видел себя человеком, который постоянно подвергается преследованиям. Она будет сидеть рядом с ним и упрекать его, и даже не словами, но взглядами, вздохами, бледным и изнурённым лицом со следами от слёз за утренним завтраком, вместо её обычной очаровательной свежести.

Закончилось это тем, что Чарльз снял жильё в доме, где жил его друг, Джордж Синклёр. Это был болезненный шаг, потому что к тому не было серьёзных оснований. Конечно, он привёл много причин, но ни одну из них его мать не могла принять. Однако её доводы так же, как и увещевания, были напрасны, и спустя некоторое время она смирилась, чувствуя, что любимый сын нанёс её сердцу незаживающую рану. Эта рана была тем больнее оттого, что она этого ожидала менее всего. Она считала его таким мягким и уступчивым, а наткнулась на непробиваемую скалу.

/Seed-Time and Harvest from "Tales on the Parables". Vol.2. pub. Cassell, Petter & Galpin, London (ca.1872)/

Перевод с английского Ольги Стельмак

ВИЛЬЯМ ХАЙНЕСЕН (1900 – 1991)

Вильям Хайнесен родился в фарерском городе Торсхавн. Его отец был фарерцем, а мать – датчанкой. В возрасте 21 года он выпустил свой

первый сборник стихов, а в 1934 году вышел его первый роман – *Blæsende gry*. Некоторые из его произведений были переведены на русский язык, в том числе романы «Чёрный котёл» (дат. *Den sorte gryde*), «Пропащие музыканты» (дат. *De fortabte spillemænd*) и «Башня на краю света» (дат. *Tårnet ved verdens ende*). В 1965 году Хайнесен был удостоен литературной премии Северного Совета. В 1968 году он приезжал в Москву на международный симпозиум, посвящённый влиянию творчества М. Горького на мировую литературу. Свои произведения Хайнесен писал в Торсхавне, который называл «пупом земли». Писатель всегда интересовался непознанным и неизведанным, но в то же время называл себя религиозным человеком в самом широком смысле этого слова. Его жизнь может быть охарактеризована как борьба с пораженчеством. Скончался Хайнесен в 1991 году в возрасте 91 года.

ГРЮЛА

Сейчас речь пойдёт о Грюле с острова Стапа – особой сущности, описать которую, тем не менее, непросто, ибо никто не знает Грюлы, кроме Молодого Дунальда, а его рот прочно закрыт на замок. Но даже если бы он и захотел о ней рассказать, он не смог бы, так как не владеет словом. Его душа цветёт по-иному, его радость подобна радости скачущего телёнка, его огорчение – как у птицы, которую не держат крылья. Лишь могучим властелинам введома такая уверенность в себе, как у него, и лишь воры и грабители, которых везут на правёж, сокрушаются так, как Дунальд, когда бессловесный страх и раскаяние посещают его после его странных нечестивых выходов. Облечь всё это в слова было бы деянием столь же дерзким, как попытка разгадать мысли животных, рассказ в силах передать только жалкое подобие этих мощных безъязыких явлений.

Грюла обитает на чердаке сарая у Молодого Дунальда. Здесь, в тёмном пространстве, под самым коньком, она и обретается. Лишь единственный раз в году она выходит и показывается среди людей; тогда для неё настаёт праздник. В тайник, где она живёт, невозможно попасть из дому, единственный вход – сквозь окошко в фасаде, но оно закрыто на тяжёлый засов, к тому же заколочено. Клеть Грюлы висит между небом и землёй, абсолютно тёмная и уединённая, словно вороново гнездо на утёсе. Здесь она кукует круглый год и ждёт своего часа, она хорошо запрятана и забита, но не забыта. Кто же забудет Грюлу?

И всё же, никто, в сущности, не помнит, как она выглядит, и не может её описать. Она очень лохмата, у неё есть рога и хвост, она скверно пахнет и издаёт странные звуки: порой жалобные, порой угрожающие, по-

рой совершенно нечленораздельные: то ли она радуется, то ли стонет в бреду. А порой она поёт, исполняет старинные баллады с загадочными ви- тиеватыми припевами. Какая у неё рожа, сразу и не разглядишь: она круп- ная и довольно-таки страшная, но скрывается под сбивающей с толку заве- сой разных ключьев и тряпиц. Что глаза у неё светятся в темноте, могут за- свидетельствовать многие – но это единственное, что вообще можно с уве- ренностью сказать об её внешнем виде. А что касается её внутренней жиз- ни, то о ней ничего не известно: сущность её загадочна, ведь её корни – в ночной мгле седой древности.

Дунальд – единственный, кто близко знает Грюлу. Но его с ней от- ношения скрыты от мира. Известно, что он в моменты слабости сильно серчал на неё и называл её бременем и проклятьем. Эта тесная связь Ду- нальда с Грюлой у многих вызывает удивление. В обычной жизни Дунальд – человек тихий, немного застенчивый, при разговорах зажатый и удру- чённый, с честными угрюмыми глазами. Он таков, что обычно все забы- вают, что он знает с Грюлой. На острове все любят Дунальда: он услуж- лив и честен, он предан фермерам, он вынослив на работах в поле, он пре- великий труженик – и он бедняк, так что никто не завидует тем доходам, которые приносит ему Грюла. Также никто не смеётся над Дунальдом: ко- нечно, он не из числа самых больших умников, но глупцом его тоже не назовёшь. На его память грех жаловаться: он не хуже остальных помнит, кто с кем в родстве, и знает множество старинных песен. Но при всех сво- их хороших сторонах, Дунальд всё-таки – особь статья, он не таков, как другие, он одиночка, он особенный, и это всё из-за Грюлы.

Наступает понедельник после праздника – после восьмого до Пасхи воскресенья, и Дунальд чувствует, как в его сознании и теле что-то теснит- ся, как и всегда в это время года. Это беспокойство ощущает и его жена; она вздыхает и смотрит прямо перед собой; она совсем не рада; сегодня вечером она плакала, как и обычно, когда понимает, что Дунальд начал свои шашни с Грюлой. Она знает, что Дунальд сейчас сидит в этом зло- счастном тайнике. Она слышала, как он отдирает доски от окошка, слыша- ла, как слабо повизгивали осторожно вытаскиваемые гвозди. Но она не подглядывала: ей это не пристало. Да это и бесполезно: что должно слу- читься, то случится, как это случилось из года в год целых четырнадцать лет, а до того ещё тьму лет, ведь в то время с Грюлой знался отец Молодо- го Дунальда, Старый Дунальд, а до того, в свою очередь – его отец.

Да, Дунальд там, наверху, в клети у Грюлы. В ней темно как в закры- том рту, да в пасти у ската на дне морском. Здесь господствует всепогло- щающий дух навоза, сухой трухи, шерсти и рогов, и он вдыхает эту густую вонь, долго сидит и смакует её, с болью в душе и трепетом в сердце мысля

о предстоящем. Снаружи шумит вечер, море дышит протяжно, как время и вечность, прибой набегает на берег, и из пещеры в Марраджегв раздаётся приглушённый гулкий стон. Дунальд шарит в потёмках жадными руками, хрипло охает, страсть засела у него в глотке, она придаёт ему дерзости. Да, вот оно всё: шкура, тряпки, голова, бутылка и «стержень». Всё в точности так же, как он оставил в прошлом году, всё в порядке. А с чего бы ему не быть в порядке? На острове нет ни крыс, ни мышей, кошек тоже нет, а воры и куролесы, видимо, предпочитают держаться подальше. Дунальд алчно возится в переполненной пасти тьмы со всеми её жалами, зубами и язычками и без слов говорит про себя: «Это моё!» Мысль об этих сокровищах придаёт ему бодрости; он беззвучно усмехается сам себе в одиночестве и мраке, он радостно вдыхает, он издаёт горлом тоненький звук, словно женщина, которая вот-вот упадёт в обморок. Он чувствует, что начал меняться. Скоро начнётся превращение, оно уже началось.

По своей жене Дунальд видит: она уже знает, что он побывал у Грюлы. Она плакала. Сейчас поздний вечер, дочери спят. Дунальда охватывает странное чувство уюта, как и всегда, когда ему предстоит ЭТО; он немного отстранён от всего привычного; между ним и повседневностью возникла преграда. Его охватывает удивление, что вот это – его дом, а вот эта большая Сигна с пристальными птичьими глазами – его жена. Странно и то, что у них уже восемь детей. Тем более странно, что это всё девочки, сыновей нет. Он – единственный мужчина среди девяти женщин. А ещё странно подумать, что через короткое время у них будет куча мяса: и в сушильне, и в кастрюле, он уже почти обоняет запах этого мяса, особенно варёного, над которым поднимается пар жёлтыми клубами, которые, кажется, можно облизать. Мягкое, тёмно-красное или пепельно-серое подвяленное мясо, пронизанное прозрачными прожилками просвечивающего жира, и наваристый серо-жёлтый суп, обжигающий, как микстура, проникающий в каждую пору.

Сигна искоса бросает на него совсем короткий взгляд, ведь видеть, что Дунальд уже начал превращаться – так больно, так колет сердце, как будто на раны в душе насыпали соль, и она сжалась. Его глаза маленькие и наполнены нездешним светом, его горло свело от того, что он всецело отдался какому-то чувству, которое вовсе не относится к ней; он не может спрятать свою тайную радость и рвение. Ах, хоть бы это поскорее прошло! А ведь это придётся пережить – да, и в этом году тоже.

Про все святые праздники в году можно сказать, что в них есть добрый справедливый смысл. Пасха – это день воскресения, когда ослабевает зимняя теснота. Троица – это вступление в лето, когда растёт трава и ухо ловит нежные голоса. Рождество – это превеликое движение в темноте, ра-

дость и веселье, которые выпрыгивают с глубокого дна года и проходят через все умы многообещающими серебряными косяками. А Масленица, напротив – не святая; она даже кощунственна, так что многие верующие наотрез отказываются считать её чем-либо иным, кроме как крестом и тяжким наследием язычества. Во многих посёлках Масленица приходит и уходит совершенно незамеченной, можно сказать, вовсе не существует, но на острове Стапа она прочно укоренена в тощей земле, и эти корни не выкорчевать. Народ здесь не хуже и не более упрям, чем в других местах, и лишь в одном этом отношении они иные, проще говоря, они празднуют начало поста в духе своих предков, и это у них в крови. Особые родильные муки посещают их души, огонь возгорается в них и прежде, чем дать погасить себя, требует своей пищи.

В понедельник Масленицы на одном из самых больших дворов в посёлке пляшут. Здесь все, за исключением больных и старых. Здесь едят и пьют, и долго остаются на улице. Этот праздник начинается, по большому счету, совсем так же, как прочие праздники и сходки, но есть одно отличие (и это отличие все замечают даже сейчас); оно исподволь проявляется как очень крошечное, но судьбоносное расслабление ума, сладостная течь где-то в глубине, игра во тьме, во время которой люди, одержимые азартом, протягивают чёрту мизинец. Мужчины постарше щедро заливают свою жажду, даже самые большие скромники начинают немножко кичиться, и даже самые замкнутые начинают без умолку болтать. Молодёжь становится более дерзкой, чем всегда, соблазны поджидают во всех углах и на чердаках. За сим следует и раскаянье, и очищение, словно после некой необходимой процедуры. Сложно объяснить, как это нечистое приносит чистоту, можно сказать, вознесение, но это можно сравнить с тем, когда корова своим мощным грубым языком облизывает новорождённого телёнка и пожирает всю грязную заразу, приклеившуюся к нему, так что потом он сияет чистотой.

Добрых десять лет назад на острове возникло движение против Масленицы, но успехов у него было мало, и оно совсем потеряло силу, когда обнаружилось, что миссионер – его главный вдохновитель, оказался извращенцем, испытывающим влечение к маленьким девочкам. Против этого, мягко говоря, странного человека не было предпринято никаких шагов, ему просто дали уйти с миром, но с тех пор никто на острове больше не доверял миссионерам. А Грюла, против которой так бушевал этот чужак, отзываясь о ней так пренебрежительно, что многим становилось обидно и за неё, и за Дунальда, – Грюла была реабилитирована. Не то чтобы, люди говорили о ней, защищали её или хвалили – о Грюле нельзя рассуждать, будто о корове-рекордистке или племенном жеребце; она редко становится темой разговора; она – не личность со своими добродетелями и пороками, она – просто Грюла как она есть, проходит она по посёлку – и ладно.

Проходит она во вторник вечером, когда празднующий народ уже досыта набродился, когда у них во всех членах и в душах засела усталость, и чёрт у них за спиной в темноте прошлого считает мизинцы. И вот – тогда её время, тогда она приходит.

И вот, она вновь пришла; никто не видит, как она спускается с чердака Дунальда, никто не знает, из какой стороны света она пришла. Некоторые мальчишки утверждают, будто видели, как она крадучись вылезает из Марраджегв. Но, как бы то ни было, она уже здесь; она идёт в безмесячной кромешной тьме, она ползёт – низкая, широкая, – по слякотным луговинам, она поднимает и опускает рогатую голову, она лепечет младенческим голоском, она смеётся и хохочет мужским басом. На вид она огромна, как штабель дёрна, и длинный шумящий хвост волочится за ней. Он бренчит и гремит, словно множество пустых котлов и кастрюль, этот хвост, он деловито грохочет, словно целая гномья кузница. Порой Грюла останавливается, распластывается рылом в землю – тогда она похожа на кочку среди других кочек, – а порой она высоко поднимает голову и принохивается к напитанной дождём тьме; а иногда она поворачивается вокруг себя и пускается в медленный танец на одном месте. Но бывает и так, что она подпрыгивает, несётся неуклюжими скачками, словно выпущенная на волю из стойла корова.

А в свите Грюлы – только мальчишки-подростки, девочки держатся от неё подальше, не говоря уж о более младших детях, которые в лучшем случае решаются лишь украдкой поглядеть на Грюлу из окон и заулков. Но даже большие оболтусы в основном ведут себя сдержанно. Лишь один человек в свите Грюлы обращает на себя внимание вызывающим поведением: это Оле Хэк, стареющий человечек, который не совсем в здравом уме: при таких обстоятельствах он всегда в приподнятом настроении; он завывает и гримасничает, и сложно сказать: злость это или бурная радость. У Оле Хэка язык не работает, и он может говорить только слово «Хэк!» – отсюда его прозвище. По постоянному хэканью этого Оле можно проследить, где сейчас находится Грюла. Её путь по посёлку извилист и прихотлив; она ходит не из дома в дом, а движется большими крюками, блуждает по полю, прячется между камней на речном берегу, возвращается к домам, внезапно просовывает морду в какую-нибудь дверь и стоит там долго ли, коротко.

У некоторых дверей она задерживается особенно надолго. В иных местах она и вовсе заходит в кухню или в горницу с очагом и какое-то время обретается там. В редких случаях её выгоняют, и она отступает, но в большинстве мест она – желанный гость, и её угощают хлебом, пирогами, водкой. В иных местах ей дают монетку, а в основном же – сушёную баранину: лопатку, ляжку или рёбра, засовывая их под её распаренную шубу. Там, где она уверена, что её правильно поймут, она показывает свой Стержень, а на него стоит посмотреть, настолько он величествен и верен при-

роде. Видеть его можно не всем; однако удивительно, что многим это зрелище приходится по нраву, причём не только мужчины, но и женщины, даже весьма многие пожилые женщины, вовсе не бывают оскорблены его видом. Старики помнят или, по крайней мере, слышали о тех временах, когда Стержень не только радостно приветствовали, но его появление в доме считалось благословением, а недобрый знаком считалось, наоборот, если его не показывали или если Грюла проходила мимо дверей. Молодые женщины, брак которых был бесплодным, могли поправить здоровье, до-тронувшись до Стержня голой кожей под юбкой, но считалось также, что Грюла обеспечивает и иное плодородие: и для скота, и для земли, а ещё она могла принести удачу в рыболовном промысле. Доверие к её жизнеподательным способностям с тех пор, конечно же, заметно ослабло, но полностью не исчезло, оно до сих пор молча присутствует в сознании многих, даже тех, кто не умеет об этом рассказать.

Ну а как же сам Дунальд?

Лишь немногие имеют представление о том, как с ним обстоит дело во время шествий Грюлы. Чтобы нести её чудовищный вес и выносить жару, духоту и нечистоту под тяжёлыми шкурами и кофтами, а заодно и исполнять обстоятельную и долгую работу Грюлы, требуются недюжинные силы. У Дунальда такие силы есть, хотя обычно он слаб и ничем таким не наделён. Он собирается с честью вынести всё это, как ему часто приходилось прежде точно так же, как это до него делали его предки. Его особенный, доставшийся ему по наследству дар состоит в том, что у него есть удивительная сила, как у актёра на сцене и выносливость в самоотдаче, как у верного долгу пастора. Когда он вышагивает здесь, в ветреной тьме на суровом острове, он представляет интересы Жизни; по всей видимости, в этот момент он язычник, но он не Антихрист, как его хотел бы представить тот злопыхатель-миссионер. Он – Антисмерть. Это знают все, хотя сами в том не признаются, поэтому вокруг Грюлы царит радость и удовлетворённость, впрочем, весьма скромные, потому что чёрт со своей связкой собранных мизинцев всё ещё не очень далеко; и что бы люди ни решались сказать о Грюле, никто не стал бы утверждать, что она угодна Богу. Бог и Грюла несоединимы, их невозможно вместить в одну и ту же мысль, эти две силы – как огонь и вода: где они встречаются, там всё закипает и чернеет, поэтому их надо держать в строгой изоляции друг от друга. У Масленицы нет Бога, у неё есть Грюла. Когда-то в седой глубине времён Грюла была всесильна. Про это никто не вспоминает, но смутная память об этом всё же бродит у людей в крови, как придонная рыба в глубоких водах. Разумеется, всевластие – у Бога, но один-единственный вечер из нескольких сотен вечеров в году Грюла всё-таки ещё может назвать своим.

Дунальд так не думает, его мысли не облакаются в изящные слова, они пенятся, кипят, как элементы и сны; они проявляют себя как древние потоки в сознании, они как наполненные снегом тучи, как морское течение, они поддерживают его и дают ему нести это непомерное бремя, которое трёт и царапает ему спину, так что пот бурливыми ручьями стекает с него, а пар, исходящий от его тела, затыкает отверстия для воздуха в маске, как самые настоящие пробки. Да, редкостные, бессмертные и безымянные силы шевелятся внутри Дунальда и делают его упругим и лёгким, переполняя его высоким и справедливым бесстыдством, и ему хорошо быть улиткой в этой жёсткой раковине.

Он сжимает Стержень; ему даёт головокружительное ощущение силы и могущества то, что у него есть этот бурав, этот пронзатель, это чудесное орудие сохранения и обновления всех вещей. Не хулите силу Стержня! Если этой весной улов рыбы будет таким же обильным, как в прошлом году, значит, здесь точно обошлось не без Стержня. Также он может предотвратить в этом году апрельский заморозок, который может помешать окоту и вызвать падёж овец, как в прошлом году. Он может увлажнить суровую засуху раннего лета, которая часто следует за восточным ветром на Пасху и не даёт всходам подняться. Он также может задержать осеннюю мокреть, которая гноит сено и снижает поголовье скота. Он благословит семя в земле и в каждом лоне; он создан для удачи и радости, для чудес и для разнообразных удовольствий живой твари в постели, в стойлах, в гнёздах и на местах яйцекладок в горах и в море. Он – для того, чтоб поддерживать всё живущее.

Старинные бессловесные хвалебные песни, таинственные и бездонные, появляются в сознании Дунальда, но он не может их истолковать, они неисповедимы, но их сила протяжно поёт в нём, словно бурлящие водовороты под новой луной, сейчас, когда она на самой вершине своих способностей и исполняет призвание своей жизни. Велика изобильность Грюлы, воскресение пробудит она, неслыханные вещи вызовет она к жизни, она – и корова, и бык, и кобыла, и жеребец, у неё есть договорённость с мутной водой на нерестилище на рыбной банке, с зеленоватой темнеющей водяной горой, скрывающей китов во время спаривания в невообразимой дали под небесами. Она знает черноту, в которой встречаются убывающая и растущая луна, и Всё восстаёт из Ничто. Она – живая ленточка ростка, когда тот, будто искорка материи, зажигается в допотопном сумраке и даёт жизни победить смерть.

Так поёт эта сила в Дунальде в те большие головокружительные моменты. Однако он не всё время держится на этой высоте: усталость и сомнение порой накатывают на него подавляющими волнами, прибоем, и тогда ему надо расслабиться, – и Грюла ложится пластом в темноте, а человек внутри неё чувствует себя испуганно и отвратительно, словно Иона во чреве кита, и ему приходится насильно вливать в себя гадкую водку, хотя в

остальном он трезвенник и обычно не берёт в рот ничего крепкого. Это обходится не без мучений; часто его тошнит, он извергает из себя желчь и солёные слёзы, но через короткое время приходит облегчение и прохлада, воля к жизни неудержимо возвращается. Он смотрит сквозь ноздри Грюлы (ведь они – его глаза), соображает, где он, поднимается и идёт дальше.

«Хэк!» – раздаётся, словно боевой клич, из уст Оле, который ни на миг не отходит от Грюлы.

На острове Стапа в посёлке всего семнадцать домов, и до полуночи Грюла почти заканчивает свой обход. Ей ещё предстоит завершение, большой последний танец. Он проходит на Плешке у Срединного Двора посреди посёлка – старом пепелище, которое лежит незастроенное и служит своего рода площадью.

Большой танец Грюлы предваряется новым бодрым и довольным кличем «Хэк!», и в толпе мальчишек-подростков возникает неуправляемое движение. Не обходится без скандалов, когда самых младших вылавливают и загоняют домой властные матери. Остаются лишь самые хитрые и непослушные, и к ним у всех на виду примыкают некоторые взрослые – не самые лучшие члены общества. В этот момент во многих окнах уже не видать ни огонька. Дома – тёмные, с потухшими окнами, с лохматыми крышами, вздымаются к подёрнувшемуся северным сиянием небу над морем. Но за окнами тут и там происходит возня, а из заулков и щелей выглядывают лица. Но в маленьком домике Дунальда затемнение самое настоящее и устроено из лучших побуждений: здесь царит скорбь и стыд. Жена и дочери улеглись в постели, самые младшие дремлют, но Сигна и две старшие девочки не спят, и темнота в тесной спальне полна вздыхающей тревогой. В сознании Сигны царит ночь, она заковала своё сердце в броню суровости, в каждом шве её души засела стужа.

А снаружи, на открытой луговине сейчас случилось, то, что бывает обычно: Грюла обезумела, она топает то тут, то там, поющие голоса, словно бы принадлежащие множеству пляшущих мужчин, теснятся у неё внутри, и хвост оглушительно гремит. И смотрите: вдруг она встаёт на дыбы как жеребец во время гона, и издаёт ржание, такое резкое и убедительное, что всех пробирает дрожь, нечеловеческий звуковой шедевр, который никогда не позабудет тот, кто хоть раз его услышал. И среди разгорающегося северного сияния видно: Стержень вытащен и пришёл в дерзкое движение! Высоко вставая на дыбы, чудовище поворачивается вокруг себя, словно колокол тьмы с оголённым трудящимся биллом. Это уникальное зрелище, редкостное откровение, так что зрители могут только глазеть, разинув рты. Дома смотрят не мигая, чёрные окна зияют, во всех углах посверкивают глаза: за занавесками, за неплотно прикрытыми дверьми, и Оле Хэк забы-

вает издать свой клич. В великой ночной тишине раздаются лишь страстные пугающие рулады звериного вождения, льющиеся из задранной вверх пасти Грюлы.

А потом большое тело вновь опускается, ложится плашмя, как будто потонув в земле. Так Грюла лежит какое-то время, и кто стоит к ней ближе всех, может слышать её потусторонний стон, постепенно переходящий в надсадный кашель и сдавленное обессиленное причитание.

Потом она вновь встаёт, и теперь ей пора домой, потому что сейчас её время истекло. Её прямой осанки как не бывало: ослабело, пошатываясь, она исчезает в темноте, и теперь её надо оставить в покое, никто не должен идти за ней те последние шаги на заслуженный покой. Это знает даже Оле Хэк: он остаётся молча стоять и вытирает пот со лба: ведь для него этот вечер тоже был тяжёлым.

А Дунальду предстоит эпилог, у которого есть как пугающие, так и блаженные стороны.

Чудовищным, да, изматывающим почти до грани смерти было напряжение этого вечера, но едва он пришёл домой и скинул с себя насквозь мокрую ношу на каменный пол в прохладном сарае, усталости как не бывало: её прогоняет боль. Какое-то время он плачет как дитя, глотая солёную слюну. Ни одно существо на земле так сильно не нуждается сейчас в утешении, как Дунальд, в понимании, в заботе. Он был центром всеобщего внимания – и вдруг скатился с вершины и стал одиноким существом на этом острове, козлом отпущения, заморышем, тварюшкой, зачумлённым. Его терзают голод и жажда, и физические, и душевные, он грязный, заразный, проклятый, у него нет ни друзей, ни родни. Потому что нет смысла идти к Сигне и пытаться умягчить её сердце, это ему знакомо по горькому опыту: она заморозила себя изнутри, она будет избегать его неделями, и её дочери – тоже, даже самых маленьких она будет беспощадно разлучать с ним. И не будет она подносить ему еду, и даже в том ложе, в котором он сейчас так нестерпимо нуждается, ему будет отказано. Ему придётся обретаться в клетки Грюлы, лежать здесь в темноте и холоде, съевшись в одиночестве от неясного раскаяния и страха. И других людей он тоже не смеет видеть в первое время: так уж оно повелось. Это занимает много времени и стоит непостижимых усилий: возвратиться из мира Грюлы в действительность, к жизни.

Но самое худшее вовсе не это. Самое худшее – что он не может поплакаться Богу и искать утешения у неба. Не то, чтобы кто-то и специально вбил это Дунальду в голову, нет, он просто знает это и всегда знал, как это знают все. Есть такие вещи, которые не для Всевышнего; они не сочетаются с его святой серьёзностью. Зато в таких областях может свободно

бродить Вельзевул, и он, конечно же, непременно будет тут как тут. Ах, он так близко, что можно даже ощутить, как он пахнет козлом и жжёным рогом.

Таковы страдания Дунальда: такую цену ему надо заплатить; иначе просто не бывает; холодный ужас показывает свою неумолимую морду, и остаётся лишь отдаться на его волю и вынести уготованную тебе боль.

Но, прежде чем склониться под этим ярмом, всё же надо утешиться и сорвать у этой ночи ещё один прелестный странный плод. И именно мысль об этом плоде делает бремя раскаяния и печали выносимым, и проливает в темноту этого часа столько света, что отчаяние уже не правит здесь одно.

Дунальд издаёт долгий вздох и решительно начинает выгребать дары Грюлы из кучи на полу, развешивать на крюках мясо, приводить вещи в порядок. Но в самый разгар всего этого его вновь одолевает усталость и боль, и он больше не может; огненные зерна и цветы прорастают в темноте вокруг него, горячечные видения рисуются перед его внутренним взором, дырявые колдовские солнца и морские анемоны... Нет, ему пора! Теперь надо сорвать плод и утишить жажду.

Не будем вдаваться в подробности ночных визитов Дунальда к Исан, коснёмся их лишь вкратце, ради благоразумия и справедливости. Исан, или Элисабет (такое имя ей дали при крещении) живёт одна, сама по себе, но не ведёт, как можно было бы подумать, замкнутое сомнительное существование. Напротив, немногие женщины на острове Стапа ходят во столько мест, как Исан, немногих так часто зовут в гости и так высоко ценят. Она и помощница, и повар на свадьбах и похоронах, она подсобляет повитухе почти на всех родинах, а ещё она весьма сведуща во врачебном искусстве и знает, как бороться с самыми разнообразными человеческими хворями, и она не скупится на помощь. Из всех живущих на острове лишь она одна понимает в эту ночь печали Дунальда и знает средства, которые могут смягчить их и даровать человеку, к которому пришла, облегчение в его страданиях.

Сперва она готовит для него подкрепляющий ужин, в который входят суп на травах и два сырых яичных желтка. При этом царит такое умиротворение, никто никого ни о чём не спрашивает, не рассказывает новости, не обменивается огорчительными словами и замечаниями. За столом в уютной и опрятной горнице у Исан царит своего рода праздничная атмосфера: здесь всё как в вечер церковного праздника, даже сама Исан в воскресном платье и свежевыглаженном фартуке в цветочек. Огонь бушует в печи, и маятник стальных часов движется маленькими аккуратными толчками в тишине.

Пока Дунальд ест, Исан на кухне проводит приготовления к мытью. Мягкий дух мыла и горячей воды смешивается с ароматом кофе, бельё пропаривается, выкладываются чистые полотенца. После мытья, которое требует немало порций воды, и которое нельзя как следует провести без помощи Исана, очистившийся Дунальд ложится отдыхать и смотрит, как Исан стирает и полощет его перепачканную одежду и вывешивает её на просушку. Исан – это маленькая раскрасневшаяся женщина с очень синими быстрыми глазами, ей немногим за сорок, и она пятнадцать лет провела – если это можно назвать вдовством: не факт, что её мужа нет в живых. Поуль с Соли, как он прозывался, был человеком весьма косным, выпивающим и по натуре буйным, и пока они жили вместе, Исан видала мало хорошего. Потом он бросил её, перебрался в Нордвиг на острове Хусё и там какое-то время жил с другой женщиной, но потом бросил и эту свою сожительницу и сбежал за границу. Ну и хватит о нём, он не достоин внимания, никто по нему не скучает, а уж Исан и подавно.

В пахнувшей ароматным бельём постели Исан Дунальд чувствует себя так, как будто его перенесли в первые дни детства. Ласковые плывущие потоки бегут у него внутри, события этого вечера затушёвываются, все воспоминания медленно убаюкиваются в реке забвения, текущий момент раскрывается как диковинный блаженный цветок – единственный в мире. Дунальд вновь охвачен чувствами и готов расплакаться. Но среди его счастья есть одна точка, в которой холодно, одно излучающее боль зёрнышко тревоги. Пока это ещё только зёрнышко, но оно прорастёт, и росток будет быстро крепнуть и раскидывать большие листья боязни и помрачения. Но как же удивительно счастье, пока боль – всего лишь зёрнышко в его почве!

И вот, свет погашен. Какой-то короткий миг страх и отчаяние вновь раскидывают над ним свои тёмные крылья. Но вот Исан уже рядом с ним: безмолвная, спокойная, а щёки у неё рдеют.

В ранних рассветных сумерках Дунальд спускается на берег. Там он стоит, смотрит на вольное море ещё какое-то время до того, как пойдёт домой, возвратится к своей епитимье: в логове Грюлы на чёрном чердаке.

/Из сборника «Волшебный свет» (1957)/

Перевод с датского Ольги Маркеловой

ПРЕДИСЛОВИЕ

В разделе «Американа» журнала «Переводчик» (2022) представлены переводы отрывков из романов американских писательниц: Джини Вальдес «Мария Портильо» (1976) и Хелен Хант Джексон «Рамона» (1884).

Джина Вальдес (*Gina Valdes*, р. 1943) – известная писательница-чicana¹, поэтесса, прозаик, преподаватель литературы и творческого письма (*Creative Writing*) нескольких университетов США (UCLA Университет Калифорнии, Лос-Анджелес, UCSD Университет Калифорнии, Сан-Диего и др.). Родилась в Лос-Анджелесе. Детские годы Вальдес прошли в Северной Мексике (штат Баха Калифорния), в Энсенада, по соседству с русским поселением начала XX века.

Наибольшую известность Джине Вальдес принесли поэтические произведения, которые переведены на несколько языков мира. Её роман «Мария Портильо» привлекает внимание постановкой животрепещущих проблем в широком диапазоне, главная из которых – самоопределение мексикано-американки в условиях гендерного неравенства, порождённого традиционным для патриархальной культуры чиканос «мачизмом²». Отрывок из романа Вальдес в переводе на русский язык предваряется вступительной статьёй переводчика Татьяны Воронченко.

Хелен Мария Хант Джексон (*Helen Maria Hunt Jackson*, 1830–1885) – англо-американская писательница, поэтесса, прозаик, эссеист, автор коротких рассказов. Родилась в Амхерсте. Являлась активным участником движения по борьбе за права североамериканских индейцев, с 1882 года назначена Специальным уполномоченным по делам индейцев в Южной Калифорнии.

Наиболее значимыми произведениями, посвящёнными данному вопросу, считаются «Век бесчестия» (1881) и «Рамона» (1884). Перевод второй главы романа Джексон «Рамона» сопровождается вступительным словом переводчика Елены Гладких.

¹ Литература чикана/о – литература, созданная мексикано-американцами – мексиканцами и их потомками, проживающими на территории США. (Прим. пер.).

² Мачизм – проявление агрессивной маскулинности, мужского превосходства («мужской шовинизм»). Исторически «мачизм» сформировался в Америке на основе испанского «идальгического идеала» (честь, спесь, религиозность, бравада, патриархальность, воинственность). (Прим. пер.).

ДЖИНА ВАЛЬДЕС (род. в 1943 году)

ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ САМА СЕБЯ СОЗДАЛА

Проза Джини Вальдес вписывается в основные тенденции раскрытия «женской темы», которые проявляются в литературе чикана/о в 1970-80-е годы прошлого столетия. В этот период активность женского движения в США на волне общего подъёма этнического самосознания чиканос способствует расширению творческих возможностей мексикано-американских писательниц, которые начинают отражать свой специфический опыт в литературе, в результате чего выделяется особый литературный сегмент – «литература чикана», то есть «женская».

По мнению Росауры Санчес, известной исследовательницы этого феномена, профессора UCSD, проза Вальдес по своему идейно-художественному содержанию контрастирует¹ с произведениями современниц, поскольку представляет «неприукрашенную, мрачноватую»² картину жизни женщин чиканос в социуме, в то время как в творчестве известных писательниц этого периода (Д. Чавес, Э. П. Трамблей, М. Л. Эспиноса и других) преобладают несколько идеализированный взгляд на женщину как божественное творение и интерес к фольклорному прошлому, фигурам и символам доколумбовой эпохи.

Джина Вальдес концентрирует внимание на социокультурных и психологических особенностях жизни мексикано-американок, обращается к проблеме их самоопределения в условиях гендерного неравенства, порождённого традиционными для патриархальной культуры представлениями, согласно которым женщинам надлежит быть «уступчивыми, пассивными и послушными»³ (К. Тёрстон) по отношению к мужчинам – «мачос», поскольку им отводится второстепенная роль. Неслучайно становится крылатой фраза профессора Маргариты Б. Мелвилл “*twice a minority*”⁴ («дважды меньшинство»), которая обозначает двойное угнетение, испытываемое чикана в обществе: как женщина и как «цветная».

¹ Sánchez R. Chicana prose writers: the case of Gina Valdés and Sylvia Lizárraga // Beyond Stereotypes: The Critical Analysis of Chicana Literature. Binghamton: Bilingual Press/Editorial Bilingue. 1985. PP. 61–70. P. 63.

² Там же.

³ Thurston K. Barriers to the Self-Definition of the Chicana: Gina Valdés and There Are No Madmen Here // MELUS 19, no. 4, 1994. PP. 61–73. URL: <https://doi.org/10.2307/468203>.

⁴ Twice a Minority: Mexican-American Women. Ed. Melville M.B. St. Louis: C.V. Mosby Company, 1980. 270 p.

По сюжету, 43-летняя Мария Портильо в поисках выхода из подобной ситуации и надеждах на лучшую жизнь для себя и своих дочерей покидает дом мужа в Мексике и переезжает в Калифорнию, США, где, наладив отношения с многочисленными эмигрировавшими родственниками, ищет работу и обретает навыки самостоятельной жизни. Она начинает с низкооплачиваемой, трудоёмкой работы швей, затем кузен Рамон предлагает ей войти в семейный бизнес по импорту и продаже текилы¹. Воссоединение с «американскими» Портильо, природный ум и практичность дают Марии возможность стать финансово независимой и обрести внутреннюю свободу, одним из проявлений которой становится начало романтических отношений с давним другом семьи, доктором Эрнандесом. Мария и Мигель Эрнандес решают посетить места, где прошло их детство, собирают компанию многочисленных родственников для поездки на север Мексики, в Энсенада, русскую деревню в долине Гвадалупе, расположенную в двух часах езды от границы США–Мексика.

В данном номере журнала «Переводчик» читателям предлагается перевод фрагмента романа, в котором Мария предстаёт уже как свободная, независимая женщина (“self-made woman”). Художественный текст отражает целый спектр проблем в широком диапазоне, которые писательница рассматривает в своих произведениях от самоопределения женщины-чicana до полилога культур в пространстве трансграничья. В центре изображения в приведённом отрывке – описание радостной и волнующей встречи бывших дружных соседей: мексиканцев и русских, проживших бок о бок в поселении, обозначенном в тексте как “*The Village*” (деревня). История появления русской деревни в мексикано-американском пограничье восходит к 1905 году, когда президент Мексики Порфирио Диас призвал прибывших в Лос-Анджелес русских староверов-молокан² (более ста семей) к освоению плодородных земель северной части страны. Автору перевода Татьяне Воронченко посчастливилось побывать в Энсенада в период стажировки в университете Калифорнии, Сан-Диего:

<...> Ближе-ближе редкая улада
Под названьем дивным *Эн-се-нада*,
Поселение русских в Энсенада –
Два часа езды на юг от Штатов.

¹ Текила – крепкий алкогольный напиток из листьев голубой агавы, производится в Мексике. (Прим. пер.).

² Молокане – последователи одного из течений так называемого «духовного христианства». Название, предположительно, связано с употреблением молока во время православных постов; по другой версии – с рекой Молочной в Мелитопольском уезде, куда ссылали молокан. (Прим. пер.).

Там Самарины, Петровы, Ивановы¹
Незнакомцев понимают с полуслова,
То ацтекский, то вполне «рязанский» взгляд,
А детишки по-испански говорят.

Мчится джип по краешку равнин,
Ветер Мексики, в крови адреналин <...>
(Т. Воронченко, «Встречи», № 3, 2004)

Включение в роман писательницы-чicana «русского культурного кода» подтверждает глобальный характер полилога культур в пространстве мексикано-американского трансграничья.

МАРИЯ ПОРТИЛЬО (отрывок из романа)

Мария проснулась в 5 утра, приготовила яичницу с чоризо*, замесила тесто для тортильяс* и сварила кофе. Вскоре на большом арендованном крытом грузовике приехал доктор Эрнандес, а вслед за ним брат Марии – Чучо*.

Потом друг за другом подтянулись остальные родственники. Женщины, мужчины, дети, старики приехали в двух автофургонах, и к 8 утра все многочисленные Портильо были уже в сборе, в полной готовности к поездке в Энсенада.

Через пару часов они пересекли границу и вскоре съехали с хайвэя на просёлочную дорогу, которая вела в укромную долину Баха Калифорний*. Как только компания оказалась на мексиканской земле, народ преобразился: на лицах заиграла улыбка, глаза широко распахнулись, щёки у всех порозовели. Мужчины расчехлили гитары, и воздух наполнился песнями и смехом.

Деревья и кусты в долине ярко зеленели, а летний воздух был сухой и тёплый. Вот здесь-то старшие Портильо и поведали молодёжи давнюю историю о том, как много лет назад больше ста семей переселенцев из России из числа молокан нашли приют в мексиканской долине: «Должно быть, они обрели здесь свою долгожданную «землю обетованную», поскольку ни один из них после этого не захотел вернуться назад из долины Гвадалупе. Они принялись выращивать овощи, фрукты, зерновые, разводить овец, печь хлеб, производить вино, шить одежду и главное – получили религиозную свободу».

¹ Фамилии Иванов, Петров, Самарин зафиксированы в книге записей русских семей, прибывших в Энсенада в 1905–1906 гг., дома-музея русских поселенцев в Энсенада долина Гвадалупе, штат Нижняя Калифорния (Мексика). (Прим. пер.).

«Мексиканские» Портильо, проживающие рядом с долиной, в отличие от «американских» сородичей, довольно часто навещали места своего детства. «Здесь нам всегда рады!» – говорили они. И вот сегодня наконец собрались все Портильо – и «мексиканские», и «американские»!

«Мария! Мария! – взволнованно закричал старожил Гуров. Он подбежал, подхватил её и высоко подкинул, как ребёнка. – Я уже старик, Мария, но смотри, ещё могу тебя поднять!»

«Гуров, такие, как ты, никогда не стареют!»

«А мне жена велит завязать с выпивкой, если хочу прожить подольше! Но я ей отвечаю, что водка продлевает жизнь. Без неё душа умирает», – он громко рассмеялся, и его щёки побагровели.

«Мария, а ты что, нас разлюбила?»

«Гуров, ты же знаешь, как мы все вас любим!»

«Тогда почему тебя не было так долго? Это ты называешь любовью?»

«Прости, я очень хотела приехать, но постоянно мешало то одно, то другое».

«Была бы охота, а возможность всегда найдётся».

«Ну ладно тебе, Гуров, вот мы и здесь!»

Гуров посмотрел на толпу прибывших на автофургонах: «Хорошо, что вы всех собрали. Очень хорошо!». И тут доктор Эрнандес и Гуров наконец-то увидели друг друга и рванулись навстречу. Они крепко обнялись, не произнося ни слова. Слезы покатались по багровым щекам Гурова, а доктор Эрнандес крепко зажмурил глаза под очками. «Ты здесь, с нами, ты не забыл нас!» – воскликнул Гуров.

«Я просто уже больше не мог», – ответил Эрнандес.

«Отлично выглядишь! – заметил Гуров. – Может, мне водку на текилу поменять, а ржаные булки – на тортильяс?!» Эрнандес и Мария переглянулись и расхохотались. Гуров огляделся: «А где же твой муж, где Эфрен, Мария? Что-то я его не вижу».

«Укатил на Юкатан*», – за Марию ответил Эрнандес.

«Что так далеко? Оставил такую красивую женщину одну!»

«Да вроде бы в командировку».

Гуров погладил седеющую бороду: «Командировка, говоришь? Всё себя ищет?». Эрнандес кивнул. Гуров на миг прищурился и сказал: «Да ладно, пусть хоть душой будет с нами».

Мария увидела, как из дома выходят жена Гурова, его взрослые внуки и даже правнуки; вскоре из других домов подтянулись соседи.казалось, что вся русская деревня вышла приветствовать гостей. Они несли ржаные булки, глиняные миски с похлёбкой, ломти сыра и кувшины с вином, обильно накрывали длинные деревянные столы под перечными деревьями.

«Угощайтесь, гости дорогие, пробуйте всё! – сказал Гуров. – Тут много всякой всячины, всего вдосталь!»

После дружного застолья Гуров, его родственники и соседи достали балалайки, а Портильо – гитары, поочередно заиграли то русские, то мексиканские мелодии и запели песни. Когда зазвучала одна из любимых песен Гурова, он пустился в пляс.

«Гуров ещё ого-го!» – подметил Эрнандес.

«Я и не сомневалась, – сказала Мария. – Но и ты тоже! Чего тогда ждёшь?!»

Эрнандес вышел в круг к Гурову, в то время как остальные хлопали в ладоши и подбадривали их громкими возгласами. И вскоре танцевали уже все присутствующие!

Мария заметила, как лицо её племянника Валентина расплылось в широкой улыбке. Она не могла вспомнить, когда в последний раз видела, чтобы он так улыбался, за исключением тех случаев, когда ему особенно нравилась какая-нибудь девушка. Остальные тоже обратили внимание на приподнятое настроение молодого Валентина. «Похоже, он оставил свои нудные нотации на той стороне границы», – пошутил Руфелио.

«Наверное, нам стоит привозить его сюда почаще», – добавил кто-то.

А тем временем Эрнандес решил прогуляться по лесу. Валентин увязался за ним. «Прекрасное место, прекрасные люди! Как думаешь, Валентин?»

«Да, здесь замечательно! Здорово жить в таком месте! Только на той стороне, в Америке, так не получится. Там – другие правила игры».

«Какой ещё игры, камрад?»

«Игры во власть, игры в деньги. Есть деньги – есть власть. Если попробуешь жить так, как живут люди здесь, тебя мигом проглотят».

«Так ты думаешь, что получишь от жизни всё, если есть деньги?»

«Как говорит тиа* Мария, “за деньги и обезьянка станцует”».

Эрнандес рассмеялся: «И без денег станцует, если это хорошая обезьянка!»

Ближе к вечеру гости начали садиться в автофургоны. Это был потрясающий опыт для молодых Портильо, которые ещё никогда не посещали русскую деревню! И волшебный день для старших, хотя они и бывали здесь не однажды! Многие с жаром заговорили о том, чтобы снова приехать в Энсенада, и кто-то предложил: «А давайте будем проводить здесь все наши семейные праздники?!»

Глоссарий

macho (исп.) – мачо – букв. «самец», используется для описания мужчины ярко выраженного стереотипа «маскулинного» латиноамериканца, обладателя таких качеств, как агрессивность, сексуальность, брутальность.

chorizo (исп.) – чоризо – сырокопченая колбаса, особенно популярная в странах Латинской Америки, Португалии и Испании.

tortillas (исп.) – тортильяс – тонкая лепёшка из кукурузной или пшеничной муки, употребляемая в пищу главным образом в Мексике, странах Центральной Америки и США.

Chucho (исп.) – Чучо – одна из уменьшительных форм имени Хесус (*Jesus*).

Baja California (исп.) – Баха Калифорния – Нижняя Калифорния, один из штатов Мексики, расположенный на Калифорнийском полуострове и граничащий с американским штатом Калифорния.

Yucatán (исп.) – Юкатан – полуостров в Центральной Америке; северную часть которого занимают мексиканские штаты Юкатан, Кампече и Кинтана-Роо (Ривьера Майя); юг относится к государствам Гватемала и Белиз.

tía (исп.) – тиа – тётя.

/Из книги: Literature Chicana, 1965–1995. An Anthology in Spanish, English, and Calo. New York and London: Garland Publishing, 1997. Pp. 473–476. /

Перевод с английского Татьяны Воронченко

ХЕЛЕН МАРИЯ ХАНТ ДЖЕКСОН (1830 – 1885)

Хелен Мария Хант Джексон – одна из популярных, признанных американских писательниц второй половины XIX века. Слава пришла к ней ещё при жизни: люди зачитывались её стихами, бытовыми очерками, путевыми зарисовками и назидательными романами. Однако, как и предсказывала сама писательница, самыми значимыми в её наследии стали произведения, написанные в защиту прав североамериканских индейцев.

Одной из таких работ является роман «Рамона», изданный в 1884 году. Книга стала бестселлером и впоследствии многократно переиздавалась. Тот факт, что за последнее время «Рамона» была издана в бумажном варианте в США трижды, в 2018, 2019 и 2021 годах, свидетельствует о сохранении читательского интереса к роману и его важности для изучения американской литературы. Произведение переведено на многие языки, с 1910 по 1936 год по нему было снято четыре фильма, написаны сценарии для нескольких театральных постановок. Книга легла в основу ежегодного фестиваля Ramona Outdoor Play («Рамона. Пьеса на открытом воздухе»), который с 1923 года и по сей день ежегодно проводится в Хемете, Калифорния. С 1887 по 1950-е годы множество туристов стекалось в Южную Калифорнию, чтобы посмотреть на «страну Рамоны». Этот интерес до сих пор не угасает.

В данном выпуске журнала «Переводчик» представлен перевод второй главы романа, в которой писательница с помощью своих героев вводит читателя в курс этнополитической обстановки в Калифорнии того времени

и красочно передаёт особенности местного колорита, которые, по словам Хелен Хант Джексон, «создают картину, которая соблазнит и покорит воображение читателя, заинтересует его в самом начале, заставит переживать за персонажей, и он, сам того не заметив, станет вникать в индейский вопрос всё глубже и глубже».

Елена Гладких

Глава 2. РАМОНА

Дом сеньоры Морено был в Калифорнии одним из лучших образцов среди себе подобных – типичных воплощений полу-варварской, полу-утончённой жизни, такой полной и свободной, которую вели знатные мексиканцы и мексиканки в начале нашего века под властью испано-мексиканских наместников, когда колониальные законы испанской короны всё ещё главенствовали на этой земле, а прежнее название местности Новая Испания вызывало у обитателей тёплые воспоминания и патриотические порывы.

Никогда уже этим солнечным берегам не посчастливится наблюдать столько эмоций и радостей, столько драматизма и романтики, сколько их было в то время в местной ярко расцвеченной жизни. Дух всего этого всё ещё витает там; промышленность и изобретения ещё не успели его уничтожить – он обязательно доживёт свой век до конца и не сможет быть полностью утрачен, пока здесь ещё стоит хотя бы один такой дом, как у Сеньоры Морено.

К моменту постройки дома генералу Морено принадлежала вся земля в радиусе сорока миль – сорок миль к западу, по долине прямо к морю; сорок миль на восток, в горы Сан-Фернандо; и добрые сорок миль вдоль побережья с небольшими погрешностями. Границы были определены не слишком строго; в те счастливые деньки не было нужды высчитывать землю с точностью до дюйма. Наверное, можно было бы спросить, каким образом генерал Морено завладел всей этой землей, и на этот вопрос было бы нелегко ответить. На него не было и не могло быть ответа, который бы удовлетворил Земельную комиссию Соединенных Штатов, которая после капитуляции Калифорнии была занята рассмотрением и согласованием прав на мексиканскую землю; и все эти передраги привели к тому, что теперь сеньора Морено называла себя бедной женщиной. У неё отбирали земли участок за участком; какое-то время казалось, что ей не оставят ничего. Все прошения, основанные на дарственных грамотах от губернатора Пио Пико, закадычного друга её мужа, были отклонены. Вся кипа документов была проигнорирована, у сеньоры в одночасье отняли большую часть её лучших пастбищ. Эти земли принадлежали миссии Бонавентуры, они пролегали вдоль побережья в устье долины, пересекая которую, ручей,

протекавший мимо её дома, впадал в море; сеньора чувствовала себя такой гордой и счастливой, когда в молодости сопровождала мужа в поездках по этим сорока милям, и всё это принадлежало им, всё – от дома до их собственной полоски берега. Неудивительно, что она считала американцев ворами и сравнивала их с гончими псами. Народ Соединенных Штатов так ни малейшим образом и не осознал, что овладение Калифорнией заключалось не только в завоевании Мексики, но и в захвате самой Калифорнии; что настоящую горечь капитуляции испытала не империя, отдавшая одну из своих земель, а сама эта земля, от которой отказались. Будучи беспомощными во власти великих держав, провинции переходили из рук в руки, испытывая на себе весь позор и унижение от поражения, не получая при этом ни одного преимущества или компенсации от совершаемых сделок.

Мексика извлекла немало хорошего из заключённого договора, несмотря на то что ей пришлось признать поражение; зато Калифорния потеряла всё. Невозможно описать словами горечь той потери. Чудо, что на этой земле вообще остался хоть кто-то из мексиканцев, и то это были те люди, которые были вынуждены это сделать.

К счастью для сеньоры Морено, её права на земли посреди долины оказались более вескими, чем на земли к востоку и западу, некогда принадлежавшие миссиям Сан-Фернандо и Бонавентура; и после того, как все прошения, встречные иски, петиции, апелляции и решения были представлены, она всё-таки осталась бесспорной владелицей участка, который любой чужеземец счёл бы прекрасным имением – однако обездоленной и негодующей сеньоре он казался жалким остатком такового. Более того, она утверждала, что несмотря на признание за ней прав на данную землю, она не чувствует себя в безопасности. По её словам, в любой день правительство Соединенных Штатов могло направить новую Земельную комиссию для проверки и отмены любых решений предыдущей. Кто однажды украл, навсегда останется вором. Никто не может чувствовать себя в безопасности под властью американцев. Никто не знал, что случится завтра; и год за годом морщины печали, обиды, беспокойства и неприятия впечатывались в быстро увядающее лицо сеньоры.

Она с невыразимым удовлетворением наблюдала за тем, как комиссары, призванные проложить дорогу вниз по равнине, сделали это позади её дома, а не перед ним. «Это хорошо, – сказала она. – Пусть они топают там, где им и место, позади наших кухонь, и никто, кроме друзей, пришедших к нам в гости, не увидит парадных дверей наших домов». Она всегда была довольна этим фактом. Всякий раз, когда она смотрела на проезжающие мимо фургоны или кареты ненавистных американцев, она испытывала осязаемое удовольствие от мысли, что дом повернулся к ним задом. Она и сама была бы не прочь вести себя так же; но, если она из политических или деловых соображений иногда была вынуждена поступаться

принципами, её старенький дом во всяком случае всегда выказывал своё презрительное отношение – демонстративно отвернувшись.

Вскоре после открытия дороги она доставила себе ещё одно удовольствие, – удовольствие, в котором религиозная преданность и расовый антагонизм были так тесно переплетены, что даже самый проникательный из священников озадачился бы расценить, был ли её поступок грехом или добродетелью. Она распорядилась установить на каждом из пологих округлых холмов, отвечающих за красивый ниспадающий пейзаж этой части долины, по большому деревянному кресту; ни один холм, видимый со стороны её дома, не остался без священного символа её веры. «Чтобы еретики, проходящие мимо, знали, что находятся в имени доброго католика, – говорила она, – и чтобы внезапный вид благословенного креста напоминал верующим о добродетели молитвы».

Так они и стояли на своих холмах, летом и зимой, в дождь и под солнцем, безмолвные, торжественные, воздетые, словно руки, к небесам, и становились ориентирами для многих путников, запомнившим указания, что им нужно повернуть налево или направо сразу за последним крестом сеньоры Морено, который просто невозможно не заметить. И никто не станет отрицать, что кресты нередко подавали внезапный знак какому-нибудь праздному сердцу, проезжавшему мимо и таким образом оправдывали благочестивую половину порыва сеньоры. Несомненно, что многие добрые католики, впервые увидев их в столь пустынном месте, резко выделяющиеся на фоне голубого неба, останавливались и крестились; ведь правда, что каждый, произнесший глядя на них короткую молитву, начинал чувствовать себя лучше?

Дом был глинобитный, низкий, с широкой верандой по трём сторонам внутреннего двора и одной ещё более широкой по всему фасаду, обращённому на юг. Эти веранды, особенно во внутреннем дворе, служили дому дополнительными комнатами. В них протекала большая часть семейной жизни. Внутри никто не сидел, за исключением случаев крайней необходимости. Вся кухонная работа, кроме самой готовки, выполнялась здесь, перед дверями и окнами кухни. Детей здесь укладывали спать и мыли, и на этой же веранде они пачкались и играли. Женщины здесь молились, дремали и плели свои кружева. Тут старая Хуанита чистила бобы, швыряя лузгу на кафельный пол, так что к вечеру вокруг неё накапливались такие горы, какие бывают в сезон чистки кукурузы. Здесь курили и дрессировали собак пастухи и погонщики; здесь молодые предавались любовной страсти, а старики – сновидениям; скамьи, стоявшие вдоль стен, были протёрты до дыр и блестели как атлас; плитка на полу была местами разбита, местами провалена, и в ней во время сильных дождей скапливались лужицы, служба дополнительной забавой для детей, приятной радостью для собак, кошек и домашней птицы – они шныряли вокруг, делая глоток то из одного, то из другого углубления.

Украшенная арками веранда вдоль фасада была восхитительна. Судя по тому, что с неё вели двери в пять больших комнат, она составляла не менее восьмидесяти футов в длину. Две западные комнаты были к ним пристроены и располагались на четыре ступени выше остальных – таким образом, этот конец веранды смотрелся как балкон или лоджия. Здесь сеньора выставляла свои цветы; большие красные кашпо, ручная работа индейцев из миссии Сан-Луис-Обиспо, стояли тесными рядами у стен, и в них всегда росли прекрасная герань, гвоздики и жёлтоцветный просвирник. Свою страсть к последнему сеньора унаследовала от матери. Наследие было так сильно, что её саму это иногда удивляло; и однажды, сидя с отцом Сальвьердерра на веранде, она сорвала горсть цветов и, отдав их ему, сказала: «Не знаю почему, но мне кажется, что, если бы я умерла, этот мускусный аромат оживил бы меня».

«Это у вас в крови, сеньора, – ответил старый монах. – Когда я в последний раз был в доме вашего отца в Севилье, ваша мать позвала меня к себе в комнату, а под её окном был каменный балкон, поросший мускусными цветами, которые так наполняли комнату своим благоуханием, что я едва не лишился чувств. Однако она сказала, что он излечивал её от болезней, а когда его не было, она заболела. Вы тогда были совсем крошкой».

«Да, – воскликнула сеньора, – я помню этот балкон. Я помню, как меня поднесли к окну, и я посмотрела вниз на жёлтые цветы, но тогда я не знала, что это такое. Как странно!»

«Нет. Ничего странного, дочь моя, – ответил отец Сальвьердерра. – Было бы странно, если бы ты не впитала в себя этот аромат с молоком матери. Матерям приличествует уделять таким вещам гораздо больше внимания, чем они уделяют обычно».

Кроме герани, гвоздик и просвирника в красных кашпо, веранда пестрела разнообразием вьющихся лиан, некоторые пробивались сквозь пол и обвивали колонны веранды; некоторые росли в больших чашах, подвешенных на верёвках к крыше веранды или установленных на полках у стен. Это были чаши из серого камня, выдолбленные и отполированные, блестящие снаружи и внутри. Они тоже были изготовлены индейцами, никто не знает, сколько веков назад, выдолблены и начищены этими терпеливыми созданиями, в распоряжении которых были лишь каменные инструменты.

Лианы пели с раннего утра до ночи: в них жили канарейки и зяблики сеньоры, по шесть штук тех и других, все из разных поколений и все выращены сеньорой. Она всегда держала у себя молодую птичью семью; в то время у всех, от Бонавентуры до Монтерея, считалось большой удачей заполучить канарейку или зяблика, выращенного сеньорой Морено.

Веранда выходила на заливные луга, а всё пространство до них было занято садом, апельсиновой и миндальной рощами; апельсиновая роща всегда радовала зеленью, белоснежными цветами и золотистыми плодами;

в саду и летом и зимой росли цветы; а ранней весной над миндальной рощицей колыхался навес из розовых и белых лепестков, который, если смотреть с холмов на противоположном берегу реки, выглядели так, как будто розоватые облака на рассвете упали и запутались в верхушках деревьев. По обеим сторонам уходили вдаль другие сады – персиковые, абрикосовые, грушевые, яблочно-гранатовые; а за ними простирались виноградники. Куда ни глянь с южной веранды сеньоры в любое время года – везде зелень, цветы или фрукты.

Широкая прямая дорожка, затенённая шпалерой, столь густо заросшая переплетённой виноградной лозой, что почти не было видно деревянной решётки, вела прямо со ступеней веранды через середину сада к ручейку у его подножия. По ту сторону ручья, в тени дюжины корявых старых ив, стояли широкие плоские каменные стиральные доски, служившие всей большой семье. Служанки, находясь так близко к сеньоре, наблюдавшей из верхней части сада, не могли позволить себе увильнуть от работы; если бы они только знали, как живописно они выглядели за своим занятием, стоя на коленях в траве, поднимая из воды промокшее бельё, натирая его о камни, поливая его, выжимая, брызгая чистой водой друг другу в лицо, они даже были бы рады своей каждодневной стирке, ведь на них сверху всегда кто-нибудь смотрел. Не проходило и дня, чтобы у сеньоры не было посетителей. В то время она ещё была известной личностью; её дом – привычным местом отдыха для всех путешествовавших по долине; и всякий, кто приходил, проводил всё свое время, сидя с сеньорой на солнечной веранде – если, конечно, не ел, не спал или не прогуливался по двору. Зимой редко выдавался достаточно холодный, а летом – достаточно жаркий день, чтобы загнать сеньору и её друзей в дом. На веранде стояли три резных дубовых стула и резная скамья, тоже из дуба, которые были переданы сеньоре на хранение верным старым ризничим из Сан-Луис-Рей во время оккупации этой миссии армией Соединенных Штатов вскоре после завоевания Калифорнии. Ошеломлённый кощунственным поведением солдат, расселённых в самой церкви и превращавших глаза и носы статуй святых в мишени ради забавы, ризничий украдкой, день за днём и ночь за ночью, вытаскивал из церкви всё, что он осмеливался оттуда вынести, закапывая одни предметы в зарослях тополей, другие пряча в своей бедной лачуге, пока священники не заполнили всё пространство. Затем, ещё более тайно, он отвозил их, по несколько за раз, на дне телеги, под кучей сена или хвороста, в дом сеньоры, которая была крайне польщена его доверием и приняла все предметы на священные поруки, с целью вернуть их церкви, когда миссии будут восстановлены, на что в то время все католики возлагали большие надежды. Так случилось, что ни одна спальня в доме сеньоры не обходилась без изображения или статуи святого или Мадонны; в некоторых было и то, и другое; а в маленькой часовне в саду алтарь был окружен внушительной сонмой фигур святых и апостолов, которые неко-

гда свысока смотрели на великолепные церемонии миссии Сан-Луис-Рей под руководством отца Пейри – теперь же не менее благосклонно, взирали на более скромные церемонии поклонения семьи сеньоры в её уменьшившемся поместье. Тот факт, что один потерял глаз, другой руку, что некогда блестящие краски драпировок теперь потускнели и истёрлись, только усиливал нежное благоговение, с которым Сеньора преклоняла перед ними колени, глаза её наполнялись слезами негодования при мысли о руках еретиков, совершивших такое осквернение. Набожный ризничий сохранил даже полуосыпавшиеся венки, возложенные на головы некоторых статуй во время последней церемонии в миссии, а сеньора заменила каждый из них, считая их лишь на толику менее священными, чем сами статуи.

Эта часовня была для сеньоры дороже, чем собственный дом. Её построил генерал на втором году их супружеской жизни. В нём были крестны её четверо детей, и из неё же все, кроме одного, её красавца Фелипе, отправились в последний путь, ещё во младенчестве. При генерале, когда поместье переживало свои лучшие времена и в его границах жили сотни индейцев, нередко по воскресеньям там можно было наблюдать сцену, подобную сценам в миссиях, – часовня, полная коленопреклонённых мужчин и женщин; не успевшие занять место внутри стоят на коленях на садовых дорожках; в конце службы отец Сальвьердерра, в роскошном облачении, медленно идёт по проходу, тесные ряды прихожан расступаются вправо и влево, чтобы пропустить его, все с нетерпением ждут его благословения, женщины преподносят ему фрукты или цветы и протягивают ему своих младенцев, чтобы он мог возложить руки на их головы. Никто, кроме отца Сальвьердерры, никогда не служил в часовне Морено и не слышал исповеди кого-либо с ранчо Морено. Он был францисканцем – одним из немногих оставшихся в стране; все попавшие под его влияние любили и почитали его столь безгранично, что готовы были ждать долгие месяцы заветной встречи в этой церкви, вместо того чтобы исповедать свои грехи или доверить свои терзания кому-либо другому. Эта глубокая привязанность индейцев и старейших мексиканских семей к францисканскому ордену послужила причиной ревностного отношения к ним со стороны позднее прибывших светских священников, хотя положению немногих оставшихся монахов теперь никто не завидовал. Ходили даже слухи, что им запрещалось по старинке ходить по стране и служить, где заблагорассудится; вроде как они были вынуждены ограничить свои труды работой в собственных колледжах в Санта-Барбаре и Санта-Инесе. Когда однажды что-то подобное было сказано в присутствии сеньоры Морено, её щеки зарделись, и, не успев взять себя в руки, она воскликнула: «Тогда я сожгу свою часовню!»

К счастью, никто, кроме Фелипе, не услышал опрометчивой угрозы, и его возмущённое восклицание привело сеньору в чувство.

«Я сказала опрометчиво, сын, – произнесла она. – Все должны подчиняться церкви, но отцы-францисканцы не несут ответственности ни пе-

ред кем, кроме настоятеля своего ордена, и никто в этой стране не наделён властью запрещать им передвигаться и служить всем тем, кто в них нуждается. Что касается этих приходящих каталонских священников, их я терпеть не могу. В жилах всякого каталонца течёт дурная кровь!»

Сеньора была так горячо привязана к францисканскому ордену по множеству причин. Серое одеяние и капюшон были знакомы ей с самого раннего детства и были частью того, что её учили считать самым священным и дорогим. Отец Сальвьердerra прибыл из Мексики в Монтерей на том же корабле, с которого её отец сошёл в качестве команданте Пресидио Санта-Барбара; а её самый любимый дядя, старший брат отца, был в то время настоятелем миссии Санта-Барбара. В её юности главными источниками глубоких чувств и романтики были в равной мере весёлая, захватывающая и красивая жизнь в Пресидио и церемониально-обрядная жизнь в миссии. Она считалась самой красивой девушкой во всей округе. Ею одинаково восхищались служащие армии, флота и служители церкви. Её имя произносили, поднимая бокалы, от Монтерея до Сан-Диего. Когда, наконец, Фелипе Морено, один из самых выдающихся мексиканских генералов, с помощью ухаживаний завоевал её сердце, у них состоялась самая роскошная свадьба из всех когда-либо виденных местными жителями. Правую башню миссионерской церкви в Санта-Барбаре только что достроили, и было решено, что её освятят одновременно со свадьбой, а столы для свадебного пира будут накрыты в длинном внешнем коридоре здания миссии. Пригласили всех соседей – и ближних, и дальних. Празднество продолжалось три дня; за стол мог сесть любой; песни, танцы, еда, напитки и веселье. В то время к востоку от миссии тянулись длинные улицы домов индейцев; перед каждым из этих домов стоял шалаш из зелёных ветвей. Были приглашены индейцы, а также старейшины из всех других миссий. Индейцы приходили группами, пели песни и приносили подарки. Когда молодожёны появились, индейцы Санта-Барбары выходили им навстречу, тоже пели, несли дары и разбрасывали семена на землю в знак приветствия. Все желали увидеть великолепно одетых юную сеньору и её жениха: когда они появлялись, их встречали дождём из семян, зёрен и цветов. На третий день, не снимая свадебных одежд и держа зажжённые свечи, они приняли участие в процессии вокруг новой башни вместе с монахами, которые пели и окропляли её стены благовониями и святой водой – такая церемония, по мнению всех набожных присутствующих, дала благословение союзу молодой пары, а также только что построенной башне. После этого они прошествовали в сопровождении нескольких помощников и офицеров генерала и двух отцов-францисканцев до Монтерея, останавливаясь по пути во всех миссиях, и в каждой их встречали тепло и гостеприимно.

Генерала Морено горячо любили и в армии, и в церкви. Между военными и церковными властями нередко случались стычки, в которых он, будучи одинаково благочестивым восторженным католиком и ревностным

воодушевлённым солдатом, имел счастье оказывать существенную помощь каждой стороне. Индейцам его имя было так же хорошо знакомо: они слышали его многократное упоминание во время публичных благодарений в церквях миссии после очередной его значимой помощи отцам то в Мексике, то в Монтерее. И теперь, взяв себе в жены дочь известного офицера и племянницу настоятеля из Санта-Барбары, он вновь связал себя с двумя господствующими силами и интересами страны.

Когда они добрались до Сан-Луис-Обиспо, всё индейское население вышло им навстречу, а падре шёл впереди. По мере того, как они приближались к дверям Миссии, индейцы подбирались всё ближе и ближе, потом совсем близко, они схватили лошадь генерала за голову и, наконец, чуть ли не силой заставили его позволить посадить себя в покрывало, высоко поднятое двадцатью сильными мужчинами; и таким образом его понесли вверх по лестнице, через коридор в покои падре. Хотя это и смотрелось довольно нелепо и недостойно, генерал подчинился со всем добродушием.

«Да пусть несут, если хотят, – со смехом обратился он к падре Мартинесу, который пытался успокоить индейцев и удержать их. – Пусть несут. Беднягам приятно».

Утром перед их отъездом добрый падре, исчерпав все средства для развлечения своих почётных гостей, приказал прогнать по коридорам для осмотра всю домашнюю птицу, принадлежавшую миссии. Процессия шла час. Музыкальное сопровождение состояло из писка, кудахтанья, шипения, хрюканья, кукареканья, криканья птиц в сочетании с криками, руганью и щёлканьем кнутом возбуждённых индейских погонщиков. Сначала шли индюки, потом петухи, потом белые куры, потом чёрные, потом жёлтые, потом утки, а завершал процессию длинный караван гусей: одни переваливались с важным видом, другие почти летели и шипели от негодования и страха перед непривычным принуждением, которому они подвергались. Всю предыдущую ночь индейцы усердно трудились, отлавливая, сортируя, группируя и учитывая статистов своего необычного театрализованного представления. Можно с уверенностью сказать, что подобного зрелища никогда не видели и никогда не увидят ни на побережье Тихого океана, ни где-либо ещё. Смотря на него, генерал и его невеста чуть не умерли со смеху, и впредь генерал не мог вспоминать об этом событии без искреннего веселья.

В Монтерее их принимали ещё более пышно; в Пресидио, в миссии, на испанских, мексиканских и русских кораблях, стоящих в гавани, проводили балы, танцы, бои быков, обеды – красивую и обворожительную молодую невесту окружили всеми праздничными традициями, известными в этих землях. Красавицы всего побережья, прямиком от Сан-Диего, собрались в Монтерее, чтобы повеселиться, но ни одна из них ни на толику не могла сравниться с ней. Это было началом жизни сеньоры в качестве замужней женщины. Ей тогда было всего двадцать. Но уже в то время вни-

матерный наблюдатель мог заметить за радостной улыбкой, смешинкой в глазах и весёлым голосом взгляд – задумчивый, нежный, серьёзный, временами восторженный. Этот взгляд отражал собой её едва пробудившиеся качества, которые, по мере многолетнего выработывания характера и сгущения бурных жизненных событий, превратили её в непоколебимую соратницу мужа-солдата и страстную поборницу церкви. Шли войны, восстания, революции – испанские, мексиканские, гражданские, церковные, а её позиция, её хладнокровие оставались прежними. Она просто становилась всё более и более гордой, страстной испанкой-морено; всё более стойкой и пламенной католичкой и поклонницей францисканцев.

В разгар разорения и разграбления миссий, вследствие закона о секуляризации, она несколько лет была почти на грани. Не раз она отправлялась в путешествие, порой отнюдь не безопасное, в Монтерей, чтобы побудить префекта миссий к более энергичным действиям, упросить правительственные власти вмешаться и защитить церковное имущество. Во многом благодаря её красноречивым мольбам губернатор Микельторена издал свой бесперспективный приказ о возвращении церкви всех миссий к югу от Сан-Луис-Обиспо. И этот приказ стоил ему политического поста, а генерал Морено был тяжело ранен в одной из стычек, вследствие которой Микельторена изгнали из страны.

Жестоко униженная, сеньора без лишних слов в очередной раз вылечила мужа и решила больше не вмешиваться в дела своей несчастной земли и ещё более несчастной церкви. Год за годом она видела, как неуклонно разоряются миссии, как их огромные владения испаряются, словно роса на солнце, в руках бесчестных управителей и политиков, как церковь бессильна в своей борьбе с беспринципной жадностью в высших эшелонах власти, её любимые отцы-францисканцы изгоняются из страны или умирают от голода на своих постах, она подчинилась тому, что, как она была вынуждена признать, являлось непостижимой волей Бога. В каком-то смущённом смирении она ждала новых грядущих страданий, способных в полной мере обрушить на головы правоверных все наказания, которые они по какой-то таинственной причине должны были терпеть. Но когда за всем этим смятением и унижением её церкви последовали смятение и унижение её страны в войне, сопровождаемые близкой и очевидной опасностью того, что землёй завладеет англоязычный народ, весь потухший внутренний огонь сеньоры вспыхнул с новой силой. Твёрдыми руками она вставила меч мужа в ножны и с сухими глазами проводила его на бой. Жалела она только об одном – о том, что она не была ещё и матерью сыновей, готовых сражаться.

«Если бы ты был мужчиной, Фелипе, – восклицала она снова и снова тоном, который ребенок так и не смог забыть. – О, если бы ты был мужчиной, ты бы отправился воевать с этими чужеземцами!»

Любой народ под этим солнцем был бы для сеньоры менее ненавистен, чем эти американцы. Она презирала их в детстве, когда они приходили что-нибудь продать то в один пост, то в другой. И она пронесла презрение к ним через всю жизнь. Мысль о том, что ей придётся вести войну с этими торговцами, казалась ей слишком чудовищной и невероятной. Поначалу она не сомневалась, что в противостоянии победят мексиканцы.

«Что! – кричала она. – Неужели нас, завоевавших независимость от Испании, побьют эти торгоши? Это невозможно!»

Когда тело её мужа, убитого в последнем бою мексиканских войск, принесли к ней домой, она холодно сказала: «Для него умереть – лучше, чем увидеть свою страну в руках врага». И она почти испугалась самой себя, когда осознала, как эта мысль, поселившись в сознании, убила горе в её сердце. Она думала, что не сможет жить, если у неё отнимут мужа, но она часто радовалась тому, что он умер, радовалась, что ему не пришлось видеть и узнать о том, что произошло; и даже томительная нежность, с которой её воображение рисовало его среди святых, часто превращалась в яростное недоумение: а не наполняется ли его душа даже на небесах негодованием при виде того, как обстоят дела в стране, ради которой он умер?

Из всех этих мук и родилась вторая натура сеньоры Морено: молчаливая, сдержанная, суровая, неумолимая женщина, которую знали те, кто познакомился с ней, когда ей было уже за шестьдесят. От весёлой, нежной, сентиментальной девушки, плясавшей и смеявшейся с офицерами, молившейся и исповедовавшейся у святых отцов сорок лет тому назад, мало что осталось в этой тихой, седой, молчаливой, не улыбочивой старухе со спокойным выражением лица, которая ловко манипулировала то своим сыном, то своим старшим пастухом, чтобы устроить так, чтобы горстка индейцев могла лишний раз исповедаться в своих грехах францисканскому монаху в часовне Морено.

(Из книги Helen Jackson (H. H.) “Ramona: A Story”. – Boston: Roberts, 1884, – 490 p.)

Перевод с английского Елены Гладких

КСЕНИЯ РАЗДОБРЕЕВА

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ НАЗВАНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Перевод произведений русской литературы на китайский язык и произведений китайской литературы на русский язык всегда оставался одним из актуальных аспектов культурного взаимодействия двух стран.

Название произведения – важнейший компонент текста, находящийся вне основной его части и занимающий абсолютно сильную позицию в нём, обладающий краткостью, интертекстуальностью, единством, информационной недостаточностью и смысловой неоднозначностью. Российские филологи рассматривают его как аббревиатуру смысла всего текста и отражение собственно авторской интерпретации [4, с. 117]. Так, В. С. Модестов отмечает, что «в заглавии кроется порой ключ к пониманию всего текста, вне зависимости от жанра. Кроме того, заглавие – это художественный образ произведения, его визитная карточка, а с точки зрения книжной торговли, еще и реклама «товара» [3, с. 129].

Китайские исследователи также придают важное значение названию произведения, сравнивая его с губкой, которая «при погружении в воду, приобретает насыщенность и содержательность»¹. В частности, профессор Юй Цзяньхуа определяет название как ключ к понимаю темы произведения [6]. Перевод названия литературного произведения связан с некоторыми трудностями, вызванными необходимостью учёта тех характеристик исходного языка, которые демонстрируют определенные функциональные и содержательные различия, и в этой связи требующих высокого профессионализма переводчика во владении языком оригинала и перевода, культурно-фоновыми знаниями, а также глубокого понимания содержания произведения.

Для решения данной переводческой проблемы важно учитывать закономерные особенности функционирования названия произведения, заключающиеся в том, что название может содержать основную тему и

¹ Досл.: 标题视为没有放入水中的海绵 — 一旦放入水中, 将变得丰富有内涵 см.俄罗斯文学论文 // 学术堂. 2020 年 04–10 <http://www.xueshutang.com/shijiewx/155194.html>.

называть главного героя произведения, выделять сквозной образ текста, выражать видение автора изображаемых в произведении событиях, устанавливать контакт с адресатом текста [4, с. 118–119]. Следовательно, при переводе названия важно сохранить его художественную значимость, как в контексте понимания содержания произведения, так и с точки зрения полноты заключённого в название смысла. С этих позиций можно говорить о следующих, актуальных для художественных текстов и их названий, критериях перевода:

Достижение эквивалентности (кит.: 等值性) при переводе названия предполагает тождество его структуры на исходном и переводящем языках, которое может стать основой для полной передачи заложенного в название произведения смысла без каких-либо искажений. Примерами такого перевода могут служить точно воспроизводящие исходную структуру названия романа-эпопеи М. А. Шолохова «Тихий Дон» – 《静静的顿河》, романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» – 《罪与罚》 или романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» 《父与子》.

Адекватность в переводе названий литературных произведений (кит.: 严肃性) подразумевает исключение искажения заключённого в нём смысла. Так, например, название романа Л. Толстого «Воскресение», подразумевающее в воскресении воскрешение человеческой души никак не может переводиться дословно, единственным уместным и точным в содержательном контексте данного романа переводом названия является 《复活》.

Достижение точности перевода (кит.: 准确性) может вызывать затруднения в том случае, когда для понимания сути названия литературного произведения необходимо исходить из его функционального предназначения, то есть принимать во внимание значение названия в контексте всего произведения. В таком случае наиболее сложным является перевод названия, выраженного отдельным словом или словосочетанием. Примером может послужить перевод названия приключенческого романа В. Каверина «Два капитана» – в китайской литературной традиции – 《大尉和船长》. Слова 大尉 и 船长 имеют почти одинаковое значение «капитан», однако, если принимать во внимание контекст произведения, становится понятно, что китайское название подчёркивает вид деятельности главных героев, один из которых, Илья Татаринов, является капитаном шхуны «Святая Мария», что отражено в названии как 船长, другой герой – Саня Григорьев – имеет звание капитана, поэтому в переводе употреблено 大尉.

Литературная эстетика (кит.: 审美性) – это создание художественной концепции, передача эстетического компонента информации, воплощение литературной художественности посредством тех или иных языковых средств. Перевод названия литературного произведения не должен быть простым подражанием или копированием. Чжан Цзяньго отмечает, что при

переводе названий русских литературных текстов можно использовать традиционные четырехсложные или семисложные выражения, особым образом подчёркивающие характерные для китайского языка выразительность и структурную ритмичность¹. Так название рассказа В. Короленко о жизни эмигрантов в Америке «Без языка» было переведено на китайский язык посредством четырёхсложной фразеологической единицы «哑口无言» (досл.: лишиться дара речи, не найтись, что сказать).

Данные критерии являются основополагающими при переводе названий литературных произведений. Далее более подробно рассмотрим перевод названий современных русских произведений², оценим то, как переводчик смог передать эти названия и какие способы и методы перевода он использовал, какие критерии были учтены. Например, для передачи некоторых названий используется прямой перевод: «Записки чудака» – «怪人笔记»³, «Солнце сияло» – «阳光闪耀»⁴ или «Мысленный волк» в переводе – «臆想之狼»⁵. Как правило, такой способ перевода возможен при отсутствии в названии социально-культурных реалий или конфликта между формой и содержанием. Также стоит отметить, что данные переводы названий соответствуют всем четырём критериям, описанным выше, при этом для них характерна свойственная китайскому языку выразительность и ритмичность.

Для передачи лаконичного названия романа Дмитрия Глуховского «Текст», вследствие смысловой недостаточности при прямом переводе, переводчику потребовалась не просто смысловая адаптация, а замена названия в соответствии с содержанием произведения и его главной темой – «活在你手机里的我»⁶ (дословно «Я тот, кто живёт в твоём телефоне»). В данном случае большую значимость приобретает контекст содержания произведения, повествующего о том, что мобильный телефон становится таким предметом, где может уместиться вся жизнь человека.

¹ 张建国, 吴海波“俄罗斯文学作品标题翻译刍议”// 兰州大学学报(社会科学版)第38卷综合专辑。2010年10月。149–150页。

² Примеры названий были взяты из перечня номинантов на премию за лучший перевод русских литературных произведений, переведенных в период с 2018 по 2019 г. в рамках «Российско-китайской литературной дипломатии», см. <http://news.yunnan.cn/system/2020/09/27/031002321.shtml>.

³ Андрей Белый «Записки чудака» (перевод Вэнь Юйся, опубликовано издательством «Народная литература» провинции Сычуань).

⁴ Анатолий Курчаткин «Солнце сияло» (перевод Чжао Гуйляна, опубликовано издательством Восточно-китайского педагогического университета).

⁵ Алексей Варламов «Мысленный волк» (перевод Гу Синя, опубликовано Пекинским издательством «Октябрьская литература и искусство»).

⁶ Дмитрий Глуховский «Текст» (перевод Ли Синьмэя, опубликовано издательством «Народная литература»).

Несмотря на сохранение переводчиком лексико-грамматических особенностей оригинального названия романа «Дети мои» Гузели Яхиной, в переводе название утратило свою эмоционально-экспрессивное содержание, заложенное в исходном словосочетании 《我的孩子们》¹ (досл.: мои дети). поскольку названием данного романа послужила фраза призывно-побудительного характера: «*Дети мои! Принимаю вас под отеческое крыло наше!*», который не нашёл отражения в переводе. Поэтому название-перевод стало обладать более нейтральной стилистической окраской.

Функциональная значимость названия произведения предусматривает активизацию восприятия читателя и направление его внимания к дальнейшему изложению, выражение основной темы текста и определение его важнейших характеристик, а также эмоциональное взаимодействие, достигаемое посредством различных средств языковой выразительности. Иными словами, перевод заглавий невозможен без осмысления текста, понимания его смысловых доминант и функции, которые несёт это название.

Выбор стратегии перевода названий китайских литературных произведений на русский язык обусловлен не только необходимостью соблюдения основных критериев перевода, но и необходимостью прагматической и социально-культурной адаптации текста. Современные китайские авторы обращаются к широкому спектру вопросов, что находит отражение в названиях произведений. Для изучения возможных эффективных решений в переводе названий художественных произведений целесообразно обратиться к функциональной направленности названий китайских литературных произведений².

Использование для перевода названия романа Мао Дуня 《回忆录》³ лексических единиц «воспоминания» или «мемуары» оказалось недостаточным, с точки зрения художественной выразительности, поэтому переводчик применил описательный перевод – «Путь, мною пройденный», подчеркивая автобиографический характер произведения.

Поскольку роман Ван Аньи⁴ имеет отсылки к одноименной танской поэме, рассматривалось несколько вариантов перевода данного названия: «Вечная память» (нерифмованный перевод Л. З. Эйдлина) и «Песнь о бесконечной тоске» (перевод Б. А. Васильева). Переводчик объясняет выбор названия 《长恨歌》 двумя факторами: во-первых, в оригинале присутствует обозначение жанра 歌 (песнь); во-вторых, иероглиф 恨, который определяет общий смысл названия, совмещает значения «ненависть» и «раска-

¹ Гузель Яхина «Дети мои» (перевод Чэнь Фана, опубликовано Пекинским издательством «Октябрьская литература и искусство»).

² Была использована подборка ТАСС основных произведений современной прозы Китая, см.: <https://tass.ru/kultura/3704707>

³ Мао Дунь «Путь, мною пройденный» (перевод Е. Серебрякова).

⁴ Ван Аньи «Песнь о бесконечной тоске» (перевод М. В. Семенюк).

яние», что ближе всего подходит к ассоциирующейся с горечью, описанной автором «тоске» [1, с. 752].

Перевод названия романа Лю Чжэньюня 《吃瓜时代的儿女们》¹ вызвал трудности, поскольку слово 吃瓜 выступает в значении «наблюдать, не имея отношения к вопросу; ротозейничать» (досл.: есть семечки). В названии «Дети стадной эпохи» переводчику удалось адаптировать название, сохраняя все важные смысловые компоненты в соответствии с правильно расшифрованными культурно-значимыми элементами.

Название романа Мо Яня 《红高粱家族》² (досл.: клан/род красного сорго) представляет литературный образ, где гаолян (сорго) выступает в качестве символа семейного дела, объединяющего поколения. Поэтому переводчик применил такой прием трансформации как опущение, так как в случае дословного перевода название характеризовалось бы лексической избыточностью и представляло бы трудности в понимании.

При переводе названия романа ШэньШиси 《狼王梦》³ «Мечта стать волчьим королём» переводчик опустил компонент 王 (король), который указывал не на саму волчицу, а на её сына, из которого она (волчица) мечтала вырастить идеального правителя. Таким образом, переводчик, прибегая к лексическому обобщению, сделал его более содержательным и семантически наполненным.

Более подробно, на наш взгляд, следует остановиться на переводе названий произведений одного из самых влиятельных писателей современной литературы Китая и приверженца «галлюцинаторного реализма» – Мо Яня. Всё его творчество пропитано магическим и вымышленным и в то же время действительным и обыденным, в его произведениях изображена жизнь китайского народа, китайская специфика его культуры и нравов, бесконечное чередование комичного и трагичного, что непременно находит своё отражение в названии. Именно совокупность этих особенностей стала основополагающим для того, чтобы переводчик сделал выбор в пользу дословного перевода. Например, «Сорок одна хлопущка» 《四十一炮》, «Лягушки» 《蛙》, «Прозрачная красная редька» 《透明的红萝卜》, «Страна вина» 《酒国》, «Устал рождаться и умирать» 《生死疲劳》 переведены посредством прямого перевода для того, чтобы подчеркнуть присущий произведениям Мо Яня магический реализм, символизм и образность. Так, в романе «Лягушки», посвящённом регулированию рождаемости в Китае, в названии присутствует главная тема произведения, выражаемая гротескным образом лягушек, которые являются воплощением материально-телесного начала, символизирующего жизнь и её преумножение.

¹ Лю Чжэньюнь «Дети стадной эпохи» (перевод О. Родионовой).

² Мо Янь «Красный гаолян» (перевод Н. Власовой).

³ ШэньШиси «Мечта волчицы» (перевод О. Решетняк).

Помимо основного, закреплённого в русской литературе названия романа «Устал рождаться и умирать», также имеет право на существование название «Колесо мучительных перерождений», предложенное И. Егоровым. В данном названии более чётко выделена тема произведения, связанная с перерождением бывшего землевладельца в телах шести животных до тех пор, пока он не освободится от круговорота рождений и смертей. Именно это особо подчёркивается во втором названии путём добавления слова «колесо», органично вписывающегося в контекст романа. Однако если говорить с точки зрения того, что название является «рекламой» произведения, перевод «Устал рождаться и умирать» является более привлекательным для российского читателя в силу лаконичности и яркой идейно-смысловой образности. Рассмотренные переводы названий современного китайского писателя Мо Яня также наглядно демонстрируют важность владения социально-культурной составляющей при переводе и определения функции в произведении, особенности его формы.

Таким образом, при рассмотрении примеров перевода названий произведений русской и китайской литературы на китайский и русский языки переводчиками были использованы такие переводческие стратегии, как прямой перевод, трансформация путём опущения, лексико-грамматическая трансформация (описательный перевод) и полная лексико-грамматическая замена. При этом при переводе названий как русской, так и китайской литературы доминантой является сохранение смысла и функции, которые несёт в себе название, а это предполагает взаимодействие двух культур и языков, осуществляется лингвистическая и культурная трансляция оригинала названия, его адаптация в среде культуры, которой принадлежит язык перевода.

Перевод названий предполагает полное понимание и осмысление произведения, его тематики, в соответствии с которыми переводчик выбирает ту или иную стратегию. Также важно учитывать и переводческие критерии: эквивалентность, точность, адекватность. Равным образом при переводе играет большую роль и эстетика, поскольку, входя в состав другой культуры, иноязычное и инокультурное порождает в ней возможности и становится источником эстетического наслаждения, что является одним из главных требований к качественному переводу названий художественных произведений.

Литература:

1. Кобзев А. И., Орлова Н. А. «Песнь о бесконечной тоске» в стихах и прозе: о поэме Бо Цзюй-и и романе Ван Ань-и // Институт востоковедения РАН № 2/2018. – СС.749–758.

2. Куликовская Е. В. Переводческие стратегии, тактики и приёмы при переводе заглавий // Международный научный журнал «Символ науки» № 07/2017. – СС. 47–48.
3. Модестов В. С. Художественный перевод: история, теория, практика. – М.: Издательство Литературного института им. Горького, 2006. – 463 с.
4. Николина Н. А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
5. «Страна вина», «Небесный ковш» и «Мечта волчицы»: современная проза Китая // ТАСС (подборка), 14.10.2016 [Электронный ресурс] URL:<https://tass.ru/kultura/3704707>
6. 上外教授谈外国文学作品标题翻译 //上海教育新闻网, 2013年03月18日[Электронный ресурс] URL: <http://www.chinawriter.com.cn/2013/2013-03-18/157053.html>.
7. 小云 (责任编辑) 7 部俄罗斯文学作品汉译本入围“俄中文学外交”翻译奖 // 人民网-国际频道, 2020年09月27日[Электронный ресурс] URL:<http://news.yunnan.cn/system/2020/09/27/031002321.shtml>.
8. 张建国, 吴海波“俄罗斯文学作品标题翻译刍议”// 兰州大学学报 (社会科学版) 第38卷综合专辑. 2010年10月. 149–150页.
9. 万老师, 俄罗斯文学论文 // 学术堂. 2020年410日[Электронный ресурс] URL:<http://www.xueshutang.com/shijiewx/155194.html>.

ДМИТРИЙ ДАЛЫЗИН

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ

(на материале китайского языка)

Под термином в лингвистике понимается слово или словосочетание, выступающее как единство звукового знака и связанного с ним понятия в системе понятий данной области науки и техники. Термины отличаются высокой информативностью, точностью, однозначностью и экспрессивной нейтральностью [1]. Существует множество классификаций терминов по различным признакам, например, по объекту названия, т. е. распределение терминов по областям деятельности: научные, технические, политические, экономические и др. С ней перекликается классификация В. С. Виноградова, который говорил о существовании общенаучных, межотраслевых и конкретно-научных терминов [2]. Под общенаучными понимаются те термины, которые употребляются почти во всех отраслевых терминологиях; межотраслевые термины – это термины, которые применяются в смежных областях науки; узкоспециальные термины употребляются только в кон-

кретной области. [3] Такие классификации могут применяться к различным языковым системам.

Исследование терминологии является сегодня одним из наиболее существенных направлений лингвистических исследований как китайских, так и российских учёных. Изучение китайской терминологии обусловлено интересом к процессам формирования, развития и функционирования терминов. Современное развитие науки и техники, компьютеризация всех областей деятельности, активная интеграция Китая в систему мировой экономики вызвали радикальную перестройку понятийного аппарата многих научных дисциплин и возникновение новых отраслей знания. Особенностью терминологической лексики китайского языка является специфичность связи её единиц с понятиями и именуемыми объектами. К проблеме специальной лексики в общей теории терминологии обращаются А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева, чьи труды легли в основу терминологической школы, сложившейся в Хэйлунцзянском университете [4]. В Китае также существует Всекитайский комитет научно-технической терминологии, который ведёт работу по стандартизации терминов во всех сферах народного хозяйства [5].

При переводе китайских текстов на русский язык, содержащих термины, возникают определённые трудности, сопряжённые с тем фактом, что в китайском языке многие термины образуются от иностранных слов чаще всего двумя следующими способами. Первый из них – калькирование, стал основой для названий элементов таблицы Менделеева: 氖 nǎi – неон, 钅门 mén – менделевий, 砷 ài – аstat и т. д. Важно заметить, что, помимо схожести звучания, иероглифы содержат детерминативы 气 – газ, 石 – камень, 金 – металл, что указывает на характерные свойства данных элементов. Второй способ образования терминов – прямой перевод. Так образуются, например, названия наук (физика в китайском языке – это наука о законах вещей 物理学 wùlǐxué, оптика – наука о свете 光学 guāngxué и т. п., исключением здесь является топология 拓扑学 tuòpǔxué, этот термин образован калькированием греческого слова τόπος – место) и огромное количество единиц различных терминосистем, например, 天秤币 tiānchèngbì – либра (криптовалюта) (от лат. Libra – весы) и др. [6].

Термины являются одной из трудностей при переводе специальной и научно-популярной литературы, поскольку многие новые термины не имеют аналогов в китайском языке и отсутствуют в словарях. Другой причиной является то, что некоторые термины китайского языка функционируют в разных отраслевых текстах, часто в переносном значении. Например: основное значение слова 挖矿 wākuàng – добыча руды, однако в пред-

ложении 其他数字货币是通过某种形式（如计算机挖矿）产生 данный термин, употребляется в переносном значении *майнинг* (досл.: добыча криптовалюты). Или, другой пример, 票 *piào* – *билет, акция* в контексте предложения 每 1000 万美元获得一票 (досл.: за каждый миллион долларов (инвестор) имеет право получить один голос), будет обозначать голос или бюллетень для голосования, но по узкому контексту это понять довольно сложно, для выбора соответствия требуется понимание более широкого содержательного контекста и специализированных фактов данной сферы деятельности.

Кроме того, определённую трудность для поиска лингвистического контекста, аккумулирующего функционирование термина, является перевод многосложных предложений, в рамках которых не всегда можно определить грамматическую функцию терминологической единицы, к этому добавляется разница в связи между морфемами в китайском и русском языках, проблема разграничения слова и словосочетания в китайском языке, а также непонимание узких терминологических значений и пределов их сочетаемости. Для решения трудностей такого порядка важно проанализировать возможные варианты перевода всех составляющих, лингвистический контекст употребления той или иной терминологической единицы. Важным подспорьем при этом может стать расширение фоновых знаний переводчика и изучение материала по теме как на языке перевода, так и на языке оригинала.

При работе с материалами, описывающими сущность и значение криптовалюты *Libra*, выпущенной в 2016 году компанией «Facebook», были обнаружены некоторые трудности, решение которых требовало расширения фоновых знаний. Так, в предложении 脸书公司 (Facebook) 2019 年 6 月发布白皮书, 宣称要创造一种新型的加密货币 употребляется лексическая единица 白皮书 *báipíshū* – *белая книга*, обозначающая справочный документ, объясняющий политику или новый технологический процесс. Или, другой пример, термин 一篮子货币 *yīlánzi huòbì*, употреблённый в предложении: 第一, 它的币值是和一篮子货币挂钩的, казалось бы, по правилам китайской грамматики переводится как числительно-предметный комплекс *одна корзина валюты*, но на самом деле обозначает валютную корзину – набор валют, образованный с целью установления курса одной валюты по отношению к другим. Следовательно, в процессе перевода необходимо изучать материал по теме для лучшего понимания содержания и более успешного выбора переводческого соответствия. Без этого способа также не понять смысл иностранных терминов, которых нет в словарях,

например, 标普 500 指数 – индекс 500 компаний Standard & Poor, то есть фондовый индекс, включающий пятьсот пять акций пятисот компаний США.

Установление лексико-грамматических связей между словами затрудняется невыраженностью в китайском слове его грамматического значения, а значит, невозможностью определения узкого и более широкого контекста его употребления. Например, перевод словосочетаний 科学稳健 把握宏观政策逆周期调节力度 (досл.: с научной точки зрения постепенно разобраться в важности контрциклического регулирования макроэкономической политики) может быть затруднён и наличием многозначных лексических единиц нетерминологического порядка (科学 – наука или научный, 稳健 – сильный, уверенный, умеренный, осмотрительный, 把握 – хватать, контролировать, понимать, 宏观政策 – макрополитика (в данном контексте экономическая), 逆周期 – антициклический, 调节 – регулировать или регулирование и 力度 – сила, динамика, интенсивность), а также отсутствием грамматических показателей атрибутивности и т. д.

На основе проделанной работы и полученного опыта можно выделить несколько способов перевода терминов. Наиболее эффективным, на взгляд автора, является глубокий анализ структуры исходного предложения, верное установление лексико-грамматических связей между его элементами, вычленение терминов и поиск их значений на основе узкого контекста их функционирования. Неотъемлемым условием является изучение соответствующего дополнительного материала на русском или английском языках при его наличии. Однако этот метод в основном хорош при переводе текстов по более общей тематике, потому что материалов о политике и экономике самого Китая на других языках очень немного.

Литература:

1. Г. Г. Хакимова «Термин как лингвистическая единица, термин в рамках теории терминополья», 2013, [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-kak-lingvisticheskaya-edinitsa-termin-v-ramkah-teorii-terminopolya/viewer>
2. А. А. Зубкова «Термин как особенная лексическая единица (на материале предметной области «логистика»)», 2016: [Электронный ресурс] Режим доступа URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/40798/1/avfn_2016_22.pdf
3. Общенаучная, межотраслевая и узкоспециальная терминология – Studbooks.net: https://studbooks.net/40661/dokumentovedenie/obschenauchnaya_mezhotraslevaya_uzkospetsialnaya_terminologiya [Электронный ресурс]

4. О. Р. Очиров «Терминология современного китайского языка», 2009: [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terminologiya-sovremennogo-kitayskogo-yazyka>
5. О. Р. Очиров «Становление китайского терминоведения: традиции и современность», 2013, [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-kitayskogo-terminovedeniya-traditsii-i-sovremennost>
6. М. В. Рубец «Семантика научной терминологии в китайском языке (на примере терминов физики элементарных частиц). Когнитивный аспект», 2015: [Электронный ресурс] Режим доступа URL: https://iphras.ru/uplfile/orient/atomism_and_world_culture/rubets_2.pdf

НИКОЛАЙ ВОРОПАЕВ

МОЙ КИТАЙСКИЙ ДИРЕКТОР ЛЮ, ИЛИ ВАГОН КРУГЛЯКОМ ЗАГРУЗИТЬ – ЭТО ТОЖЕ ИСКУССТВО (Записки переводчика с китайского)

В конце 2000 года, через два года после окончания вуза, стремление активно работать переводчиком привело меня в китайскую фирму, которая отправляла лес-кругляк из Томска в Китай.

Директором фирмы оказался господин Лю – очень харизматичный, седовласый, бывший высокопоставленный офицер Народно-освободительной армии Китая, с зычным командирским голосом и, как выяснилось позже, непростым боевым и авантюрным характером. Ему пришлось уволиться из армии и уйти в бизнес, так как он не подчинился приказу вышестоящих органов и позволил жене родить трёх сыновей, нарушив тем самым правила государственной политики по ограничению рождаемости, которая активно проводилась в те годы в Китае.

После краткого собеседования он принял меня на работу своим личным переводчиком и помощником.

Директор был очень деятельным и активным человеком, до такой степени, что, поверив в легенды о брошенных в советские времена в тайге во время пожара и обрушения земляных гаражей тракторах и прочей технике, предпринял экспедицию на север Томской области в посёлок Катайгу (находится в около 600 километрах на северо-восток от Томска) с целью отыскать эту технику и восстановить её силами Асиновского трактороремонтного завода. Он планировал арендовать деляну и сам валить лес своей техникой, чтобы не зависеть от ненадёжных российских поставщиков, многие из которых к тому же валили лес не всегда легально.

Стремление найти хороший лес заводило директора и, соответственно, меня даже в такие места как Золотушка – это деревня в Томской области, которую упразднили, и было страшно находиться там, где окна брошенных добротных домов зияют пустотой и единственный житель села, лесничий или егерь, который нас принимает и не совсем адекватен, вдруг начинает угрожать нам ружьём. Чудом уносим оттуда ноги.

Что касается Катайги, то в 2018 году А. В. Дубинцом снят документальный фильм: Катайге – 50 на YouTube. Советую его посмотреть.

И вот в середине января 2001 года мы на старых жигулях вчетвером (директор, я, российский инженер-консультант на пенсии из Асино и водитель-китаец, по фамилии Чжао) отправились в Катайгу. То, что мы съездили и вернулись оттуда, можно считать большой удачей, так как для Чжао это был первый опыт управления автомобилем в условиях русской зимы, один раз мы чуть не улетели с обрыва, а при подъезде к Катайге уже ближе к ночи при выборе в тайге правильной дороги из трёх возникших два раза ошиблись. Повезло, что быстро появлялись навстречу ещё какие-то машины, лесовозы, и мы вовремя спрашивали и узнавали, что едем не по той дороге. В Катайге мы провели дней пять, жили в здании сплавной конторы, было интересное общение с местными жителями. Они сообщили нам, что уже давно и особенно в 1990-е годы всё стоящее, что оставалось в тайге, было найдено и использовано в хозяйстве вплоть до последнего болтика.

На обратную дорогу нам не хватило бензина, и опять большое везение – начальник мостостроительного отряда в деревне Степановка приютил нас, устроил в честь китайского товарища банкет и залил нам полный бак бензина. Переночевав на базе мостостроителей, мы благополучно вернулись в Томск.

Экспедиции в Катайгу и Золотушку окончилась ничем, но Асиновский трактороремонтный завод в городе Асино перед самым своим банкротством старую технику для директора всё же нашёл в других местах и восстановил, и валкой леса нашему директору на собственной деляне около деревни Гарь поруководить довелось, включая руководство российскими вальщиками леса, которые всегда хотели с устатку выпить. Один раз они даже угрожали директору и его жене топором за то, что директор не разрешил им воспользоваться машиной для поездки в деревню, которая была в пяти километрах, за самогоном. К счастью, всё закончилось мирно. Но с тех пор я могу сказать, что у меня в практике решения русско-китайских конфликтов есть два балансирующих друг друга случая с участием специфических национальных орудий труда: первый случай, когда повар китаец угрожал китайским традиционным кухонным широким тесаком ножом-топориком русской управляющей рестораном китайской кухни «Дружба» в Чите из-за того, что она достала его требованиями взвешивать каждое готовое блюдо на весах, как того требуют правила. И второй случай, вот этот, когда русские вальщики леса устроили бунт и угрожали топором директору-китайцу за отказ дать им машину для поездки за самогоном. И ведь везде людей можно понять: повара нельзя отвлекать разной мелочовкой, он же готовит, вкладывая всю душу, и сосредоточен на огне, на готовке, ну взвешивай ты эти блюда сама, если надо! Отстань, иначе зарублю! Вальщикам же для согрева всегда надо иметь самогон или водку,

всё-таки работа на лесоповале не из лёгких, и всегда мороз. Не дашь машину – мы тебя и жену твою зарубим!

Ради увеличения поставок леса в Китай директор, кроме Томска, организовал закупку леса и погрузку вагонов в селе Комсомольск (ранее посёлок городского типа), в Первомайском районе Томской области, где купил за копейки два добротных заброшенных дома прямо около железнодорожной станции, в один поселился сам с помощниками, а в другой селил погрузочные бригады, которые менялись. На «Ютубе» можно найти фильм об этой деревне по названию «Лучшая деревня – Комсомольск» от 6 января 2020. Посмотрев его, я порадовался, что эта деревня хорошеет и развивается.

Однажды зимой мы там, ночуя с китайцами в избе, чуть не угорели. Один наш китайский сотрудник затопил печку, но не открыл трубу, хорошо, что я не сразу уснул, почувствовал запах угарного газа и вспомнил свои детские и школьные годы на Шерловой Горе, проведённые в доме с печкой. Вовремя вскочил и открыл задвижку трубы.

Другая незабываемая деревенская история о том, как банда местных гопников летней ночью напала на нас, приехавших в очередную командировку и спящих в кабинетах бывшей конторы леспромхоза (тогда уже в офисе местной компании, торгующей лесом, с которой директор сотрудничал, ещё до покупки домов). Директор с ремнём в руках стал гоняться за ними в потёмках по двору конторы. Мне же пришлось, громко вещая на обе стороны, разряжать ситуацию, где-то угрозами, что будет вызван ОМОН, так как иностранцы на особом учёте, где-то объяснениями и разговорами. В результате гопники, всё-таки поняв, что это иностранцы и связываться с ними чревато, удалились.

Племянник директора, которому было уже лет под сорок, один раз, оставшись в деревне без нас, возился на кухне и нечаянно опрокинул на себя бутылку с нашей российской уксусной эссенцией (осталась в избе от предыдущих жильцов), и она обильно замочила ему через брюки участок размером с ладонь на икре одной ноги. Не зная, что это за жидкость, и подумав, что это что-то вроде китайского рисового уксуса, он ничего делать не стал (а надо было сразу промыть холодной водой). И за несколько дней эссенция разъела ему очень глубоко, почти до кости, всё мясо на ноге, образовалась страшная рана, очень долго заживала. Яркий пример недостатка страноведческих знаний и неудачного взаимодействия (хоть и с неодушевлённым предметом как представителем другой страны и культуры) в ином культурном пространстве.

Основной же деятельностью фирмы всегда оставалась скупка у разного рода российских предпринимателей круглого леса в Томске и отправка его в Китай. Самыми ответственными моментами в этом процессе были приёмка леса у поставщиков и погрузка кругляка в вагон. Если приёмкой товара занимались только китайцы, то погрузку в вагоны обеспечивали

разного рода бригады, состоящие из жителей России и республик бывшего СССР.

На весь этот бизнес кроме качества леса, очень влияла стоимость перевозки по железной дороге, и если леса в вагон нагрузить больше, то за те же деньги получалось: можно было увезти больше леса. И это была основная тема всех планёрок и собраний, которые директор проводил чуть ли не ежедневно с рабочими погрузочных бригад.

Но как бы директор ни старался, мало у каких бригад получалось сделать, как хотел он, и забить в вагон максимально возможное количество кубометров леса, и чтобы не было никаких нареканий со стороны приёмщиков от железной дороги. И здесь было много факторов. Всё-таки это была тяжёлая физическая работа на открытом воздухе и в мороз, и в жару. К каждому бревну, получалось, надо было проявлять индивидуальный подход, не лениться, постоянно взаимодействовать с крановщиком и сотоварищами, подбирать для каждого бревна подходящее место. Не всем хватало терпения и умения, чтобы обеспечить такой скрупулёзный подход к каждому бревну. Да и по времени погрузка ограничивалась: вагоны не могут стоять слишком долго на погрузке, и работа крана тоже стоит денег.

Директор постоянно предпринимал разного рода меры вплоть до того, что мы выбили в миграционной службе квоты и вызвали из Китая двух профессиональных грузчиков леса, которые должны были показывать мастер-классы грузчикам здесь в России. А в России на этой ниве трудились у нас чаще всех молдавская, русская и узбекская бригады. Между ними неутомимый наш директор устраивал соревнования. Это уже были не соцсоревнования, победителей директор щедро одаривал большими денежными премиями. Директор регулярно проводил для этих рабочих длительные лекции о том, как правильно и быстро загрузить вагон кругляком, рисовал схемы, показывал на примере спичек и т. п.

Если какой-либо бригаде удавалось красиво уложить и загрузить максимально возможное количество кубометров леса в вагон, то это становилось большим событием, бригадиры других бригад срочно вызывались на рабочую площадку для обозрения отлично загруженного вагона и изучения опыта.

Представляю здесь чудом сохранившийся в моём архиве документ, который написан лично директором и является квинтэссенцией его основных идей, касающихся работы погрузочных бригад.

Написанный от руки текст уже в те годы был редкостью. Здесь тоже видно особое отношение директора к этой бизнес-проблеме: он не доверил многочисленным молодым сотрудникам-китайцам, например, под диктовку набрать эти тезисы на компьютере. Нет, эти важнейшие положения, вымученные годами практики, он написал собственноручно в один присест и с большим вдохновением. Как отмечают многие китайцы, у него хороший почерк, красивая каллиграфия. Особенно красота и изящество иеро-

глифов и линий/черт видны при увеличении текста на компьютере. Если кому-то интересно, я могу выслать этот текст по запросу отдельным файлом.

Итак, представляю этот текст и мой перевод на русский язык. В переводе в скобках я дал дополнительные слова, которых в оригинале нет, но, на мой взгляд, они подразумеваются и помогают лучше понять мысли директора.

Знающим или изучающим китайский язык советую сразу не смотреть перевод, а попытаться самим распознать текст и переписать его иероглифами, проверить себя.

- ### 装车队工作制度
- 一、安全第^一：加强装车工作的安全意识，安全就是经济效益，安全就是生命。谁不讲究安全，造成事故一切责任自己负责。
 - 二、遵守工作时间：按时上班，不准迟到。如果迟到，每小时交罚款
误装车工作费200元。（不够1小时按1小时计罚）
 - 三、装车标准：装车时必须按照铁路方面的有关规定标准装车。以货池员验收为准。如因某个方面的问题不验收车，装车队迅速改正。造成的罚款每小时200元有装车队员担。
 - 四、装车要求：装车队必须按照公司关于元木堆放要求，把元木按规格大小放合适的元木。要求80%的元木放在缝隙中。害的尖击防，根尖击防，节疤等尖击余防要锯掉。而且反要放元木表面光滑好看的。高度：5.25m—5.30m。
桦木：4.85—4.95m。
 - 五、立柱要倒用，大头向上。铁丝多余防不能超过20公分，如超过20公分，超0.5m罚款50元。（不足0.5按0.5计罚）车底要清扫干净，如造成挂车有碍，交100元—500元打车和清扫费。
 - 六、爱护工具：领用的工具一定保管好，丢失照赔。损失要及承担赔偿责任。
 - 七、遵守做事时间，有事提前一天请假。不请假交打车费
每在车上1000元计罚。若因工作失误不能超一小时。

Перевод текста на русский язык:

Режим работы погрузочных бригад

1. Безопасность на первом месте: (надо) усиливать осознание (вопроса) безопасности при погрузке вагонов. Безопасность – это экономический эффект (вашей жизнедеятельности), безопасность – это (ваша) жизнь. Если кто-то невнимателен к (вопросу) безопасности (труда) и это приводит к несчастному случаю, то всю ответственность (виновный) несёт сам.
2. Соблюдать время работы: приходить на работу вовремя, опаздывать нельзя. В случае опоздания за каждый час простоя крана, опоздавший платит штраф в размере 200 рублей (время опоздания менее одного часа считается за один час).
3. Стандарт сдачи (загруженных) вагонов: погрузку вагонов необходимо осуществлять в соответствии с правилами и стандартами железной дороги. За норму брать требования приёмосдатчиков. Если по каким-либо причинам (приёмосдатчик) не принял вагон, то бригада должна в срочном порядке исправить ошибки (и сдать вагон). За возникший простой вагона в размере 200 рублей за час платит погрузочная бригада.
4. Требования к погрузке круглого леса: бригада должна укладывать лес в соответствии с требованиями фирмы, то есть подбирать подходящие брёвна для подходящих пазов и седловин. Необходимо, чтобы 80 % брёвен были уложены в пазы. Кривые, выпуклые части брёвен, а также сучки и комлевые лишние части необходимо отпиливать. Снаружи лес в вагоне необходимо укладывать гладко и красиво. Высота погрузки вагона 5,25 м–5,30 м. Для берёзы: 4,85–4,95 м.
5. Вагонные стойки необходимо ставить комлевой частью вверх. При пользовании проволокой обрезки лишней проволоки не должны превышать 20 см. За отходы проволоки длиной более 20 см или более 0,5 м штраф 50 рублей (длина менее 0,5 м считается за 0,5 м). Днище вагона должно быть очищено (перед началом погрузки). Если произойдёт задержка подачи вагона (под погрузку), то штраф за простой вагона и средства на очистку (вагона) будут взыскиваться в размере от 100 до 500 рублей.
6. Беречь инструмент: (необходимо) обязательно следить за используемым инструментом. При потере (инструмента) возместить ущерб (согласно стоимости). Если поломка (инструмента) является необычной, то ремонт осуществлять за свой счёт.
7. Соблюдать время работы и отдыха: если есть (свои) дела, то заблаговременно за один день отпрашиваться в отгул. Если не

отпросились, (вагоны поданы, а вас нет), то штраф (за нарушение дисциплины) будет взыскан в размере 6000 рублей за вагон. При работе ночью время отдыха не должно превышать один час.

И этот небольшой текст, и эти мои записки дают, полагаю, много пищи для размышления. От того, как извилисты могут быть пути в профессии переводчика, до, например, того, что мы, китайцы, мало пишем сейчас от руки, фактически совсем не пишем. Уж если на родном-то языке и то перестали писать обычные письма и отправлять в конвертах, то что уж говорить о китайских иероглифах!

Но ещё большая проблема в том, что труднее нам даже не писать иероглифы, а понимать тексты, написанные китайцами от руки спонтанно скорописью. А ведь основная масса китайцев чаще пишет скорописью. И большинство текстов, написанных от руки, непонятны, как ни крути. Да, китайцы сейчас тоже перестали писать от руки, всё в гаджетах, но, как известно, в китайских смартфонах уже есть функция начертания иероглифов пальцами, поэтому проблема распознавания китайских текстов, написанных от руки, остаётся. Художественные надписи на китайских книгах, сувенирах, памятниках, картинах и т.п. тоже часто написаны каллиграфически и скорописью.

Ещё один важный и интересный языковой аспект этого документа, который может усложнить его понимание – это так называемые 别字 *biézi* «ошибочные иероглифы (написанные неправильно); разнопись; другие варианты написания иероглифов». То есть искажённые или заменённые пишущим на своё усмотрение иероглифы. Как видно, жить с такой письменностью китайцам непросто, и когда возникает потребность в какой-то жизненной ситуации быстро написать записку или вот такие правила, то китайцы для ускорения и упрощения процесса некоторые иероглифы упрощают на своё усмотрение или заменяют другими (схожими по звучанию), которые написать проще и быстрее. Например, в этом документе есть следующие примеры этого явления: директор написал иероглиф 元 *yuán* ‘1. юань (денежная единица КНР, пишется также 圆) 2. Юань (династия) вместо иероглифа 圆 *yuán* ‘круглый’ в слове 圆木 *yuánmù* ‘круглый лес (древесина), бревно, кругляк’; использовал иероглиф 亊 *tíng* ‘разнопись вместо 停’ вместо иероглифа 停 *tíng* ‘останавливать(ся); прекращать(ся)’ в слове 停车费 *tíngchēfèi* здесь ‘плата/расходы за простой крана/вагона’. Это явление широко распространено у китайцев в бытовых ситуациях и не является показателем необразованности, это, можно сказать, действие закона экономики языковых усилий, только в сфере письменной коммуникации. Причём некоторые такие нестандартные варианты иероглифов фиксируются китайскими словарями, например: 亊 *dīng; dǐng; tíng* 1. *dīng* см. 伶俐 2. *dǐng* в.м. 酊, см. 酪酊 3. *tíng* в.м. 停 (см. электронный словарь

<https://bkrs.info/slovo.php?ch=行>), и, получается, являются вполне допустимыми. В конце пункта 3 директор допустил опisku и вместо иероглифа 由 yóu написал 有 yǒu. В пункте 7 вместо иероглифа 假 jià в слове 请假 qǐngjià ‘просить [брать] отпуск; отпрашиваться с работы’ написал иероглиф 价 jià.

Ещё этот документ, можно сказать, становится историческим, так как про российские брёвна теперь не напишет ни один китаец, разве что в мемуарах. Как известно в нашей стране с 1 января 2022 года введён полный запрет на вывоз из страны необработанных или грубо обработанных лесоматериалов хвойных и ценных лиственных пород. Также вступил в силу новый порядок прослеживаемости древесины. На каждую партию лесоматериала теперь необходимо оформлять сопроводительный документ в электронном виде. Движение древесины можно будет отследить через цифровую систему по всему её маршруту следования. Новые нормы не мешают вести бизнес тем, кто соблюдает действующее законодательство, а для так называемых чёрных лесорубов станут серьёзным препятствием. И это означает, что ещё больше китайских компаний захочет основать предприятия по переработке древесины на территории России. Деятельность таких предприятий будет более разнообразна, значит, молодым переводчикам будет больше интересной работы с китайским языком.

Директор Лю был человек образованный и с юмором. Иногда после очередной длительной беседы на разные отвлечённые темы по дороге в Асино или какую-нибудь деревню он в шутку говорил мне, что вот, мол, ещё ты задолжал мне 100 рублей, так как узнал от меня новое слово, и всегда повторял, что я у него в компании прохожу полный курс университета. И если говорить о навыках устного последовательного перевода, то эта работа для меня была, несомненно, полезной. Тематика переводов была очень разнообразной, а частота высокой: деловые переговоры, взаимодействие с таможенной, железнодорожные перевозки, бухгалтерский учёт, налоги, вопросы приглашения иностранцев на работу в РФ, судебные разбирательства, разные вопросы развития и расширения сфер бизнеса (например, одно время директор хотел заняться торговлей пластификаторами для бетона, и мы тщательно изучали этот рынок). Частые собрания, которые директор любил устраивать с бухгалтерами, с сотрудниками по взаимодействию с таможенной, с железной дорогой и прочими сотрудниками компании, тоже способствовали развитию у меня навыков устного последовательного перевода.

В 2005 году директор Лю задумал новый проект – в труднодоступных лесах Томской области валить берёзовые леса для изготовления палочек для еды. Он уже начал готовить экспедицию на вездеходах, так как надо было преодолевать обширные болота, чтобы добраться до этих перспективных делян. Я же тогда решил поступать в очную аспирантуру в Москве и объявил о своём увольнении и отъезде. Директор негодовал, ко-

рил меня за то, что я бросаю его. Я же ответил, что его университет я окончил, за что ему большое спасибо, а теперь я созрел для ещё более высокой ступени развития. По правде говоря, только возможность параллельно преподавать китайский язык и развиваться в научном плане в Институте языковой коммуникации Томского политехнического университета дала мне силы выдержать довольно сложную, интересную, но временами однообразную работу переводчиком китайского языка в фирме директора Лю.

Так что расстались мы с ним не очень хорошо, друзьями не остались. Он считал, что вырастил «ценного кадра» и я ему должен служить до конца жизни. Хотя на самом деле, благодаря нашей кафедре китайского языка Забайкальского государственного университета, уровень китайского у меня был достаточно высок уже при устройстве к нему на работу, иначе бы он меня и не взял, так как был очень требовательным и любил всё качественное и высококлассное. Но всё равно я благодарен ему и судьбе за эту возможность поработать вместе с многочисленными носителями китайского языка в течение почти пяти лет, закрепить навыки аудирования и спонтанного говорения на китайском языке, не покидая Россию. Желая и советуя всем выпускникам поработать после вуза в языковой среде, дабы верифицировать и закрепить знания, полученные во время учёбы.

ЛЕОНИД ЗИМАН

ИНТЕГРАЦИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО И ИТАЛОЯЗЫЧНОГО ВАРИАНТОВ СТИХОТВОРЕНИЙ КРИСТИНЫ РОССЕТТИ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ПЕРЕВОДЕ

Кристина Россетти (1830 – 1894), дочь итальянского эмигранта, преподававшего итальянский язык и литературу в одном из лондонских колледжей, воспитывалась в двуязычии, писала и на английском, и на итальянском языках. Вошла она в историю *английской* литературы, и в нашей стране долгое время переводили только англоязычные её стихи.

Однако итальянская «составляющая» – очень важная черта её творчества. Кристина Россетти – автор двух статей о Данте. Большим успехом в читательской аудитории пользовался её цикл сонетов “*Monna Innominata*” («Безымянная мадонна»), написанный от имени платонически влюблённой итальянки средних веков – может быть, от имени дантовской Беатриче, а может быть, от имени петрарковской Лауры. «Кристина Россетти даёт им голос», – утверждает «Словарь британских женщин-писателей» [7: с. 582].

Тридцать три стихотворения из лучшего её сборника для детей «Концерт-фантазия. Книга детских стихов» (*Sing-Song. A Nursery Rhyme Book*) Кристина Россетти перевела на итальянский язык. Как известно, у нас накоплен большой опыт перевода стихотворных произведений как с английского, так и с итальянского языков. Имеется достаточно богатая литература по теории перевода. Однако возникает вопрос о том, существуют ли какие-то свои законы перевода стихотворений двуязычных, есть ли здесь своя специфика?

И Виктор Лунин, и Маша Лукашкина переводят детские стихотворения Кристины Россетти с одного языка – с английского. И среди их переводов есть в полном смысле слова образцовые. Но, когда сопоставляешь англоязычные и италоязычные версии этих стихотворений, замечаешь, что в некоторых из них италоязычный вариант вносит дополнительные оттенки в самый замысел стихотворения, другие отличаются по мелодике, в третьих, даже фабулы оказываются в чём-то не идентичными.

Можно ли создать перевод, интегрирующий две иноязычные версии?

Сразу оговоримся, что многие стихотворения на двух языках абсолютно идентичны друг другу и по фабуле, и по пафосу своему. Разве только в италоязычных версиях чаще встречаются женские рифмы, ибо, как известно (об этом писал К. И. Чуковский в книге «Высокое искусство» [б: с. 219]), в английском языке много односложных слов – в итальянском их меньше, при этом ударение в итальянских словах, как правило, падает на предпоследний слог. Подчас встречаем мы итальянские строфы (катрены) со сплошной рифмовкой в то время, как в аналогичных англоязычных версиях рифмы перекрёстные, иногда рифмуются только чётные стихи.

Русская переводческая традиция предполагает чаще всего (исходя из особенностей нашей фонетики и лексического состава) чередование мужских и женских рифм и перекрёстную либо смежную (параллельную) рифмовку. Эта традиция характерна и для переводов В. Лунина и М. Лукашкиной. Так что здесь, по существу, не учитываются подобные различия в мелодике разноязычных текстов.

Но как поступить с теми произведениями, где италоязычная версия дополняет английский оригинал, вносит новые оттенки?

Приведём в пословном переводе две, казалось бы, идентичные версии стихотворения:

Англоязычная версия

Поганка прорастает за одну ночь –
Усвой этот урок, маленький народец.
Дуб вырастает за сотню лет,
Но зато он дуб.

Италоязычная версия

Одной ночи хватит грибу, чтобы вырасти.
Дубу требуется век, и он не кажется долгим.
Век даже короток, а вечер длинён.
Кто дуб, тот уж дуб, а гриб всегда гриб.

Мы видим, что в итальянском варианте простенький сюжет поднимается до философских обобщений об относительности времени в зависимости от отношения к различным явлениям. И написана итальянская версия торжественным стихом, приближающимся к гекзаметру – со сплошной зеркальной рифмой: *fungo-lungo – lungo-fungo*. В английской версии чередуются четырёх- и трёхстопный ямб, рифмуются лишь чётные стихи. В итальянском варианте используется гипонимия: видовое понятие *поганка* заменено родовым – *гриб*. Дело в том, что в итальянском языке слова *поганка* нет – для её обозначения используется словосочетание *fungo velenoso* (ядовитый гриб). Такое словосочетание, по-видимому, нарушило бы чёткий ритмический рисунок стихотворения. Но возникает и другое соображение: не нарочито ли сопоставление *могучего* дуба с *презренной* поганкой? И. М. Лукашкина в своём эквиритмичном и эквилинеарном переводе с английского заменяет дуб сосной:

Поганка выросла за час,
 Погана и грязна.
 Сосна растёт и век подчас.
 Зато она сосна. [2: с. 3]

Я попытался воспроизвести на русском языке оба варианта: и англоязычный, и италоязычный:

Поганка и дуб (с английского)

Чтоб вырос дуб, нужны сто лет,
 Поганке – только ночь одна...
 Но радует кого она?
 А дубу – равных нет.

Дуб (с итальянского)

Дуб вырастает целый век,
 Грибу хватает одной ночи.
 Но ощущает человек,
 Что дуб есть дуб...
 И целый век
 Становится короче
 Ночи.

В том, что в переводе с итальянского (при сохранении стихотворного размера англоязычной версии – ямба) стихотворение и глубже, и ярче, и энергичнее, чем в переводе с английского, сомневаться не приходится. Но является ли оно переводом *двухязычного* текста? По сути, перед нами семантические переводы, сопоставление которых даёт возможность в той или иной мере увидеть различия в оригинальных текстах на двух языках. Может быть, для того чтобы стихотворение выглядело бы всё же переводом с двух языков, слово *гриб* в переводе с итальянского заменить *поганкой* («Поганке хватит одной ночи»)? Оставим вопрос открытым.

В одном из стихотворений рассказывается о некоем существе, сидящем в тепле и уюте и наслаждающемся хлебом и молоком, – и о уютящейся

на морозе и довольствующейся лишь крошками малиновке. Стихотворение можно воспринять как противопоставление двух существ и даже как чуть ли не упрёк сидящему в тепле. В. В. Лунин так и воспринял это англоязычное стихотворение:

Нам – и хлеб, и вода,
И тёплые одёжки...
А синице в холода
Достаются крошки. [5: с. 238]

Стихотворение прекрасно и по гуманистическому пафосу, и по лаконичному ритмическому рисунку. Но адекватно ли оно авторскому оригиналу?

Этому англоязычному стихотворению поэтесса «подарила» две италияязычные версии – и в каждой из них подчёркивается, что сидящее в тепле существо – девочка готова поделиться своим супом с маленькой, страждущей от холода птичкой (теперь это коноплянка). В первой итальянской версии девочка отворяет птичке окно, во второй – приглашает отведать своего супа [8: с. 291]. Таким образом, итальянские версии не только дополняют английский оригинал, но и корректируют его, вносят новые оттенки.

Здесь, как и в некоторых других итальянских версиях, взаимоотношения лирического героя с животным (в данном случае с птичкой: с малиновкой в английской версии стихотворения, с коноплянкой в итальянской версии, с синицей в переводе Лунина) оказываются более близкими, задушевными, интимными. Думается, это должно найти отражение в русском переводе: как видим, даже совершенный перевод с одного из языков не всегда отражает подлинного пафоса двуязычного произведения.

Подчас отклонения в изображении того или иного явления, в раскрытии того или иного образа в англоязычной и италияязычной версиях кажутся минимальными. Так, в стихотворении «Коралл» низкоорганизованное существо, создающее этот служащий украшением камень, в англоязычной версии характеризуется как *слабое насекомое* (*feeble insect*), а в италияязычной версии – *крохотное создание* (*minima creatura*). Какую из этих характеристик выбрать для русского перевода? Я решил пойти иным путём и ввести в стихотворении научное название создающих коралловые рифы полипов:

– Что, матрос, привёз на берег,
 Проплывая между скал?
– Красно-белый, красно-белый
 Удивительный коралл.
Ни киркой и ни лопатой
 Я его не откопал.

Да и с дерева, ребята,
Я коралла не сорвал.
Называется квидарией
Тот зверёк, что очень мал.
Морем штормовым подаренный,
Ею создан был коралл.

Наверное, в этой версии несколько усилен познавательный элемент произведения, но, как мне кажется, сохранена непосредственная интонация диалога ребёнка с прибывшим из плавания матросом. Что касается слова *квидария*, то дети, как известно, любят играть в труднопроизносимые слова, особенно если они включаются в текст с рифмовкой. Ассонансная рифма *квидарией – подаренный* звучит достаточно звонко для детского слуха.

К сожалению, стихотворение на русском языке оказалось длиннее, чем на обоих европейских языках (явление, увы, довольно частое).

Италоязычные версии стихотворений Россетти составили сборник под названием «Колыбельная песня» (*Ninno-Nanna*). Действительно, и начинают, и заканчивают его колыбельные. Италоязычные версии колыбельных тоже в чём-то дополняют, уточняют англоязычные оригиналы. В частности, в италоязычных версиях определён пол адресата: мальчик (*bambino, figliolino*) или девочка (*bambina, figliolina*) – в то время как в английских версиях, язык которых не имеет родовых флексий, этот младенец может быть любого пола: *baby*. В богатом уменьшительно-ласкательными суффиксами итальянском языке поэтесса обходится без прилагательных *маленький, дорогой*, но с неменьшей лирической нежностью (иногда, правда, не без некоторой слащавости) обращается к младенцу.

Одну из италоязычных колыбельных автор дополняет реалией итальянской культуры: к засыпающему малышу спускается Монна Лиза с картины Леонардо да Винчи. Но, чтобы сохранить лаконизм стиха, сделать италоязычную версию эквилинейрной англоязычной версии, автор опускает образы спящих цветов, птичек, ягнят, звёзд в небе. Как поступить переводчику? Я решил использовать в переводе образы обеих версий, в результате чего русскоязычное стихотворение оказалось длиннее оригинальных произведений (в них всего по восемь строк со сплошной рифмовкой в чётных стихах, нечётные стихи – рефрен «Баю-бай!»):

Спят цветы, и спят ягнятки.
Баю-бай!
С полотна глядит украдкой
Баю-бай!
Монна Лиза на кроватьку.
Баю-бай!
Звёзды по небу плывут.

Баю-бай!
Даже птички не поют.
Баю-бай!
Спи, малютка, засыпай...
Баю-бай!

Хочется отметить двуязычное стихотворение, построенное на развёрнутой метафоре. Луг, на котором цветут маргаритки, похожие на звёздочки, описывается как своеобразное звёздное небо (небосклон). В англоязычном варианте это небо (из) зелени (*sky of green*), в италияязычном – зелёное небо (*verde cielo*). Этот «итальянский» образ так и хочется использовать в переводе. А из англоязычного варианта прямо-таки напрашивается перевод характеристики маргариток: ясноглазые (в италияязычной версии этого эпитета нет).

Маргаритки ясноглазы –
Словно звёздочки, цветочки.
На стеблях поднявшись разом,
Они смотрят сквозь листочки.
Звёзды на лугу зелёном
Стали небосклоном.
(Перевод мой – Л. Я.)

Иногда, как уже говорилось, англоязычные и италияязычные версии отличаются только по мелодическому рисунку. «Изысканная утончённость итальянской речи обогащает мелодию стиха», – писал брат поэтессы, критик Уильям Майкл Россетти в предисловии к двуязычному сборнику 1896 г. [8: с. VIII].

Английский стих у Россетти оказывается более энергичным, итальянский – более лиричным. При этом нерегулярность (разная протяжённость и метр) стиха чаще наблюдается в версиях итальянских. Возьмём для примера одно из наиболее жёстко организованных стихотворений:

What are heavy? sea-sand and sorrow:
What are brief? to-day and to-morrow:
What are frail? spring blossoms and youth:
What are deep? the ocean and truth.

Мы видим здесь чёткое деление на полустушия с цезурой (паузой) в середине каждого стиха. При этом рифмуются как левые, так и правые полустушия. «Жёсткую конструкцию» поддерживает и анафора (единоначатие), проходящая через всё произведение. В итальянской версии эта структурная структура распадается, стихотворение – по существу, вирши (рифмованная проза), но с внутренней рифмой. Оно как бы рассчитано на чтение,

голосом своим, каденциями, паузами создающего ритм, как в произведениях фольклора.

В переводе М. Лукашкиной это стихотворение звучит так:

Что глубоко? Колодец и горе.
Что широко? Улыбка и море.
Что быстротечно? Юность и цвет.
Что бесконечно? Солнечный свет. [4: с. 1]

Она очень точно передала чёткое деление на полустипхи с цезурой в середине каждого стиха, сохранила «жёсткую конструкцию» произведения. А вот адекватны ли оригиналу её лексические замены, сказать трудно. Россетти утверждает, что в мире нашем тяжелы морской песок и горе, коротки сегодня и завтра, хрупки весеннее цветение и молодость, глубоки океан и истина.

Думается всё-таки, что океан и истина более «глубоки», чем колодец и горе. Молодость (юность) и весеннее цветение (цвет), наверное, могут быть охарактеризованы и как явления хрупкие, преходящие, и как быстротечные. Эти прилагательные можно было бы считать синонимичными, если бы в оригинальном тексте Россетти не противопоставила этой хрупкости (*frail*) весеннего цветения и молодости «короткость» (*brief*), т. е. как раз быстротечность, таких временных явлений, как сегодня и завтра. Но, так или иначе, перевод М. Лукашкиной, бесспорно, как и стихотворение Кристины Россетти, по-настоящему философичен и звучит отменно.

По мелодическому рисунку отличаются друг от друга англоязычная и италияязычная версии стихотворения о том, как роза набирает румянец от солнца. Рифмующиеся синонимы *blush* и *flush*, употребляясь в качестве рифм как существительные, тут же приобретают действие и становятся глаголами. Россетти мастерски использует аналитическое начало английского языка, когда грамматические значения выражаются за пределами слова. Переводя стихотворение на итальянский, синтетический язык, поэсса, как и в некоторых других итальянских версиях, ввела сплошную рифмовку – во всех четырёх стихах. Но третий стих резко сократила по протяжённости – и эта каденция (падение, отклонение) придало ему особую интонацию. Подобные каденции в одной из рецензий, помещённых в сборнике стихотворений 1927 года, сравниваются с выкриками при подвижной детской игре [9: с. XVI].

Ряд стихотворений Кристины Россетти для детей построен на лингвистических играх в духе Льюиса Кэрролла. Автор «Алисы в стране чудес» и «Алисы в Зазеркалье» был в дружеских отношениях со старшим братом поэссы – выдающимся художником Данте Габриэлем Россетти, вождём «Братства прерафаэлитов». Кэрролл бывал в семье Россетти, оставил нам фотографии членов семьи, по сей день именно им созданные фотопортреты Кристины Россетти помещают на титулах её книг и в статьях о

её творчестве. Кэрролловские игровые приёмы оказались близки Кристине Россетти, пронизывают не одно её стихотворение, а также сказочную повесть «Живые подоби́я» (*Speaking Likenesses*). В большинстве своём лингвистические игры, чаще всего основанные на полисемии и омонимии, остались приметой лишь англоязычных произведений. Но некоторые из них Россетти перевела на итальянский язык. Наверное, правильнее сказать *переиграла* на итальянском языке (так охарактеризовал свою манеру переказа игровых стихотворений Спайка Миллигана Григорий Кружков [3: с. 3]). И задача переводчика этих стихотворений на русский язык сводится к тому, чтобы *переиграть* на сей раз уже два варианта произведения.

В одном из стихотворений сталкиваются две «породы» лошадей. Одни лошади, как им и подобает, жуют пшеницу и клевер. Их автор называет наземными, или сухопутными, лошадьми (*the horses of the land*). А другие вздымают пенистые гребни и выделяют чуть ли не акробатические трюки над водой. Это так называемые морские лошади (*the horses of the sea*) – пенистые волны. В итальянском варианте сталкиваются те же «породы»: лошади наземные, сухопутные – *cavalli di terra* и лошади морские – *cavalli marittimi* [2: с. 298]. Но итальянские морские лошадки, пожалуй, активнее английских: они даже воюют друг с другом.

Как известно, мы такие белые пенистые волны называем морскими барашками. Моя переигровка на русский язык двух версий стихотворения выглядит так:

Барашки

Морские барашки,
запелясь, шумят.
«Ах, бяшки-барашки», –
зовём мы ягнят.
Морские – всё море
взмутить норовят.
Пасём на просторе
барашков-ягнят.

Перевод, прямо скажем, далёк от идеала: необходимы какие-то дополнительные (может быть, игровые) сведения о наших «наземных» барашках.

Рассмотрим теперь двуязычную версию стихотворения, в которой рассказывается о том, как при помощи зонта рыбки защищались от дождя, а ящерица – от жары. «В английском языке зонты от дождя и от солнца обозначаются разными словами: *umbrella* – зонт от дождя и *parasol* – зонт от солнца. В русском языке, как известно, такого различия нет. Что же касается итальянского языка, то здесь эти понятия различаются наличием уменьшительно-ласкательного суффикса в слове, обозначающем зонт от

солнца: *ombrello* и *ombrellino*. Наверное, именно эту лексическую особенность можно использовать для русскоязычного перевода:

Рыбки вдруг раскрыли зонт –
Значит в тучах горизонт.
Вышел ящер из норы,
Вынул зонтик от жары.

Перевод мой – Л. З. [1: с. 68]

Живую реакцию в студенческой аудитории вызывает двуязычное стихотворение, в котором автор размышляет над тем, как поступить со свиньёй (свином – мужской род), если хвост её (его) придёт в негодность. В английской версии его отправляют к портнихе, чтобы она пришила ему новый хвост, а в итальянской – к адвокату, который оформит приписку к завещанию. «Дело в том, что здесь обыгрываются созвучия слов *tail* – хвост и *tailoress* – портниха в английском языке и *coda* – хвост и *codicillo* – приписка к завещанию в итальянском. И эта «кэрролловская» игра слов для автора важнее фабульных соответствий. Следовательно, для перевода этого нонсенса на русский язык необходимо найти существительное, созвучное слову *хвост*. Например:

Если вдруг наденет хряк
Панталоны или фрак,
В нём узнаешь непременно
Истинного джентльмена.

Хряк лишился вдруг хвоста –
В вуз примчался неспроста:
Здесь ему в любой момент
Хвост отдаст хвостист-студент.

(Перевод мой – Л. З.)

Можно, наверное, использовать и фразеологизм «*хвост в очереди*» [5: с. 67]. Хвостом называют ещё преследователей как едущих по пятам преследуемого автомобиля, так и «дефилирующими» за некоторыми лицами, за которыми ведётся наблюдение или слежка (в советское время организовывали такой «хвост» за диссидентами).

Надо сказать, что и в английской, и в итальянской версии к свинье (свину) относятся как к джентльмену, если она (он) наденет парик. Но для русскоязычного читателя понятие *джентльмен* ассоциируется не с париком, а с цилиндром, тросточкой или фракком. С. Я. Маршак в своё время, переводя английский фольклорный нонсенс о свинье без парика, оставил её, вернее их – двух свинок, без шляп и ботинок. Вот и здесь парик заменён фракком.

Как видим, двуязычное стихотворение помогает иногда переводчику более точно определить замысел автора, скорректировать своё отношение к некоторым сюжетным перипетиям или образам. А это, в свою очередь, помогает создать на ПЯ перевод, адекватный тексту на ИЯ.

Литература:

1. Зиман Л. Я. Нравственная чистота – и игровое начало (К 180-летию со дня рождения английской писательницы Кристины Россетти) / Л. Я. Зиман // Школьная библиотека. – 2010. – № 5. – СС. 64–70.
2. Кристина Россетти. Стихи из сборника «Дин-Дон» (пер. с англ. М. Лукашкиной). 31 октября 2005. URL: [http:// bibliogid.ru / articles](http://bibliogid.ru/articles). – 8 с.
3. Кружков Г. Предисловие для придирчивого читателя / Г. М. Кружков // Миллиган С. Чашка по-английски. – М.: Дет.лит., 1991. – СС. 2–3.
4. Лукашкина, Маша. Я – Кристина Россетти. Эссе и стихи. Перевод / М. А. Лукашкина. URL: [http:// www: stih.ru /2010/12/05](http://www.stihi.ru/2010/12/05) – 11 с.
5. Лунин В. В. Любимые стихи /В. В. Лунин. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1997. – 336 с.
6. Чуковский К. И. Высокое искусство / К. И. Чуковский. – СПб: Авалонь, Азбука-Аттикус, 2011. – 448 с.
7. Bright, Martin. Rossetti, Christina (5.12.1830 – 29.12.1894). Poet and writer for children / Martin Bright // Dictionary of British Women. – L.: The Continuum Publishing Company, 1989/ – PP. 580–582.
8. Rossetti, Christina G. New Poems of Christina Rossetti. Hitherto unpublished and uncollected / Ed. By William Michael Rossetti – Lnd–N.Y.: Macmillan & Co, 1896. – XXIV, 397 p.
9. Rossetti, Christina G. Poems of Christina Rossetti / Chosen and edited by William M. Rossetti. – Lnd: Macmillan and Co, 1927. – XXVI, 332 p.
10. Rossetti, Christina G. Selected poems of Christina G. Rossetti / Ed. with introduction and notes by Charles Bell Burke. – N.Y: The Macmillan Company, 1913. – XLIV, 320 p.

АННА БУЛДЫГЕРОВА

КИТАЙСКИЕ ИДЕОЛОГЕМЫ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Медиапространство является неотъемлемой частью современного общества, важным механизмом распространения информации, обнародования государственной политики и своеобразным индикатором развития

культурных, социальных, идеологических особенностей той или иной страны. Одним из эффективных способов трансляции идеологических воззрений являются некоторые существующие в знаковой форме коммуникационные факторы медиадискурса, способные оказывать влияние на общество благодаря таким свойствам, как сжатость и выразительность и, как следствие, высокая степень запоминаемости.

В современной науке сложные когнитивно-стилистические феномены, с помощью которых формируется массовое, коллективное и индивидуальное сознание конкретного социума¹, называются «идеологемами». Как правило, такие языковые элементы обозначают социально-экономические процессы, правительственные установки, политические программы, этические ориентиры и т. д., поэтому имеют мировоззренческую, ценностно-ориентирующую и регулирующую функции.

Китайское общество обладает весьма богатым и ярким культурным фоном, а китайское языковое пространство изобилует клише, определяющими базовые концепции идеологии китайского общества. С точки зрения уникальности данного языкового факта, можно отметить, что в Китае всегда оставалась актуальной потребность в лаконичной форме закреплять глубокие, отражающие сущностные черты или желаемые перспективы, смыслы.

Социальная значимость идеологем обусловлена актуальностью провозглашённого в тот или иной исторический период времени смысла. Каждый житель современного, стремительно развивающегося Китая, благодаря опыту предшествующего поколения, понимает важность проведения во второй половине XX века четырёх модернизаций (кит.: 四个现代化²), то есть реформирования четырёх отраслей: промышленного производства, сельского хозяйства, обороны, области науки техники.

Лаконичный смысл сокращения 五同 (досл.: *быть вместе в пяти областях*) восходит к идеям преобразований в сфере образования в советское время, когда обязанность преподавателя состояла в единении с учащимися не только в учебном процессе, но и в проведении борьбы, в военной подготовке, в трудовой деятельности и свободное от труда время³.

Идеологемы можно считать ключевыми лексическими единицами исторического и медиального пространства. Например, на смену популяризирующей этические нормы старого Китая идеологеме 三纲五常 (досл.: *три устоя и пять неизблемых правил*), указывающей на три аспекта

¹ Пионтек Б. Идеологема как речевая лексическая единица // Моск. ун-т. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2010. № 1.

² Предложена в докладе Чжоу Эньляя на первой сессии ВСНП в январе 1975 г. (Прим. пер.).

³ Впервые появилась в 人民日报 от 12 декабря 1967 г. (Прим. пер.).

иерархического устройства китайского социума¹, пять добродетелей², пришла идеологема нового времени 四有新人 (досл.: *новые люди, обладающие четырьмя качествами*³), транслирующая ценностные ориентиры нового общества и ставшая маркером развивающегося социализма⁴.

С лингвистической точки зрения идеологема создается по нормативным словообразовательным моделям, поэтому их внутренняя форма ясна, и они легко запоминаются, принимаются обществом⁵. Китайские идеологемы отражают специфику приёмов китайской номинации и способов образования сложносокращённых слов. В китайском языке принято рассматривать различные способы сокращения с числительными, в которых числовой компонент может выполнять разные функции, например, указывать номер (количество или дату проведения) какого-либо события, мероприятия или указывать обозначать сходные части нескольких выражений, поясняющих значение сложносокращённого слова. Последние выступают устойчивой моделью в образовании китайских идеологем.

Обладая идеологической ценностью, сокращения с числительными являются постоянным атрибутом китайских медиатекстов и ключом к пониманию национальной специфики образования смыслов и, в некотором роде, определяют эффективность ориентированных на массового получателя сообщений. Так, например, идеологема 四个自信⁶ (досл.: *четыре уверенности*) указывает на уверенность китайского народа в правильном выборе пути строительства социализма с китайской спецификой, справедливости следуемой теории, незыблемости общественного строя, величии культуры (кит.: 道路自信, 理论自信, 制度自信, 文化自信). Морфема 老 в сокращении-идеологеме 三老 (досл.: *три честности*) указывает на харак-

¹ Народ подчиняется правителю, сын подчиняется отцу, а жена подчиняется мужу. (Прим. пер.).

² Человеколюбие, долг, следование ритуалу, мудрость и верность. (Прим. пер.).

³ Высокая идейность и нравственность, воспитанность и дисциплинированность. (Прим. пер.).

⁴ Фраза заместителя председателя ЦК КПК Дэн Сяопина от 26 мая 1980 г. в газете 中国少年报 (русск.: Китайская молодежь): 希望全国的小朋友, 立志做有理想、有道德、有文化、有纪律的人, 立志为人民作贡献, 为祖国作贡献, 为人类作贡献 см. <https://baike.baidu.com/item> (пер.: Надеюсь, что вся китайская молодежь ставит себе цель обладать идеей, моралью, культурой, дисциплиной, сделать свой вклад в развитие нации, Родины, человечества). (Прим. пер.).

⁵ Карамова А. А. Идеологемы: определение понятия и типология // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. Часть 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20815>

⁶ Выдвинута генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином на торжественном мероприятии по случаю 85-летия КПК. (Прим. пер.).

тер трёх действий: 办老实事 (поступать честно (досл.: *делать честные дела*)), 说老实话 (говорить честно (досл.: *говорить честные слова*)), 作老实人 (быть честным человеком).

Сокращение с числительным является эффективным инструментом для провозглашения лидерами страны, партийными идеологами, организациями идей, ориентиров, важных задач и целей. Например, признанная одной из самых популярных в СМИ в первом десятилетии XXI века концепция 八荣八耻¹ (досл.: *восемь тезисов о чести/восемь добродетелей и восемь тезисов о позоре/восемь пороков*) – это социалистическая идеологема², целью провозглашения которой стало привлечение широких народных масс, в особенности молодёжи, к формированию устойчивой ценности чести и патриотизма граждан КНР³.

В революционной работе, в труде, в исполнении служебных обязанностей следует помнить о четырёх факторах, изменчивость которых не должна влиять на результат деятельности. Об этом сообщает идеологема 四个一样⁴ (досл.: *четыре условия, несмотря на которые народ страны должен трудиться одинаково хорошо*), а именно: в любые погодные условия, в любое время суток, в присутствии руководства и при его отсутствии, при наличии и при отсутствии контроля.

Китайские идеологемы – закреплённые в языке выражения, имеющие сокращённый вид – могут выступать своеобразным кодом, расшифровав который, можно соприкоснуться с историческими реалиями. Многие из них не только не утратили своей актуальности, но и приобрели в современной реальности новые смыслы. Например, идеологема 四个伟大 (досл.: *четыре величия*), выдвинутая Си Цзиньпином на XIX съезде КПК,⁵ пришла на смену одноимённой идеологеме, созданной Линь Бяо в 1967 году, призванной прославлять достоинства Мао Цзэдуна, проявленные в период

¹ В 2006 г. разработана Ху Цзиньтао, также известна под названием «Восемь шагов программы Ху Цзиньтао» или «Социалистические понятия о чести и бесчестии». (Прим. пер.).

² Представлена Ху Цзиньдао в 2006 г. во время четвертой сессии НП КСК 10 созыва. (Прим. пер.).

³ Прославляет любовь к Родине, служение народу, стремление к знаниям, трудолюбие, сплоченность и взаимовыручку, честность и верность слову, следование дисциплине и закону, порицает вредительство Отчизне, предательство народа, необразованность, личную выгоду в ущерб другим, безделье и праздность, корыстолюбие и алчность, нарушение законов и дисциплины. (Прим. пер.).

⁴ Связана с именем Ли Тяньчжао, одного из организаторов работы на нефтедобывающем заводе в Дацине, получившего одобрение премьер-министра Госсовета КНР Чжоу Эньлая в 1963 г. (Прим. пер.).

⁵ Включает 伟大斗争 (*великую борьбу*), 伟大工程 (*великие проекты*), 伟大事业 (*великие дела*), 伟大梦想 (*великую мечту*). (Прим. пер.).

Культурной революции: 伟大导师 (*Великий учитель*), 伟大领袖 (*Великий вождь*), 伟大统帅 (*Великий полководец*), 伟大舵手 (*Великий кормчий*). Следует отметить, что, несмотря на идентичность формулировки на китайском языке, в переводе на русский язык данные идеологемы звучат по-разному: *четыре величия* и *четырежды великий*¹ соответственно.

Перевод идеологем, обладающих лингвокультурной спецификой, является непростой задачей. Выбор стратегий при переводе научно-популярных и публицистических текстов, содержащих идеологемы, обусловлен рядом факторов, в числе которых не только контекст употребления данной языковой единицы, но и способы сокращения, особенности подвергнутых обобщению понятий, связь с моментом и субъектом провозглашения идеологемы и др.

Функционирующие в современном обществе идеологемы, как правило, соотносимы с общественно-политическим дискурсом, проблемами развития экономики, науки и техники, разрешения социальных проблем, реализации национальных проектов, а также могут быть связаны с именами или идеями какого-либо деятеля. Например, идеологема 老五篇 (досл.: *пять истинных идей*) связана с именем Мао Цзэдуна², а идеологема 三个代表³ имеет регулярное переводческое соответствие «*тройное представительство*» и указывает на идеологическую концепцию трансляции интересов народа Коммунистической партией Китая. Для сохранения необходимого функционального тождества исходного значения идеологемы в текстах оригинала и перевода необходимо сбалансировать соотношение передаваемого смысла. Если для знакомого с советскими и коммунистическими реалиями системы управления в КНР читателя понимание «тройного представительства» и «истинности пяти идей» не вызывает трудностей, то для остальных читателей, особенно иностранных, требуется дополнительное пояснение или расширение объема единицы перевода, например, *пять истинных идей Мао Цзэдуна, тройное представительство КПК*, соответственно.

¹ <https://bkrs.info/slovo>

² Обобщает выдвинутые председателем КНР идеи: 为人民共和国服务 – *служить народу и партии*, 纪念白求恩 – *помнить Бетьюна*, 愚公移山 – *преодолевать препятствия*, 纠正党内的错误思想 – *искоренить ошибочные идеи*, 反对自由主义 – *противостоять либерализму*. (Прим. пер.).

³ Досл.: тройное представительство – лозунг, выдвинутый Цзян Цзэмином в 2000 г.: 1) КПК представляет требования развития передовых производительных сил китайского общества; 2) КПК представляет самые прогрессивные тенденции китайской культуры; 3) КПК представляет самые коренные интересы китайского народа, см. БКРС. (Прим. пер.).

Такие комплексы нередко вызывают трудности при переводе, поскольку точное воспроизведение семантики входящих в него элементов не даёт, как правило, идентичной в содержательном отношении аналогии в языке перевода. История существования языковых единиц подобного рода уходит корнями в глубокое прошлое Китая. Такие речевые единицы появлялись в языке с древнейших времён, например, ещё в «Книге песен», самом раннем литературном памятнике китайской древности, можно встретить упоминание о так называемых «*пяти имею*¹» (кит.: 五有). В древнем языке семантическое единство «*пять имею*» указывало на наличие пяти необходимых для существования любой семьи условий, в числе которых домашние животные, крыша над головой и т. д.; в Средние века указывало на такие характеристики представителей учёного сословия, как уважение, зажиточность, смелость, мудрость и добродетельность, обладание которыми обусловлено наличием служебной должности, знатного происхождения, врождённых способностей, человечности и манер, соответственно².

На современном этапе развития «*пять имею*» получило новое звучание, теперь под «*пять имею*» понимается предоставление гражданам Китая пяти возможностей социального обеспечения и социальных гарантий, в числе которых возможности получения образования, достойной оплаты труда и распределения доходов, медицинского обеспечения, пенсионных гарантий и материальной поддержки обездоленных слоев населения.

Столкнувшись в переводе с таким языковым фактом, невозможно оставить его в буквальном оболочке, поскольку это будет влиять на стилистику текста перевода, ведь в русском языке отсутствуют подобного рода сокращения. В этой связи представляется важным поиск такого переводческого решения, которое позволило бы передать смысл в полном объёме, без искажения сути составляющих его понятий и без излишних пояснений и описаний. Причём немаловажным является и поиск оптимальной формы выражения искомого содержания (в том числе и с точки зрения стилистики) в языке перевода.

Безусловно, одним из способов перевода таких единиц с китайского языка на русский язык может стать восстановление буквального смысла и воспроизведение его в приемлемой для языка перевода форме. Однако такое решение может быть затруднено типологическими особенностями ки-

¹ Не исключая непривычности звучания на русском языке данного значения, автор склонен использовать данный буквализм исключительно в разъяснительных целях. (Прим. пер.).

² 有势而尊贵, 有家而富厚, 有资而勇悍, 有心而智慧, 有貌而美好 (досл.: имеет должность и поэтому уважаем, имеет происхождение и поэтому живёт в достатке, имеет врождённые качества и поэтому смел и решителен, имеет сердце и поэтому мудр, имеет манеры и поэтому добропорядочен). (Прим. пер.).

тайской языковой системы. Невыраженность в китайском слове принадлежности к той или иной части речи позволяет проявлять языковым единицам различные грамматические значения в разных контекстах употребления. Так, морфемы с регулярным качественным или предметным значением в определённом речевом контексте могут называть действия или состояния, и, наоборот, морфемы, регулярно употребляемые с предикативным значением, могут, исходя из намерения говорящего, реализовывать предметное значение.

Для русской языковой традиции процесс наименования всегда сопряжён с именным, предметным значением слова. Если говорить об идеологиях с числительными, то количественный показатель, прежде всего, апеллирует к использованию имён, однако большинство идеологем китайского языка в качестве ключевого элемента имеют единицы качественного или предикативного характера. Поэтому, встретившись в исходном тексте с подобным рода явлением (в рассматриваемом примере с сочетанием числительного с морфемой 有 (досл.: *иметь*) чаще всего реализующей предикативное значение), переводчик испытывает затруднения.

Как переводить такие единицы? Представляется важным исходить из значения единиц перевода, соответствующего условиям заданного оригинального контекста. Поскольку таким образом можно подобрать наиболее подходящее обобщающее слово, в том числе и образованное от переводческого соответствия с предикативным значением, существительное русского языка.

Кроме того, возможно и предусмотренное содержанием исходного текста пояснение транслируемой идеологемы, то есть перечисление значимых её аспектов, концептуальных составляющих, характеристика которых чаще всего представлена в тексте оригинала в параллельном формате. При переводе следующего предложения, содержащего описанную выше идеологему, 早在 2007 年 10 月, 党的十七大报告就提出了涵盖教育、收入分配、医疗、养老、住房等民生需求的五个主要方面的民生建设的“五有”目标¹, буквальное воспроизведение её значения «*пять имею*» оказывается неприемлемым в качестве обобщающего слова, отвечающего условиям контекста и формату пояснений, можно использовать иной вариант перевода.

Центральное значение предиката в такого рода конструкциях не вызывает вопросов. Теория коммуникации позволяет говорить о наличии в высказывании двух частей, а именно предмета сообщения и его характери-

¹ Пер.: «Еще в октябре 2007 года в докладе XVII съезда КПК был выдвинут ориентир строительства народного благосостояния, получивший название «пять возможностей», подразумевающий обеспечение народа страны возможностями получения образования, распределения доходов, получения медицинского обслуживания, а также пенсионного и жилищного обеспечения». (Прим. пер.).

стики, которая может описывать свойства, действия, события, количество и др., то есть носить характер качественного, количественного, номинативного, а также предикативного характера. Анализ структуры высказывания, уточняющего смысл сложносокращённого слова, позволяет выбрать наиболее подходящий эквивалент для лаконичной и в то же время точной передачи глубокого содержания, заключённого в идеологеме. Чёткое разграничение коммуникативной сущности двух элементов высказывания позволяет находить эффективные переводческие решения.

Использование в качестве соответствия словосочетания «*пять возможностей*» обусловлено функциональной заменой исходного номинатива с целью адекватной передачи значения и сохранения структурных особенностей сокращения как основы для объективации идеологического смысла, приемлемой и при переводе дальнейшего повествования: 在“五有”的基础上增加了幼儿教育和帮扶弱势群体的内容，确立了新的民生事业建设的目标¹

На основе семантического анализа ключевого компонента идеологемы, представленной в форме сокращения с числительным имени (качества или предиката), позволяет переводчику расширить смысл сокращения и применить конкретизацию или описательный способ для передачи максимально полного значения представленной языковой единицы. Так, для расшифровки «*пяти иметь*» используются одна и та же конструкция, центральное место в которой занимает глагол, указывающий на обладание возможностями в разных аспектах: больной имеет возможность получить медицинское обслуживание, пожилой имеет возможность получить пенсионное обеспечение или ребёнок школьного возраста получает возможность обучения и т. д.

Параллелизм расшифровывающих значение сокращения конструкций, как правило, построен с учётом повтора одного и того же предикативного компонента, который участвует в образовании значения идеологемы. В качестве примера рассмотрим перевод на русский язык знакомой каждому китайцу идеологемы 六个更加 (досл.: *шесть ещё более*), которая была выдвинута в начале нынешнего столетия в связи с развитием концепции о построении социализма с китайской спецификой.

Данная концепция предусматривает условия, способствующие достижению успеха развития Китая как внутри страны, так и на международной арене. В ней представлены сформулированные в параллельном формате шесть направлений, требующих усиления развития. При переводе предложения 2002年11月，党的十六大首次提出“全面建设小康社会的概念”同时提出“全面建设小康社会”的六个“更加”任务，即经济更加发展、

¹ Пер.: «На основе «пяти возможностей» было подчеркнуто важное содержание, затрагивающее проблемы дошкольного образования и обездоленных слоёв населения, что определило новые цели строительства народного благосостояния». (Прим. пер.).

民主更加健全、科教更加进步、文化更加繁荣、社会更加和谐、人民生活更加殷实¹ дословное воспроизведение значения идеологемы «*шесть ещё более*», безусловно, будет казаться непривычным для слуха русскоязычных читателей. Учитывая параллелизм построения расшифровывающих значения идеологемы задач, можно найти такое обобщающее слово, которое бы, с одной стороны, стало основой воспроизведения смысла идеологемы, а с другой стороны, позволило сохранить идентичную структуру в пояснениях указанных аспектов. Для передачи на русский язык значения интересующей нас идеологемы, лаконизация формы которой основана на идентичности поясняющих её аспектов, можно прибегнуть к описательному переводу (*шесть целей строительства общества Сяокан, предусматривающих ещё большие усилия правительства в следующих аспектах*).

Для сохранения стилистического компонента значения исходного содержания, представляется целесообразным отразить параллелизм в презентации смысла прославляемых данной идеологемой задач, то есть идентичность грамматического оформления шести формулировок с повтором ключевого компонента, ставшего в силу такого функционирования основой для сокращения. В китайской языковой действительности грамматический параллелизм является одной из форм, обладающих устойчивой когнитивной значимостью, поскольку формализация смысла, транслируемого парными построениями, способствует усилению их выразительности, отображаемые в них идеи закрепляются в сознании носителей². В этом случае, несмотря на описательность, возможным оказывается сохранение того эмоционального посыла, который находит отражение в структуре исходной идеологемы.

Итак, трудности перевода китайских идеологем связаны с тем, что в большинстве случаев они представляют собой семантический комплекс, суммирующий несколько концептуально значимых понятий. Такие сложносокращённые слова в своём составе обязательно имеют числительное, а вторым компонентом этого комплекса является языковая единица, указывающая на характер или сущностные компоненты идеологической концепции. Построенные по модели «числительное плюс номинатив» сложносокращённые слова являются характерной чертой текстов, предназначенных

¹ Пер.: «В ноябре 2011 года на XVI съезде КПК впервые была выдвинута концепция повсеместного строительства общества Сяокан, а также поставлены шесть целей строительства общества Сяокан, предусматривающих ещё большие усилия правительства в следующих аспектах: (ещё большее) ускорение экономического развития, (ещё большее) укрепление народной демократии, (ещё большая) интенсификация научно-просветительского прогресса, (ещё большее) процветание культуры, (ещё большая) гармонизация общества и (ещё большее) повышение уровня жизни народа. (Прим. пер.).

² А. Н. Булдыгерова Китайские парные надписи как языковое явление: этапы формирования и развития, Гуманитарный вектор, 2018, т. 13, № 5, С. 16.

для массового получателя, то есть текстов, адресатом которых является институт, орган власти, социальная организация. Способность морфем китайского языка обнаруживать различные грани грамматических возможностей, которыми они наделены, выступает важным условием для соединения с друг с другом и выражения подчас не переводимых на языки алфавитных письменностей значений: имён, характеристик и свойства, действий и событий, сюжетов и концепций. В этом случае принцип параллельного построения выступает не только удачным способом для актуализации включённых в идеологему аспектов, но и эффективной тактикой для оптимальной передачи включённого в идеологические семантические комплексы содержания, поскольку, интерпретируя значение описываемых характеристик, можно подобрать обобщающее слово, в максимальной степени отражающее черты описываемого денотата. Такой подход к пониманию исходного содержания китайских идеологем может стать удачной основой для передачи максимального объёма значения.

Литература:

1. Булдыгерова А. Н. Китайские парные надписи как языковое явление: этапы формирования и развития, Гуманитарный вектор, 2018, т. 13, № 5.
2. Карамова А. А. Идеологемы: определение понятия и типология // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. Часть 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20815>
3. Пионтек Б. Идеологема как речевая лексическая единица//Моск. ун-т. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2010. № 1.
4. <https://baike.baidu.com/item>
5. <http://www.people.com.cn/>

ЗЕМЛЯ ДАУРСКАЯ

ПОЛЬ ЛАББЕ (1867 – 1943)

В КРАЮ ЛАМ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Лаббе, Поль Огюст (Paul Auguste Labbé), французский лингвист, этнолог, специалист по Сибири, член французского географического общества, генеральный секретарь торгового Географического общества в Париже (1905–1919) и Французского альянса (1919–1935). После окончания лицея учился на юридическом факультете и в Школе восточных языков, где, обладая исключительными данными к изучению языков, выучился русскому. В 1896 году Министерством народного просвещения Франции отправлен в научную командировку в Россию, с которой и начались его путешествия по стране. Один из лучших знатоков нерусских народов Сибири и Дальнего Востока России. Поль Лаббе совершил ряд поездок по восточным провинциям Российской империи (1896, 1897–1898, 1902, 1906). Его книги, насыщенные яркими бытовыми сценами и ценными этнографическими наблюдениями, представляют важный источник восприятия российской глубинки европейцем конца XIX – начала XX в.

Гл. 3. По селенгинским степям

Селенга. Скотоводство. Учитель и рыбная ловля. По дороге к Гусиному Озеру. Онбоны. Лама Дылгирев. Прием у Хамбо-Ламы¹.

Построенный в лесу недалеко от Селенги, которая живописными изгибами течёт у подножия гор с обнажёнными вершинами, но с зеленеющими склонами, Селенгинск – очень маленький городок, хотя и центр большого уезда. Жителей в нём 1100 человек, заняты они огородничеством, сельским хозяйством, охотой и рыбной ловлей. Сельское хозяйство – в цветущем состоянии, хотя животноводство играет ещё бóльшую роль, как и в остальном Забайкалье. Лошадей в области – 650 тысяч, почти одна лошадь на человека, но крупного рогатого скота две головы и мелкого две с половиной головы на человека (миллион триста тысяч коров и быков, полтора миллиона овец). Может быть, нигде в Сибири нет больше скота,

¹ См. начало в журнале «Переводчик» № 21, 2021. СС. 210–219. (Прим. ред.).

он живет в очень благоприятных условиях: луга поливаются, в них мало болотистых мест, на пастбищах обилие питательных трав. И даже у бурят иногда встречаются места для зимовки скота, и нередко можно видеть удобряемые луга. Вероятно, нет в мире страны, где бы животноводство было столь разнообразным. И действительно, к козам и овцам, коровам и лошадям надо присоединить 2500 оленей, которых разводят тунгусы и орочны¹ на севере области и 10 тысяч верблюдов на юге.

На следующее утро после моего приезда в Селенгинск большой караван верблюдов остановился на большой площади. Они везли тюки с чаем из Китая для перегрузки на Транссибирскую магистраль в Верхнеудинске. Бедные животные имели измученный вид; лёжа на земле, очень грязные, медленно пережевывали пищу. Вережками они были связаны друг с другом, один конец верёвки к хвосту, а другой конец в ноздрях, часто окровавленных, следующего за ним верблюда.

Много чиновников было на площади, среди них я познакомился с приставом² Курбатовым, который помог с фотосъемкой, и со школьным учителем, пригласившим меня на рыбалку, сообщив мне, что вернусь с множеством рыб и сведений.

Увы! Рыб было немного, хотя в Селенге их много. Из семи миллионов лососей, добываемых в области, самое большое число их принадлежит этой реке, где ещё ловят осетров, хариусов, линей, сигов, окуней, щук, карпов и карасей. Мы вынуждены были удовольствоваться двумя окунями и тремя карасями.

По правде говоря, рыбная ловля практикуется на берегах Байкала, в Селенге и Баргузине. Наиболее ценной рыбой считается лосось и омуль, достигающий больших размеров, с сочным мясом. Его сразу же солят и отправляют в Иркутск, а оттуда в Европу. Рыбная ловля, так, как она понималась раньше, состояла в варварском и неразумном истреблении рыбы. В 1895 году был установлен регламент и контроль за его исполнением; результат этих мер ещё недостаточен для охраны богатств края, тем не менее ободряющ.

Чарующий вид расстилается на другой стороне реки, где возвышается совершенно белая прелестная церковь старого Селенгинска, с прихожанами полурусскими-полубурятами, которых худо-бедно наставляет в вере малообразованный поп. «Это суеверный народ, верит во всякие абсурдные

¹ Орочны – народ тунгусского племени, сибирской ветви. Группы с самоназванием ороchon в России включены +в состав эвенков. (Прим. ред.).

² Становой пристав – полицейское должностное лицо в Российской империи, возглавляющее стан – полицейско-административный округ из нескольких волостей. Должность учреждена в 1837 г. Положением о земской полиции. Здесь и далее используется написание имён собственных и реалий так, как со слуха их понял автор. (Прим. пер.).

вещи, – говорит мне школьный учитель, – даже сам поп, когда болеет, то лечится у лам». И это напоминает мне слова другого попа: «Хамбо-ламу как священника я презираю, но как врач он бесподобен, он научит всех русских докторов».

Я возвращаюсь с учителем, у которого я должен обедать. По дороге заходим к очень бедным бурятам, один из них работает, а рядом в поставленной на землю колыбели под ярким солнцем спит ребенок.

Через несколько минут заходим в школу, где я весело пообедал. У детей каникулы, и учитель, страстный любитель рыбалки, не слишком об этом сожалеет. «Ученики меньше клюют, – забавляясь, говорит он мне, – на наживку моего обучения, чем рыбы на мой крючок». Ученики – дети русских и бурят, эти последние часто более работоспособны и спокойны, у них большие способности к математике и рисунку. День мирно заканчивается. Чиновники, с которыми я познакомился в Селенгинске, добрые люди, не знают, что и поделывать, чтобы доставить мне приятное, за что мне и остаётся всех благодарить: учителя, пристава Курбатова и столоначальника¹ Остромецкого.

Этот последний сопровождал меня на следующий день до монастыря у Гусиного озера. В качестве слуги мне был дан крещёный бурят. Звали его Герасим Батуев. Он сел рядом с кучером, а мы с Остромецким уселись на плохой телеге. Если повозка была отвратительной, лошади были очень хороши, но мне не долго пришлось этому радоваться. Телега не была приспособлена для быстрой езды, и колесо неожиданно отскочило. Чудом мы не перевернулись. Пришлось заняться починкой телеги, и после получасовой остановки худо-бедно мы покатали дальше. Дорога была сносная и очень широкая, пейзаж представлял собой очень холмистое плато, паслись стада, но травы было мало, солнце довело её до рыжего цвета, а чрезвычайно обильно расплодившаяся саранча её стгрызла.

Пока Остромецкий наблюдал за починкой нашей телеги, я пошёл с Герасимом к онбону, который стоял на самой высокой точке плато. В краю бурятов и во всей Монголии можно их увидеть: это ветки деревьев, связанные в пучок, и издали они походят на огромные кусты. К ним привешиваются бумажки или кусочки ткани с молитвами. Под ними на земле виден рассыпанный рис, табак и чай: это приношения от проходящих верующих духам, которых нужно задобрить.

Я только что закончил фотографировать онбон, и, поворачиваясь, заметил, что Герасим бросил монетку под ветки; падая, монета ударилась о землю с характерным стуком. Я подошёл поближе и увидел на земле посреди других приношений двухкопеечную монету.

¹ Столоначальник – в 1811–1917 гг. должностное лицо, возглавлявшее так называемый стол – низшую структурную часть центральных и местных государственных учреждений. Обычно были чиновниками VII класса. (Прим. пер.).

«Ты приносишь жертву монгольскому богу, а я тебе считал христианином», – сказал я Герасиму.

«Конечно, – ответил мне мой слуга, – я даже родился от крещёных в детстве родителей». Затем, пожав плечами, он добавил: «Вы знаете, наш бог, когда я его прошу о чем-либо, не всегда милостив. Поэтому теперь, когда есть подходящий случай, я обращаюсь и к монгольскому богу: если один не даст то, что я желаю, может быть, другой будет более великодушен.

– Но, когда твоё желание исполнено, кого ты благодаришь?

– Ах! – спокойно отвечает мне Герасим, – как вы хотите, чтоб я знал того, кто смягчился? Я никого не благодарю!

Мы снова уселись на телегу, и километра через два наши лошади сделали прыжок в сторону и понеслись, напуганные, налево. Справа дороги валялся разлагающийся труп лошади; стаи воронов носились вокруг, а какая-то большая хищная птица с окровавленным клювом взмахивала крыльями, её когти так глубоко вошли в разложившуюся плоть, что она казалась привязанной к трупу. И вдруг перед нами показался монастырь. Пейзаж был очень необычен: у наших ног расстилалось большое озеро с капризно змеившимися серебристыми ручейками по пожелтевшей степи, дацан со своими храмами и часовнями, с домами лам, создававшими вид целой деревни. Рядом с монастырём, слева, возвышался холм с большим онбоном, а далее в глубине протянулась горная цепь, за которой находился Байкал. Наш кучер отклонился немного влево, нужно было найти подходящий брод: ответвление ручья было широкое и глубокое. И на всей скорости, с риском ещё раз потерять колесо, мы вкатились на большой двор, с открытыми настежь воротами. К нам подбежал какой-то молодой человек, впустив нас, исчез на минуту и вернулся в сопровождении ламы. Лама приближался со всею солидностью сана, одежда его был цвета жёлтого чижики, красное широкое полотно укрывало плечо до подмышки; рукава изнутри были небесно-голубого цвета, а на голове – жёлтая шляпа странной формы. Он несколько театрально меня приветствовал и спросил, являюсь ли тем ожидаемым иностранцем, и какую степень я имею в моей стране. И прежде, чем я смог ответить, Остромецкий с наивозможным апломбом громко произнёс: «Его превосходительство – генерал!»

Дылгирев – это было имя ламы – принял ещё более величественный вид. Я извинился, что потревожил его, оторвав от его учеников и молитв.

«Нет, – мне ответил Дылгирев, – я спал!» Я не мог удержаться от смеха, и Дылгирев тоже: человек честно снял свою маску, он принял было на себя торжественный вид, но природа одержала верх, и я его увидел таким, каким он был, – компанейским и весёлым человеком.

Юный лама вбежал, чтобы сообщить нам, что Иролтуев, Бандидо Хамбо-лама, нас ожидает. Дом высшего духовного лица был построен из дерева, на большом дворе было несколько жилищ, самое большое для

Иролтуева, другие для учеников и приезжающих гостей. Приём был несколько церемонным. Хамбо-лама, несмотря на любезность, сохранял сдержанность. Избегая моих вопросов, он начал говорить обо мне. Он сказал мне, что знает Францию. В 1900 году он был в Петербурге для представления императору, затем он совершил путешествие по кругу, но какое путешествие! От Гусинога озера через Петербург, Париж, Марсель, Цейлон, Индию, Сиам и Китай. Он отправлял божественную службу в музее Гиме¹ и знал нескольких из наших лучших ориенталистов.

Иролтуев рассказал мне это, улыбаясь, он казался интеллигентным и симпатичным; потом резко сменил тему разговора и обещал мне во время моего пребывания в дацане все сведения, которые мне понадобятся, за что я искренне его поблагодарил... Но моя аудиенция была закончена. Хамбо-лама должен был принять китайских гостей. Я удалился.

Дылгирев ждал меня после приёма. Был приготовлен ужин, баранина была спрыснута мадерой. Мы её съели вместе. Он уже не был величественным Дылгиревым поутру, это был славный человек, весело воспринимавший жизнь, он и смеялся, как ребёнок.

«И теперь вам можно отдохнуть, – сказал он мне, – после хорошей трапезы здорово хорошо поспать, у нас клопов нет!»

И моя ужасная ночь в Верхнеудинске пришла мне в голову, я рассказал её Дылгиреву, он смеялся как сумасшедший. Но смех его резко пропал, когда я ему рассказал об избиении клопов.

– Сколько же вы их убили?

– Откуда я знаю, может быть, штук сорок!

– Так ведь вы совершили сорок грехов!

И лама объяснил мне, что никто не должен убивать живую тварь, которой Будда дал жизнь; это преступление для ламы и большой грех для обычных людей. «Ну, что ж, прекрасно, – сказал я Дылгиреву, – вы ели со мной баранину. Баран был убит, я согрешил, а вы совершили преступление!»

Мое рассуждение удивило Дылгирева, и он начал царапать голову, а потом с полнейшим равнодушием выдал: «О, знаете ли, когда мясо приготовлено, греха нет больше!»

Гл. 4. Монастырь у Гусинога озера

Богдо-геген, живой бог в Урге. Великие перевоплощения. Разговоры с Хамбо-ламой. Новорождённый. Ламы и их ученики. Инструменты для священной музыки. Храмы монастыря, статуи и предметы культа.

¹ Национальный музей восточных искусств – музей Гиме (фр. Musée national des Arts asiatiques-Guimet), ранее носивший название «Музей в Париже» (фр. Musée Guimet). (Прим. пер.).

Воплощение бога, Богдо-геген, которого почитают прежде всего буряты и их ламы, живёт в самой Монголии, в священном городе Урге. Тяжёл туда путь из сибирских монастырей, однако каждый лама и паломники отправляются молиться в священных храмах человека-бога. Дорога отвратительна – иногда песок, иногда камень, но всегда неприятна, а повозки неудобны. Сменяются однообразные пейзажи, на пути встречаются дикие животные, ночью раздаётся вой волков, вокруг стоянок кружат орлы, тучи воронов, повсюду валяются трупы – добыча хищников, они гниют, распространяя вонь, их едят змеи, рвут на части хищные птицы, а изголодавшие собаки, если к ним приближаются, уносят в зубах куски гниющих тел, женскую руку или голову ребенка. В Урге свалка трупов гниёт и воняет невыносимо, но город чрезвычайно интересен, он свят для монголов и бурят. Живой бог обитает в большом дворце, вокруг которого возвышаются великолепные храмы, в них разносится благоухание пахучих и благодатных растений, в спокойной и величественной безмятежности возвышаются одетые легкими шелками серебряные и золотые изображения будд.

В наше время для бурят существует три великих воплощения Бога: первое – Далай-лама в Лхасе, самом святом городе, второе – Римбоче, обитающий в монастырях Лавраны, третье – Богдо-геген. Далай-лама, после распри с английской экспедицией полковника Янгхасбенда¹ в Тибете попросил укрытия на некоторое время у Богдо-гегена. Как два бога договорились? Пока ещё это тайна. Боги должны быть чертовски завистливы в вопросах власти, и абсолютный властитель Богдо-геген у себя не попытается ли подвергнуть сомнению превосходство своего божественного собрата, лишённого власти?

Далай-лама же, знаток религиозных традиций, мог посчитать бога из Урги несколько схизматиком, поскольку Богдо-геген осовременивается: занимается фотографией, ездит на охоту и мечтает о езде на велосипеде, слишком странным орудии, чтобы не быть созданным дьявольскими руками.

Дылгирев утверждал, что бог вынужден иметь ружьё. Дьяволица в разном обличье постоянно пытается соблазнить его. Чтобы приблизиться к нему, она принимает форму какого-либо животного. И только бог может её признать в теле козы или дикого буйвола. И как только происходит такая встреча, бог хватается за ружьё, но дьяволица вовремя покидает свою смертную оболочку, а бог остаётся с ружьем в руке, чтобы предохраниться от новых искушений.

Ходят слухи, что уж не с такой энергией женщина презирается Богдо-гегеном, говорят даже, что у него их две, а злые языки утверждают,

¹ Янгхасбенд, Франсис Эдвард (род. в 1863 г.). Военный, путешественник по Азии. Начальник военной экспедиции Британии в Тибет (1903–1904). (Прим. пер.).

и больше. Однажды я говорил об этом Хамбо-ламе Иролтуеву, который вместо ответа отделивался неопределенной и непонимающей улыбкой.

«Но вы, когда я говорил с одним ламой, долго бывали в Урге, и когда вы видели бога, он всегда был один?»

И сконфуженный лама мне сказал: «Всегда, хотя, однако, мне кажется, что один раз я видел нечто похожее на женщину».

Все присутствующие запротестовали. Их коллега посчитал, что видел, он не утверждал, и всякий дьявол любит принимать вид женщины, и эта неловко дала себя заметить. Я засмеялся, но один лама с гневом и не без основания сказал мне:

«После всего, он бог. Он знает лучше, что ему делать. И это никого не касается!»

Я повернулся к Иролтуеву, любопытствуя узнать его впечатление от столь вольных речей: Хамбо-лама благодушно продолжал улыбаться, сидя на полу, на красного шёлка подушке, руки на коленях, чётки на запястье, с серьёзной безмятежностью, которой восхищаются в старых статуях Будды.

Ламы поступают как боги; целомудрие составляет для них основную добродетель. Однако часто поговаривают, что они доверяют пасти свои стада женщинам, и злые языки считают, что эти пастушки имеют тайные снисхождения для своих господ, к тому же сыновья лам, как в былые времена у наших архиепископов, называются племянниками.

Однако, и надо это громко заявить, есть ламы весьма праведной жизни, и много шеретуи, или настоятелей монастырей, чрезвычайно суровых к нарушениям целомудрия.

Иролтуев всегда был любезен со мной, но только во время моего второго пребывания мне удалось, или я посчитал, что мне удалось, завоевать его доверие. Долго он был сдержанным со мной из опасения, что я могу скомпрометировать его, передавая так или этак сказанное им. Когда я ему задавал точный вопрос, он отвечал, что слишком стар, чтобы ответить: у стариков короткая память, и он чувствовал себя мало расположенным к ответу. Отсюда более или менее ловкие уходы от них, может быть, только за исключением последнего. Иролтуев не всегда был здоров, но он не был стариком, и впрочем, у всех коренных народов наиболее пожилые говорят, просвещают и осведомляют о чём-либо. Сколько раз я слышал эту фразу: когда стареют, вот тогда и вспоминают.

Иролтуев любил говорить о политике. Его интересовали китайцы и вызывали сожаление.

«Все европейцы хвастают своей цивилизацией, – возмущался он, – а объединяются против них. После боксерского¹ восстания, было страшное

¹ Боксёрское восстание (восстание ихэтуаней, от китайск. «отряды справедливости и согласия») – массовое антизападное движение китайцев (ханьцев) под лозунгами защиты суверенитета страны и изгнания всех иностранцев-христиан, которое охватило большую часть северных провинций Цинской империи в 1898–1901 гг. Европейцы

истребление людей, в чём все европейские народы приняли участие, сжигали буддистские храмы, оскорбляли наших священников, если не убивали; разграбили наши монастыри, разбили предметы культа, и это всего досаднее, так как я предпочту вора человеку, разрушающему святыни из удовольствия осквернения».

Всю глубину размышлений Иролтуев не показывал, но говорил с большой горечью. Он испытывал некоторое удовольствие обвинять европейцев, особенно потому, что среди них были русские. Ламы, которых некоторые часто пытались считать активными сторонниками России, были первыми пострадавшими от реформ, угрожающих наиболее состоятельной части бурятского населения.

Иролтуев часто принимал визитёров. Однажды он пригласил на приём одно значительное лицо. Это был Арбан Доржеев, бурят, побывавший когда-то в Лхасе. Он понравился Далай-ламе и стал его доверенным лицом. Много раз бог посылал Арбана Доржеева в посольство к царю. Он возвращался из Петербурга, и я его увидел в дацане. Он остановился в дацане, как утверждается, чтобы поменять лошадей. Очень вероятно, что остановка была дольше, и интересный разговор имел место между ним и Иролтуевым. Арбан Доржеев среди монгольских лам почти походил на наших монахов: у него был очень цивилизованный вид, бритая голова, он казался очень молодым. Он мне рассказал, что был в Париже и проводил несколько раз службу в музее Гиме.

Среди всех моих новых знакомых Дылгирев оставался постоянным спутником, и признаюсь, мне его недоставало, когда он отсутствовал. Однажды за ним приехал один бурят для обряда омовения ребёнка. Когда у женщины появляется ребёнок, призывают какую-нибудь старушку, которая выполняет роль акушерки, затем через три дня приходит лама омыть ребёнка и дать ему имя, которое он сам выбирает, поскольку он знает имена, которые могут принести несчастье новорождённому. Родители за труды дают ему небольшой подарок или просто рубль.

В этот день стояла страшная жара, и я дал ему мой серый зонтик, который ему сильно нравился. Он отправился на лошади, весь в жёлтом и красном, под защитой от солнечных лучей. Он считал, что им восхищаются, и начал сам восхищаться собой. По его возвращении я зашёл к нему в комнату спросить, не во время ли молитвы я к нему вошёл. «Да, – отвечал он, – но это ничего». Он крутанул свою мельницу молитв, род коробки, которая вращается на стержне, а в коробке находится написанная на бумажке молитва.

назвали восставших «боксёрами», поскольку приёмы из арсенала традиционных боевых искусств (кун-фу), сопровождавшиеся магическими заклинаниями, напоминали движения боксёров. (Прим. пер.).

«Мы можем спокойно поговорить, – сказал он, – мельница вращается и молитва читается сама собой».

Если Дылгирев любил, может быть, немного больше лень, которую он называл созерцанием, другие монахи в дацане работали. Учеников (послушников) было очень много. Дети могли поступить в монастырь в этом качестве с 7 лет. В первые годы, лет до десяти, они могли возвращаться по вечерам домой к родителям. Их учили монгольскому алфавиту, затем читать и писать, немного арифметике, немного логике и заставляли читать молитвы по-тибетски.

Ученики не дают денег своему учителю, который получает подарки от родителей. У одного ламы может быть до 20–30 учеников. Некоторым из них по 25, 30 лет. Не все они станут ламами. Среди них есть и те, которые будут продолжать свое учение намного дольше и становиться врачами или астрологами. Астрологи очень чтимы в монастырях. Это они в дацанах Урги или Лхасы умеют видеть, изучая звёзды, когда бог умирает, и в каком детском теле воплощается божественный дух.

Жители монастыря занимались и другими работами: в нём была типография, фабрика бурханов¹, разные мастерские, музыкальная школа.

Каждое утро один ученик поднимался на возвышение, где находился большой барабан, подающий сигнал к молитве. И сразу же раздаётся музыка столь же странная, как и звучная: можно подумать о трубах и волынках, напрасно старающихся добиться согласия в звучании. Музыканты дуют в огромную трубу, называемую *буре*, которая удлиняется и сокращается наподобие подзорной трубы; другие играют в *бискур*, которая является буре среднего размера, *арранго* – металлический барабан, *химгрик*, род большого ящика из кожи, и *цимбалы*.

Главный храм дацана Гусиного озера был обширен; чтобы его украсить, с потолка висели баданы различных тканей, наподобие красных, жёлтых и синих знамён-орифлам: чемапремас – клубки-шарики ярких цветов, соединенные друг с другом шёлковыми нитями; джансаны – огромные бумажные фонари из бумаги; даиде – длинные шёлковые полотнища белого шёлка, так легки и тонки, что могли продеваться в обручальное кольцо. В глубине возвышались громадные идолы и много бурханов, иногда сделанных из драгоценных металлов. Много изображений Будды в разных возрастах, одетых в тибетские, а иногда и индусские одеяния; восьмирукий Ариаболо с двенадцатью головами; Майдари, который заменит Будду в правлении миром; Дзонхава, реформатор буддизма и создатель ламаизма; Оточи, бог медицины; Аюши, податель долгой жизни и процветания семьям; Ногон-Дара-Эхе, зелёная богиня, покровительница рождений; Цаган-

¹ Бурхан – монгольское слово, соответствующее санскритскому Будда. У буддистов-монголов обозначает изображения их многочисленных божеств, изготавливаемые из разнообразных материалов и различными способами. Б. изготавливаются у них из золота и серебра, из бронзы и меди, из глины, дерева и камня. (Прим. пер.).

Дара-Эхе, добрая богиня, умоляемая всегда не напрасно; Манджушири, бог мудрости и храбрости; ужасный Очервани; непристойный Чоиджил; Абеда; четверорукий Дойюхор с тремя головами; Комбо, совершенно синый, с ожерельем окровавленных голов и много других, перечислять которых было бы долго. Все эти боги-бодисатвы, то есть перевоплощения одних в другие. «Это, – говорил Иролтуев, – как лучи, исходящие от солнца – Будды».

Перед бурханами размещены Долонирдине, семь драгоценных вещей по преимуществу: искрящееся колесо, поднимающееся в небо и освещающее мир; камень, дающий прохладу в очень жаркое лето; образ святой женщины Чжакравартин Хан, обладающей совершенной красотой, прикосновение которой даёт отдых и радуется души; образ первого исполнителя этого хана, учащего милости и удалителя бедности; священный слон, топчущий врагов и подвигающий мудрого человека к благу, конь, пробегающий пространство со скоростью молнии и предохраняющий всадника от страха; почитаемый образ вождя-воителя, несущего меч Будды. Рядом с семью драгоценными вещами находятся Дакши-дакчжад – восемь благословенных предметов: зонт Дук, податель добродетели, уничтожающий грешные желания в сердце человека; вся золотая рыба Серния, живущая в святой реке Цзамбон; Бумба, священнейший сосуд; цветок лотоса Бадма, освобождающий от нечистоты и развращения; белая раковина Дунгар Изичен – символ счастья, заполняющий десять стран мира мелодичными звуками; чрезвычайно сложный рисунок Бальбеу; орнаментное украшение Чжалсан и Хорло, само колесо жизни.

И везде перед алтарями я видел семь чаш для жертвоприношений, которые ставят в своей палатке самые бедные буряты перед их предпочитаемым бурханом. Они носят следующие имена: Аргам, Бадин, Бусбе, Дуибе, Алоги, Ганди, Нибда, первая чаша полна чистой водой, вторая – освежающей, третья – с цветком, четвёртая – с благовониями, пятая – напоминает ночник, шестая – с благоухающей водой, седьмая – со сладостями. Самые почитаемые боги были окутаны широкими лентами лёгкого шёлка, рядом с ними блистает металлическое зеркало, называемое *толе*, и размещается *монкодзола* – большая чаша, крышка которой закрывает свечу, зажигаемую во время больших церемоний.

Рядом с дацаном – его вид напоминает некоторые китайские здания – среди монашеских домов разбросаны 17 других меньших храмов, они носят имя *суме*; некоторые совсем маленькие, посвящённые какой-нибудь инкарнации Будды; есть также храм Аюши, с многочисленными отдушниками, весь красный, в нём священная ваза с цветами; храм Оточи, основателя медицинского искусства и автора знаменитой книги Чжудиби, который, сидя, в правой руке держит в руках медицинские травы, а в левой – чашу для жертвоприношений; храм Манджушири, дающего мудрость: в

левой руке он держит книгу с цветком лотоса, а правой машет мечом для уничтожения уловок невежества, этот меч – символ высшей мудрости.

В другом храме видим прежде всего Докшитов, у них ужасный вид, их странные формы задуманы для прославления Будды и блага человеческого рода, у них непристойные позы, которые должны отвергать человека от пороков и вещей материального мира. Они топчут порочную женщину, принесшую столько зла от сотворения мира. Их много видно в свите Ямандавы, у 9 из них отвратительные лица и, чтобы победить зло, 34 мощных руки и 16 крепких ног, топчущих женщину в совокуплении.

Чаще всего мне приходилось видеть статую Майдари милостивого, будущего пятого Будды среди тысячи правителей мира. Царство его начнётся во втором мировом периоде, когда жизнь достигнет 80 тысяч лет. А сейчас он живёт на небе и объясняет учение Тенгрисам, почитаемым духам; когда придёт его час, он снизойдёт на землю и через 20 тысяч лет объявит себя Буддой. Его обычно представляют на троне, сидящего по-европейски, готового встать и идти для спасения мира.

Ученики часто приходят молиться в храмы. У двери всегда стоит длинная палка, обвязанная лентами, тканью, а иногда мехом. Надзирающий лама пользуется ею для возбуждения внимания болтунов или изгнания сонливости у учеников.

«Я ею охотно пользуюсь, – говорит мне Дылгирев, – мне это напоминает время, когда я получал удары, а не давал».

– Так вы не всегда были примерным учеником?

– Очень я был болтлив, – признался он честно, – когда не спал. И в моё время учителя были суровы, а дисциплина – без снисхождения! И это не всегда было забавно!

Старый лама, слушавший нас, вздыхая, прервал нас: «Да, но тогда мы были молоды, и несмотря ни на что это было хорошее время!»

Глава 5. Бурятская свадьба

Посещение Нимы. Экскурсия. Маленькая Дара. Свадьба. При лунном свете.

Однажды, ко мне пришёл человек, на визит которого я уже почти не рассчитывал. Дылгирев вошёл ко мне в 5 часов утра и изо всех сил начал стучать по столу, чтобы меня разбудить. Я работал вечером допоздна, и моим первым желанием было отправить ко всем чертям слишком шумного лама. Но с ним вошёл Нима, его добродушное лицо меня обрадовало. Он сдержал свое обещание, данное мне при посещении его родителей, тогда он провёл несколько часов вместе со мной. Это был умный парень, скорый на шутку и остроумный ответ. Он приходил ко мне несколько дней подряд, но, по счастью, в разное время. Мы сделали с ним несколько экскурсий.

Однажды вечером мы находились далеко от монастыря. Собиралась гроза, вечерело, быстро стемнело, ночь была тёмная, без луны, и с запада над горами двигались навстречу тучи. Нима предложил мне остановиться у его друзей. Те жили в одинокой палатке на равнине. Их было трое: отец тщедушного вида, мать мощного телосложения и третье лицо – тоненькая и грациозная девушка, совершенно милая. Нас приняли как старых друзей. Нима не раз говорил обо мне в доме.

«Действительно, малышка очаровательна, – сказал я своему спутнику, – у неё есть жених? Если нет, то женись на ней, Нима».

Нима покраснел и вместо ответа начал говорить о бурятской поговорке.

– Если желаете, я расскажу вам всю брачную церемонию. Дара, – добавил он, указывая на девушку, – довольно хорошо говорит по-русски, чтобы помочь мне, если я что-нибудь забуду.

И, в то время как хозяин дома, сидя рядом со мной, наливал мне чай, а дородная хозяйка готовила ужин, а Дара очень чисто вытирала стаканы и тарелки, Нима рассказывал обещанное.

Как везде у азиатских народов, родители молодого человека должны платить выкуп за невесту её родителям. Это, почти у всех коренных жителей Сибири зовется *калымом*. В большинстве семей, придерживающихся старых обычаев, детей обручают с самого нежного возраста, иногда даже с колыбели. К семнадцати годам молодой бурят думает о браке. Он знает, что сердце девушки можно завоевать внешностью, требует у отца новую одежду и красивого коня, которые дают ему возможность бывать везде и показаться во всей красе. Если он договорился с выбранной девушкой, то доверяет пока тайну своей матери, она становится его поверенной, и именно от матери отец узнаёт о намерениях сына, и, как часто у нас <во Франции>, мама отвечает на возражения отца и умеет победить его сопротивление. Он должен платить выкуп, а это малоприятная вещь. Перед отцом возникает проблема удовлетворения требований семьи девушки. Кто-либо из родственников или друг отца отправляется справиться о величине выкупа. Если претензии не кажутся слишком высокими, вестник отправляется со вторым визитом и с подарками: шарф для отца, ткань для матери. Девушка довольствуется колечком или просто конфетами.

– Это очень приятная роль, роль вестника, – вскричал мой хозяин, прерывая Ниму, – его поят у молодого человека, его поят у девушки; везде водка и подарки.

Как только произошёл обмен подарками, девушка должна жить отдельно от остальных и не выходить из дому. Калым для её родителей достигает одной четвертой или одной пятой состояния. Калым считается прекрасным, если в нём 50 быков и 50 овец; бывают выкупы и триста-четырееста голов скота. Вручение калыма не всегда обходится без споров.

Многие родители пытаются дать менее здоровых животных или более старых.

Когда калым получен, устраивается банкет для семей и их друзей. Перед самым почитаемым членом застолья кладут варёную голову барана; кожа которого на лбу предварительно разрезана на ленточки, они раздаются по степени родства или важности, гости их едят и бросают эти кусочки в отверстие крыши, куда выходит дым. Обильная трапеза состоит обычно из мяса – чем богаче семья, тем больше пьют водки. На этом застолье отсутствует только новобрачная. Дата заключения брака не устанавливается семьями, этим занимается лама: есть дни благоприятные и неблагоприятные, которые знает только лама. Только он также знает путь будущего свадебного кортежа, злых духов полно, и нужно их избегать. Родственники невесты никогда не соглашаются без протеста о дате свадьбы: она слишком близка, они хотят оставить девушку у себя на некоторое время... Но жених знает, как успокоить все эти жалобы и упреки, он уговаривает отца добавить два-три барана к калыму. И соглашение достигается.

Отец невесты должен приготовить для молодых войлочную палатку, которую он должен обставить соответственно. Кроме того, он даёт дочери одежду и украшения, это нечто вроде короны, украшенной драгоценными камнями и кораллами с длинными цепями, которые опускаются ожерельем на грудь.

Накануне свадьбы у родителей невесты состоится большой обед и вечер, на который собираются девушки и парни, но жених не допускается, тем не менее, праздник очень весёлый, пьют, поют и танцуют. Не все правила благопристойности очень соблюдаются, и не раз и не без того, чтобы добродетель невесты не подвергалась опасности...

Приглашается иногда сотни две человек для сопровождения невесты. Авангард составляют старейшины, остальные следуют верхом или на телеге по степени родства или важности. Невеста едет на лошади последней в окружении замужних подруг, так как девушки не участвуют в церемонии. Приглашённые дарят подарки, и кортеж трогается вперёд; постепенно кортеж увеличивается встречаемыми друзьями жениха. Время от времени процессия останавливается, чтобы выпить за счастье молодожёна. Во время таких остановок невеста сидит в сторонке на траве. Наконец её вводят в брачную юрту. Перед ней растягивают шкуру животного, чтобы скрыть её от любопытствующей публики, за этой шкурой подруги меняют ей причёску. Девушкой она носит восемь косичек, а замужем она должно носить только две косы.

– И она, – прерывает Дара, – плачет».

– Почему, – спрашиваю я.

– Может, она и не хочет»?

– У нас, – вмешивается в разговор хозяин дома, – женщины умеют плакать даже без желания. И таким образом они получают очень много из

того, что мы не хотим им дать. Но во время свадьбы пристойность требует, чтобы она плакала.

Девушка появляется перед присутствующими уже в костюме замужней женщины. И трижды публика зовёт жениха. После третьего зова он появляется, соскакивает с лошади и трижды обходит юрту. Невеста становится на колени и приветствует присутствующих, а те кричат ей:

– Молись богу и будь счастлива. Умоляй добродетельных духов, почтенных тенгрисов¹, и ты будешь богата».

– И тогда, – продолжает Нима, – наступает прекрасный момент для жениха. Все на него смотрят и завидуют. В самой лучшей одежде он берёт её за руку, она закрывает лицо другой, и ведёт к своим родителям. Отец после молитвы ламы подаёт своей невестке блюдо с кусками сала, которые она бросает в огонь, чтобы увериться в благосклонности духов домашнего очага. Сцена эта очень внушительна, если отец жениха ещё не вдребезги пьян!

– Чтобы вернуть веселье, невеста берёт с блюда куски сала и бросает в лицо свекра и свекрови; все хохочут, и невесту угощают тем же. Она возвращается в юрту, поскольку только жених может участвовать в пире, на этот раз в большом пире, где особенно много едят баранину. В конце пира самый молодой из гостей берёт кусок бараньего мозга и предлагает его самому почётному гостю. Приглашённые друг за другом и по степени важности черпают в черепе содержимое и расходятся по домам, за исключением молодежи, жаждущей повеселиться и устроить какой-нибудь фарс молодым супругам, в чем она себе никогда не отказывает.

Я поблагодарил Ниму за рассказ, встал и предложил подышать немного свежим воздухом, прежде чем лечь спать. Небо было полно звёзд, и, пока мы говорили, поднявшийся сильный ветер разогнал грозу. Степь казалось немножко побелевшей под лучами луны, слева от нас угадывались высокие голубые горы, отделявшие нас от Байкала. Царила глубокая тишина, прерываемая время от времени воем волков, на который собаки отвечали с остервенением.

– В чём наше превосходство над русскими, видите ли, в том, что наши девушки все серьёзны, – сказал вдруг Нима очень убеждённым тоном.

– Однако я слышал, что девушки становятся матерями до брака.

– О! Почти все, – отвечал мне Нима, находя это вполне естественным. – Охотнее женятся на девушках с ребенком; первое достоинство женщины – быть беременной, и тогда с ней ты уверен, что у тебя будет се-

¹ Тэнгри или Тэнгри – монгольские племена, придерживающиеся шаманства, поклоняются небу (тэнгри), являющемуся высшим представителем всех сил природы. Слово тэнгри, вначале обозначавшее только небо, с течением времени стало употребляться в смысле небесного духа. (Прим. пер.).

мья. Ребёнок до брака называет свою мать сестрой и считается сыном её родителей.

Я хотел расспросить Ниму о Даре; я заметил, с каким вниманием девушка следила за его рассказом. Она действительно была очаровательна, милое, простодушное лицо, детские жесты. Нима помолчал некоторое время, потом медленно сказал: «Когда ты недостаточно богат, чтобы иметь что хочешь, тогда делаешься ламой!»

Мы молча пошли домой; какое-то животное, которое я не смог различить, коснулось меня. Нима задумался. Я не осмеливался ничего произнести. Величественная тишина царствовала над уснувшей степью, лунный свет падал прямо перед нами на юрту, где отдыхала Дара.

Мы тихо вошли: вся семья спала, ковры и подушки были разложены для меня на почётном месте, бараньи шкуры для Нимы. Я улёгся, в стаде послышался какой-то протяжный стон, вернулась тишина и с ней сон.

Не знаю, сколько было часов, когда я был вдруг разбужен. Верх юрты был полуоткрыт, и луна освещала внутренность юрты. Под одним одеялом отдыхали мои хозяева, муж спал на боку, наполовину придавленный своей могучей супругой. Мне показалось, что в самом тёмном конце, передо мной что-то шевелилось. С напряжением глаз ушли остатки сна, и мне показалось, что Дара лежит, приподнявшись на локте, а рядом с ней сидит Нима и что-то совсем тихо ей говорит.

Перевод с французского Николая Епишкина

ВИКТОР БАЛАБАНОВ (1925 – 1997)

STEINPLATTEN AN DER INGODA

Der Tschitaer Einwohner N. Rjabow schrieb an die Redaktion der regionalen Zeitung einen kleinen Brief, leider gab er seine Absenderadresse nicht an. Er fragte, auf welche Weise die Steine als große Platten im Flusstal der Ingoda bei Sochatino hingeraten waren? Und sogleich berichtete er darüber, dass unter den Ortsansässigen eine Legende lebte, laut deren zur Dschinghis Khans Zeit, d.h. vor 750 – 800 Jahren hier an dem rechten Ufer der Ingoda bei Sochatino ein Steinschutzwall errichtet worden sei, der mit der Zeit ausgespült wurde.

Auf den ersten Blick scheint diese Legende ausgedacht zu sein. Aber es lohnte sich, dass die Archäologen den im Brief von N. Rjabow erwähnten Ort erforschen sollten.

Der Grund dazu ist folgender: bis heute bleibt die Frage über das Vorhandensein von uigurischen Stämmen streitig. Im Jahre 1959 merkte der sowjetische Archäologe L. R. Kyslassow („Sowjetische Archäologie“, 1959, N 3,

S.71), das Transbaikalien „an den Flüssen Selenga, Sawe, Tschikoj und zum Fluss Onon“ die Urheimat von Uiguren sei. Weiterhin wies der bekannte Gelehrte G. I. Ramsted darauf, nachdem er die Anschrift auf dem sogenannten „Selinginsker Stein“ übersetzt hatte, dass die Uiguren irgendwelche Festungen errichtet hatten, die „Tschyt“ geheißen hatten. Im Tuvinischen autonomen Gebiet, z.B. dort, wo man uigurische Befestigungen trifft, gibt es Benennungen „Tschaata“.

Wenn die Archäologen hätten beweisen können, dass es bei Tschita uigurische Befestigungen gegeben hätten, dann wäre die Herkunft von dem Namen des Flusses Tschita nicht mehr so rätselhaft gewesen.

Man könnte eine Frage stellen: was haben damit Uiguren und Dschinghis Khan zu tun? Aber viele alte Befestigungen zählt man diesem Khan, z.B. Dschinghis Khans Wall, Dschinghisows (oder Dschinghis Khans) Straße. Sowjetische Archäologen stellten fest, dass sogenannte Dschinghis Khans Straße nichts anderes als uralte uigurische mit einander mit dem Wall verbundene Befestigungen, offensichtlich dem Dschinghis Khans Wall ähnlich sei.

/Каменные плиты на Ингоде. Из книги В. Ф. Балабанова «Строкой и памятью отмечено...». – Чита: Экспресс-издательство, 2007. СС. 153–154/.

Перевод на немецкий Ирины Бобровой

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТОВ

ИРЭН ФРЭН (род. в 1950 году)

Я ПОСЛЕДУЮ ЗА ТОБОЙ В СИБИРЬ

Уважаемые читатели! Сегодня в нашей рубрике «Эпистолярное наследие декабристов» мы продолжаем публикацию перевода главы VII из книги известной французской писательницы, Ирэн Фрэн (Irène Frain) «Я последую за тобой в Сибирь» («Je te suivrai en Sibérie»)¹. Роман вышел в свет в сентябре 2019 года во Франции и посвящён Прасковье Анненковой, урождённой Полине Гебль (Pauline Geuble), а также декабристам и их жёнам, которые прибыли в этот далёкий неведомый край и разделили сибирскую каторгу в Забайкалье вместе с семьёй Анненковых. Глава VII носит название «Читинское сообщество» («La Bande de Tchita») и рассказывает о пребывании наших героев в Читинском остроге, о делах житейских, о радостях и горестях, которые выпали на их долю, о мечтах и чаяньях, о непростых взаимоотношениях внутри сообщества. А главное, о том, какую наиважнейшую роль играли женщины, жёны декабристов, эти спустившиеся с небес ангелы-хранители, феи, как их называли мужчины, в жизни не только своих мужей, но и других ссыльных каторжан, некогда членов тайных обществ, мечтавших о переустройстве государства Российского, а теперь друзей по несчастью. Вдумайтесь! Всего несколько женщин, а жизнь в этом жутком, глухом и диком крае заиграла новыми красками, приобрела иной смысл. Они вдохнули надежду и веру в отчаявшихся, стали светлым лучом, пробившим тюремный мрак. Женщины, несомненно, сыграли огромную роль в выживании этих людей, в создании благоприятной психологической обстановки, в укреплении моральных и физических сил, веры в светлое будущее, в укрепление товарищества, в реальной разносторонней поддержке в труднейших условиях долголетнего изгнания.

Начало и конец представленного вашему вниманию фрагмента перевода перекликаются. Своё пребывание в Читинском остроге декабристы и их жёны в своих воспоминаниях впоследствии назовут раем, и это несмотря на те лишения и невзгоды, с которыми им пришлось столкнуться. Од-

¹ См. начало в журнале «Переводчик» №№ 20, 21.

нако никогда ни одной жалобы, ни единого слова сожаления о выбранном тернистом пути каторги и ссылки.

Людмила Эмирзиади

Глава VII (продолжение)

ПО СРАВНЕНИЮ С АДОМ, который пережил Достоевский, каторга в Чите – это рай. Поскольку здесь нет шахт. Лепарский не знает, как использовать государственных преступников, и работы, которые он на них возлагает, скорее расхолаживающие, чем изнурительные. Зимой они заняты расчисткой снега на улицах, или же им вменяется в обязанность разбивать лёд на реках, который восстанавливается через два часа, либо им поручают молотить зерно на ручной мельнице. Летом, вооружившись лопатами и мотыгами, заключённые засыпают овраг в нижней части деревни, который снова проваливается после каждого дождя. При первом же ливне их работа уничтожается, и они вынуждены всё начинать заново. Это так подрывает их моральный дух, что они прозвали этот овраг Чёртовой могилой.

В отличие от осуждённых по уголовным делам, которые содержались в трёх километрах от тюрьмы ссыльных декабристов, последние не подвергались грубому обращению и их не принуждали носить униформу каторжан. Только в двух вещах они были приравнены: еда, всегда одинаковая: суп из капусты и овсяная каша, политая квасом; и цепи, которые обхватывали пояс и лодыжку. Эти цепи невыносимы, особенно ночью. Как только кто-то переворачивается на своей кровати или встаёт, чтобы сходить в туалет в большую лохань, которую охранники ставят каждый вечер в центре общей спальни, они будят других. В течение восемнадцати месяцев, проведённых в Чите, заключённые плохо спят, и их нервы на пределе. Ссоры учащаются.

А женщины при этом неизменно появляются в отверстиях частокола, улыбающиеся, сияющие, полные внимания, мило встряхивающие свои кудряшки под маленькими шляпками, они спрашивают их, в чём они нуждаются, сообщают им новости от жён, отцов, матерей, детей – да, да, у них всё хорошо, они думают о вас, они написали, что отправили вам посылки и деньги, и всё скоро придёт, и это совершенно достоверно, да, вне всякого сомнения, все об этом говорят, что царь вас простит, в противном случае, вы полагаете, мы бы проделали такой путь, чтобы добраться сюда... И как же не увидеть в них ангелов, спустившихся с небес, чтобы положить конец их кошмару?

*

Первые месяцы после периода подавленного состояния, узники поддерживали себя созданием мини-республики. Они вместе написали зако-

ны, затем демократическим путём избрали представителя, уполномоченного вести переговоры с комендантом. Это должен был быть человек опытный, решили они. Отсюда его звание «Старейшина». Его мандат истекал через три месяца. И тогда организовывали новые выборы.

Первым решением этого мини-сообщества было утверждение общей кассы. Тридцать два заключённых были брошены своими близкими или, как Анненков, получали деньги только лишь периодически. Старейшина поставил на голосование два предложения. При получении посылки с продуктами первой необходимости – чай, сахар, табак, бельё, приборы, кастрюли – каждый заключённый делился этим с другими; если семья ссыльного отправляла ему деньги, он был обязан отдать часть группе. Его вклад будет оставлен на его усмотрение, за исключением самых богатых. Гораздо более высокий взнос становится предметом голосования.

Оба предложения были приняты единогласно. Старейшина представил их Лепарскому, который немедленно всё утвердил.

В то время они были втиснуты по двадцать пять человек в тесную общую спальню и не имели в своём распоряжении ни книг, ни бумаги, ни чернил, так как любая форма письма, будь то даже личный дневник, были им запрещены. Парадоксально, но у них было много увлечений. Чтобы убить время, они пели. Охранники хотели продать им игральные карты. Единогласным голосованием они отказались – в их закрытых комнатах партии могли перерасти в кулачные бои. Некоторые, неизвестно каким образом, раздобыли шахматные доски. Они играли по вечерам, потягивая свои трубки.

Затем они проводили время, мечтая о новом здании, которое им обещали. Лепарский запретил им работать на его сооружении. Таким образом, у них появилась цель. Но когда они увидели постройки, появившиеся над землёй, стало понятно, что они не будут более комфортабельными, чем их старая прогнившая тюрьма. С узкими высоко расположенными окнами это было похоже, скорее, на конюшню; а их новые общие спальни были почти такими же тесными, как старые. Восторженность, которая окружала начало их маленькой республики, вновь пропала. Заключённые набрасывались на руководителей восстания 14 декабря, обвиняли их в нерасторопности, несознательности, обвиняли в том, что они загубили их молодость. Также они просили Трубецкого объяснить, в конце концов, его исчезновение в день мятежа. Умы разгорались, и дело доходило чуть ли не до драки.

Старейшине, с помощью мудрого доктора Вольфа, удавалось кое-как успокоить раздоры. Но сформировались кланы, и война только и ждала, чтобы разгореться вновь.

Во избежание столкновений, Лепарский попытался объединить заключённых общими пристрастиями. К несчастью, упадок духа угрожал сплочённости групп. Более устойчивые заключённые, такие как Бестужев,

были охвачены приступом меланхолии. Они больше не ссорились, они пересматривали, насколько это было возможно, сценарий 14 декабря, снова видели сотни трупов, которые устилали Сенатскую площадь, вспоминали своё детство, свою золотую молодость, переживали заново свои балы, свои ночные оргии и все годы, когда они представляли, что изменят мир одним щелчком пальцев. Никита Муравьёв, муж Александрины, заново продумывал, как он мечтал в 15 лет, образовать республику по Платону, здесь, в Сибири, на острове Сахалин. А одержимые ботаникой братья-близнецы Борисовы вспоминали о проекте, который они затевали когда-то: организовать братство любителей природы, принципы которого будут иметь только одну цель – защиту матери Земли. В долине Читы они находились в окружении природы, в сердце исключительного ботанического рая. Но ноги закованы в железо и пристёгнуты к тюремным сваям.

Более старые, те, кто принимал участие в войне 1812 года, постоянно мысленно возвращались в благословенный год, который они прожили в Париже после победы над Наполеоном. Им кружила голову опера, театр, политические дебаты, они часто посещали читальные кабинеты, посещали курсы в Коллеж де Франс, встречались с учёными, ухаживали за герцогинями, которые только того и ждали, выпивали ящики шампанского, гастролировали по борделям. Случалось даже, что они покупали прелести какой-нибудь продавщицы модного магазина, которая походила на Полину. Все эти воспоминания всплывали неизвестно откуда, в любое время, предпочтительно ночью, когда цепи их соседей по общей спальне будили их, и после этого не было больше возможности уснуть.

Некоторые совсем падали духом. Бесплезно было искать способы поставить их на ноги. Всегда можно было сказать им: «Давай, взбодрись, не всё потеряно, мы не работаем в шахтах», это не действовало. Среди заключённых, которые позволили себе плыть по течению, таковых становилось всё больше.

Но за частоколом теперь жили восемь женщин. Они преодолели тысячи километров, чтобы прийти им на помощь, и бросили вызов холоду, страху, бесконечным придиркам царской администрации. И эти женщины продолжали их поддерживать. Под презрительными взглядами солдат, которые им угрожали, они возвращались, чтобы занять свою позицию у своих маленьких щёлочек в заборе. И всё, что они обещали сделать, они это делали. И мужчины снова поднимали головы.

ВЕСНА 1828 ГОДА. Женским умом они понимали, что мужчины нуждаются в словах утешения. В ожидании почтовой службы, они распределяют заключённых между собой. Каждой группе достаётся свой «ангел-хранитель». Заключённый доверяет ему сообщение для передачи своим родственникам. Ангел записывает эти сведения и составляет письмо назначенному получателю.

Если женщина не знает получателя, то она притворяется одной из близких этого узника. Она рассказывает в письме свою жизнь и, между прочим, излагает информацию о заключённом. В случае, если Лепарский читает послание перед тем, как отправить его по почте, он не находит ничего предосудительного.

Ответы, если они не теряются, приходят через три, четыре, считай шесть месяцев. Заданные вопросы уже не актуальны. К тому времени возникают другие проблемы. Женщина уже не помнит того, что она написала тогда. Иногда случается, что ей приходится сообщать плохую новость. Отец только что умер, жена запросила и уже получила развод, родственники, как, например, кузены Ивана, умудрились прибрать к рукам его собственность. Как сообщить об этом? Что ответить? Ангелы-хранители чувствовали себя обессиленными.

Мария переосмысливает систему. Это будет именно она, кто возложит на себя обязанность полностью заниматься почтой. Она будет вкратце излагать письма заключённым с как можно большим тактом. Затем она выслушает их, даст, если это нужно, советы, составит ответ и, чтобы закончить, кратко, но в точности, перепишет его в специальную тетрадь, датирует и пронумерует для того, чтобы в любой момент можно будет обратиться к нему.

Каждое письмо – это как бутылка в море. Почтовые фургоны иногда попадают в происшествия, или их кучера заболевают, и почта теряется. И что бы ни случилось, письма проходят через императорский дворец, прежде чем они попадут к их получателю. Это Бенкендорф, кто их читает. При первом подозрении он их уничтожает. Если у него есть сомнения, он передаёт их царю, который выносит решение.

В любом случае Мария заботится, отслеживает письма. В два часа ночи она всё ещё перед своими пачками бумаг. Она не позволяет никому из своих компаньенок сказать ей: «Ты уже слишком много сделала, отдохни». Писать – это значит сопротивляться.

Надежда и Нина показали мне фотокопии тетрадей, в которых она фиксировала резюме своих писем. Её мелкий, сжатый, с наклоном, тщательный и быстрый почерк никогда не ослабевает. Мало исправлений, почти никогда нет добавлений. Живой интеллект, железная воля.

*

Кроме того, эти восемь женщин берут на себя обязанность заказывать и принимать произведения, которые заключённые мечтают почитать. Официально они покупают их для своих мужей. Но это только внешне: распределение книг было объектом голосования в маленькой тюремной республике. Это был единогласно принятый и с тех пор один из фундаментальных принципов.

Во время свиданий у частокола, когда одна из женщин объявляет о том, что у коменданта из почтового фургона только что выгрузили посылку с книгами и что ждут только его разрешения, чтобы передать по назначению, мужчины начинают нервничать. Старейшина должен открыть листы ожидания.

Перед тем, как покинуть Читу, некоторые заключённые оставили свои книги в тюрьме. Они хотели, чтобы ими воспользовались ссыльные, которые не преминут последовать за ними.

Лариса показала мне то, что осталось от этой библиотеки. В основном, это французская классика: Монтень, Мольер, Лафонтен, Монтескьё, Фонтенель, Дидро, Руссо. Самое удивительное – это редчайшее издание «Трактат о небесной механике» Лапласа, Стивена Хокинга XIX века, – в нём астроном, кроме прочего, развивает предпосылки появления теории чёрных дыр. Ценный том принадлежал Трубецкому. Вот так виртуозно революционный провал может привести вас к очень серьёзным размышлениям над тайнами бесконечно великого.

Иван обожал читать. Ему принадлежало несколько томов «Энциклопедии» Дидро, которые пережили все его злоключения в Забайкалье. Несомненно, он провёл немало вечеров, уткнувшись носом в эти тома, которые сейчас перелистывает Лариса, и обсуждал их со своими сокамерниками. Общие спальни тотчас превращалась в читальные клубы.

Титульная страница или фронтиспис этих произведений постоянно имеет отметку Лепарского, равно как и его подпись. До приезда женщин поставки были настолько редкими, что ему удавалось без особых усилий делать вид, что он их читал. Под своими инициалами он чертил на французском отметку «Прочитано». Затем тома наплывали, и один из заключённых резко сказал ему: «Ты на самом деле всё это прочитал, прежде чем отдать нам?». Обидевшись, Лепарский заменил «Прочитано» на «Просмотрено»¹.

Всё ускользало от него с тех пор, как началась история с частоколом. Женщины становились всё более заносчивыми. У него несколько раз складывалось впечатление, что он не контролирует многое из того, что происходит возле тюрьмы, и внутри неё.

*

Он был прав. С наступлением лета, жары, хорошей погоды, солнца, которое никак не хотело уходить спать, женщины стали смелее. В приёмной, которая служила комнатой для свиданий, некоторые использовали короткие часы встреч, происходящих два раза в неделю, для других целей,

¹ На некоторых изданиях написано по-русски: – «Читал», «Видал» Лепарский. (Прим. пер.).

помимо искусства ведения беседы. Регламент предполагал присутствие офицера. Но как только жена появлялась там, достойные военные исчезали.

Долина Читы, которая развернула свои зелёные луга ниже каторжной тюрьмы, изобиловала шаманами, но такое внезапное исчезновение, однако не имело ничего, что могло быть связано с каким бы то ни было колдовством. В Чите, как и раньше, деньги могли всё.

Результаты их свиданий наедине с мужьями не заставили себя долго ждать. Почти одновременно Александрина (Муравьёва – ЭЛ), Александра (Давыдова – ЭЛ) и Полина обнаружили, что они беременны. Это уже становилось очевидным, но ни слова Лепарскому.

*

Какое лето в этом году! Мария пишет, пишет, пишет. А если она не пишет, то она переписывает то, что написала. Время от времени, чтобы обновить мысли, она играет вальс на клавикордах. Затем возвращается к частоколу выслушать заключённых и Волконского, этого человека, за которого она вышла замуж без убеждения, и которого, с тех пор она считает, что любит.

Полина здесь. Александрина и Александра, Елизавета, Наталья, Сандра и, наконец, Каташа, со своим крупным задом, который продавликает ткань её складного кресла.

Часовые смотрят в другом направлении, Лепарский более невидим, чем когда бы то ни было, а заключённые, когда их отправляют засыпать эту проклятую Чёртову могилу, находятся в превосходном расположении духа: они научили петь «Марсельезу» солдат, которые их сопровождают. Парни нашли мотив таким увлекательным, что не спросили смысла слов. Они знают гимн наизусть и как только пересекают загон, запевают во всё горло. У них хорошие голоса. Жители деревни, когда они проходят мимо, благоговейно слушают их.

Женщины, в свою очередь, направляются к Чёртовой могиле. Они приносят свои складные кресла и коробки с рукоделием. Устраиваются на значительном расстоянии. Если они подходят слишком близко, солдаты оскорбляют их, но не нужно создавать почву для инцидента: Полина только что подвергла себя опасности, она попросила кузнеца из Читы изготовить для Ивана более длинные и более лёгкие цепи, чем те, которые он носит. Водка-водка, рабочий согласился. Затем она упростила часовых разрешить войти кузнецу в тюрьму для того, чтобы удобнее было сменить цепи. Она устроила так, что получила старые цепи обратно и спрятала их в укромном месте своего дома, где, надеется она, их никто не найдёт.

Женщины наблюдают за мужчинами краем глаза, как во время праздников, которые они устраивали в своих дворцах. И беседуют.

Они говорят о своих мужьях. Всегда находится одна из них, кто говорит, что её муж необыкновенный. Другие не видят, чего она в нём находит, они думают, что та преувеличивает. Это именно их мужья самые красивые, самые умные, самые смелые. Но они молчат, солидарность, прежде всего.

И их разговоры проходят на подходящие темы. Даже в те моменты, когда заключённые, которые не могут больше потеть и пыхтеть на солнце-пёке, остаются в кальсонах и спускаются поплескаться в реке, которая бежит внизу Чёртовой могилы. Они окунаются в воду, фыркают. Женщины хохочут и возобновляют свои разговоры. Всегда вежливые. Они называют заключённых «эти господа».

Так называемые «господа», выходя из реки, там наверху видят женщин, целомудренных, элегантных, прелестных, в их складных креслах в то время, как они, мужчины, небрежно одеты и через их промокшую одежду всё видно. И не только мужья. А всё тюремное поселение мечтает.

Как далеко заходят их мечты, ничего не известно об этом, эти господа – галантные мужчины. В общих спальнях, когда они говорят о женщинах, они называют их «эти дамы» или «наши дамы». Так же, как они бы сделали это, находясь в Москве или в Санкт-Петербурге.

*

Женщины понимают, что узники не будут скоро помилованы. Сколько времени они должны будут потерпеть здесь? Восемнадцать месяцев, два года, три года? Они, как и мужчины, совсем не способны сказать это. Всё, что им очевидно, это то, что они задыхаются в своих маленьких избах. Поэтому они решили заставить себя построить просторные и удобные жилища.

Кроме Александрины, которая не имеет желания переезжать. Её дом вместительный, и она ни за что на свете не откажет себе в удовольствии высматривать через слуховое окно всё, что происходит за частоколом. Другие – им нужно пространство, пусть делают, всё, что захотят.

И садовый участок. Четверо осуждённых, среди которых Волконский, муж Марии, и Трубецкой, муж Каташи, решили заниматься выращиванием овощей во дворе тюрьмы. Женщины в свою очередь тоже хотят заняться тем же.

Бревенчатые дома строятся за несколько дней. Их фасады уже выстроились вдоль *Дамской*, Дамской улицы, как жители деревни называют с тех пор грунтовую дорогу, которая ведёт к каторжной тюрьме. Полина выбрала построить свой дом далеко, подальше от других, на выходе из деревни. Мария этому не удивилась. Она всегда говорит, что у Полины независимый характер, свой взгляд на жизнь, людей, на вещи, которые принадлежат только ей и даже её манера говорить уникальна.

Что касается характера Полины, это очевидно. Но то, что касается этой истории с домом, Мария ничего не поняла. Если Полина выбрала это расположение, то только потому, что там больше солнца, а густой лес на северном краю её земли задерживает холодные ветра. Это наилучшее расположение для садового участка. Не считая вида на долину, он несравненный. Идеально, чтобы наслаждаться радостью ожидания нового ребёнка от мужчины, которого она любит.

*

Действительно, какое лето! Об этом они будут вспоминать. Земля здесь жирная и плодородная, огород заключённых даёт овощи невероятных размеров. В своей жизни они никогда не видели таких огромных огурцов. Барон Розен, один из страстно увлечённых садоводством, начинает их солить. Он раскладывает огурцы в маленькие бочки из-под коньяка, которые один из каторжных подпольно получил от своей семьи и которые он бережно сохранил после того, как постояльцы спальни опустошили их.

В самый разгар августа ветер навеял панику: экипаж высокопоставленного сановника императорской полиции внезапно появился в деревне. В течение нескольких дней он инспектировал каторгу и закрывался в конторе коменданта. Собираются ли снять Лепарского, прогнать женщин, переместить исправительную колонию на шахты или ещё хуже, в крепость? Однажды утром сановник уезжает. Ничего не известно, о чём говорили эти два человека.

В августе большое ликование в тюрьме. Они празднуют не отъезд императорского пособника, а дни рождения. Шестнадцать сразу.

По этому случаю – концерт. Очень рассчитывают на музыкантов-любителей из среды заключённых. Несколько недель назад прибыли партитуры, так же, как и инструменты – пианино, флейта, гитара, скрипка, виолончель. Вот почему было решено сделать сольный концерт. Необходимо было место для репетиций. Лепарский предложил пристройку, которая соседствует с одним из зданий тюрьмы.

В праздничный вечер – огромный успех. А дамы, прильнули ли они к частоколу, чтобы послушать концерт? Ни Полина, ни Мария не рассказывали об этом, но я бы поручилась за это. Эта победа над безысходностью была их победой. В общих спальнях боевой дух высок. Музыканты планируют создать струнный квартет, одержимые садоводством говорят о том, чтобы соорудить грядки, и уже составили список своих желаний: капуста, репа, морковь, лук, свёкла, чёрная редька, артишоки, дыни, картофель, цветная капуста, топинамбур. Заказы семян уже сделаны, и уже согласовано, что эти господа поделятся ими с дамами, особенно с мадам Полиной Анненковой, у которой, как говорят, лёгкая рука.

Теперь по вечерам – собрания. Заключённые только что создали маленький университет. Некоторые, более рьяные и честолюбивые, чем другие, сторонники говорят об академии. Узники по очереди выступают с докладами перед своими товарищами в зале, который Лепарский, решительно всё более и более сговорчивый, предоставил им. Никита Муравьёв, муж Александрины, охвачен страстью к военной истории; он преподаёт стратегию и тактику. Он имеет в своём распоряжении карты больших сражений, которые отметили европейскую историю, его уроки очень популярны. Доктор Вольф преподаёт курсы химии и анатомии. Князь Одоевский, назначенный сокамерниками бардом, в квартире которого так часто собирались конспираторы, даёт уроки литературы, а также русского языка: некоторые заключённые, родившиеся в балтийских странах, плохо говорят по-русски. Другие преподают английский, итальянский, немецкий. Как в школе, они выполняют упражнения, письменные и устные, и им советуют поработать над их акцентом. Астрономия тоже не имеет недостатка в адептах, так же как и агрономия, сфера исключительных интересов охваченных страстью к огурцам князя Волконского, князя Трубецкого, барона Розена и всегда жизнерадостного и предприимчивого прекрасного русского итальянца Поджио.

В час, когда они ложатся спать, когда охранники запирают на засов двери и задувают свечи, некоторым узникам не хватает новых горизонтов. Тогда один из самых молодых, Завалишин, приступает к рассказам о своих путешествиях. Ему было всего двадцать лет на момент восстания, но он уже совершил кругосветное путешествие. Он жил на Таити, затем на калифорнийском побережье, где он мечтал основать русскую колонию. Он погружается в свои воспоминания, приукрашивает их, вероятно, ходит слушок, что он склонен к фантазиям. Его рассказы, по крайней мере, имеют то достоинство, что помогают своим сотоварищам мирно уснуть.

Они говорят с утра до вечера по-французски, может быть, они и мечтают на французском языке.

ОСЕНЬЮ, как раз перед сезоном холодных ветров, Лепарский собирает заключённых во дворе тюрьмы. Час кажется знаменательным. Он надел свою парадную форму, на камзол приколот все свои знаки отличия и окружил себя целым батальоном офицеров – рядовых, казаков и конторских служащих.

Оказавшись перед заключёнными, он размахивает пергаментной бумагой, скреплённой двуглавым орлом императорской администрации, и делает торжественное объявление. По причине их хорошего поведения царь решил освободить их от их кандалов.

Затем он подаёт знак одному из унтер-офицеров, который, в свою очередь, приближается к мужчинам, вынимает ключ и отпирает замок, ко-

торый сжимал их щиколотки в течение двадцати шести месяцев. Некоторые теряют равновесие.

Когда женщины узнают новость, Полина бежит к частоколу и спрашивает Ивана, отдал ли он свои цепи охраннику. Она держит их, это те самые, которые она втайне удлинила благодаря деревенскому кузнецу.

Полина сохранила оковы. Она не вернула их обратно кузнецу. На этот раз она заказала ему расплавить металл и переделать его в кольца и браслеты. Когда они были готовы, Полина надела их.

Как только другие женщины узнают об этом, они хотят такие же. Кузнец вновь принимается за работу. Несколько дней спустя они все уже носят такие же браслеты и кольца из кандалов так, чтобы все видели. Они с ними не расстанутся никогда.

Хорошие сюрпризы следуют один за другим. Комендант сообщил женатым узникам, что им дозволено посещать своих жён ежедневно. График зафиксирован, продолжительность строго лимитирована двумя часами. Полина решительно отказывается ненавидеть Лепарского. Отныне она называет его «достойный человек». Тем не менее, ни она, ни Александрина, ни Александра не предупреждают его, что они беременны. Будет ещё время сказать ему об этом; им потребуется помощь повивальной бабки, считай доктора. Как ему это объяснить? Он старый холостяк.

Они быстро находят хитрость. Поскольку комендант читает их письма, они напишут своим семьям и попросят приданое для новорождённого.

*

Лепарский падает с небес. Он ничего не замечал, новость привела его в расстройство.

Затем он снова овладел собой, отправился в деревню, собрал женщин, отдал обратно их письма и с пылающими щеками пробормотал: «Сударыни... Позвольте вам сказать... Вы не имели права забеременеть...».

Он запутался в предложениях, спотыкался на каждом слове, краснел и в конце произнёс совсем уж абсурдные слова: «Очевидно, когда вы родите, это будет другое дело...».

Он был встревожен. Тем не менее, он не мог не замечать, что с каждым днём приближается рождение детей на Дамской улице. Но для него, как и для заключённых, эти восемь женщин были ангелами, а ангелы, как известно, не имеют пола. Как же они могли забеременеть?

Комната для свиданий, просмотрены даты. Это случилось в то время, когда их мужья были ещё закованы в цепи. А что офицер, который должен был следить за ними? Эти дамы, эти святые, могли ли они подкупить его?

Долгое время Лепарский негодовал по этому поводу, затем, как всегда, его человечность взяла верх. Он начал думать о родах, он рассудил, что врача нет до самого Иркутска – а это более тысячи километров. Нужно было срочно писать царю и просить его, чтобы доктор Вольф несмотря на

то, что он осуждённый, мог бы возобновить врачебную практику и помогать будущим мамам.

Ответ не заставил себя долго ждать. Его Императорское Величество не видело никаких препятствий в том, чтобы государственный преступник Вольф применял свое искусство в Чите.

ЭТОЙ ОСЕНЬЮ женщины в большой опасности. Как только оковы были сняты, все без исключения заключённые, даже самые здравомыслящие, начали мечтать о побеге.

Все вечера после собраний узники выстраивали планы. Они нейтрализуют охранников самым простейшим способом, который существует, незаметно передадут им пакет с рублями и доберутся до китайской границы.

Этот первый проект быстро отклоняют, некоторым заключённым удалось поговорить с каторжанами, осуждёнными по уголовным делам. Всякий раз, когда одному из них удавалось сбежать, кочевники хватили его и возвращали обратно в тюрьму. Им дорого платят за то, что они захватывают кого-то из беглецов.

Есть ещё один путь на юго-восток, его рассматривают те, кто узнал о нём по картам. Он ведёт к реке Амур. Беглецы могут построить там корабль. Бестужев и его друг Торсон знают кораблестроение, они будут руководить процессом. Затем они спустятся по Амуру до Тихого океана. Оттуда они доберутся до Америки.

А вообще нужно ли добираться до реки, возражают другие, ведь и на этих реках много кочевников; мы рискуем быть схваченными. Есть дорога на запад, та, которая ведёт к границе с Европой, но нас точно засекут: добираться более шести тысяч километров. Остаётся только один выход: следовать через восток на север к Тихому океану, затем севернее озера Байкал. План ещё более дерзкий. Ничего более опасного, чем тундра. Дикие животные, племена, о которых мало что известно, холод, о котором они понятия не имели.

Мужчины утверждают, что каторжанам, выходцам с Кавказа, удалось добраться до своих гор дорогами, ведущими к Аральскому и Каспийскому морям. Они убежали по одному.

Невозможно перекричать друг друга. То они бегут вместе, то не бегут вообще. Если один осуждённый сбежит, царский гнев обрушится на его товарищей. И на женщин.

Они отказываются. Запасаются терпением, выбирают продолжать выстраивать свою свободу в четырёх стенах, со своими огородами, с книгами, их академией, и хорошим французским.

Вероятно, во время той лихорадочной зимы Иван нарисовал свою вторую акварель, ту, на которой представлен дом Полины. Очень простая постройка. Двухэтажная, но с большими окнами и несколькими пристрой-

ками. На улице остатки снега. Бурят на лошади собирается переехать дорогу повозке, управляемой другими кочевниками. Вдалеке, как на произведениях Бестужева, горы демонстрируют свои ельники.

Небо огромно. Дом излучает интенсивное и странное сияние. Оно отталкивает огромное скопление тёмных беспокойных туч в левом углу картины. Всё сказано – страсть Ивана к Полине.

*

Она рождает к концу зимы, 16 марта. В это время года мороз ещё сильный, от минус двадцати до минус тридцати градусов.

Ребёнок, девочка, названа Анной, как мать Ивана. Доктор Вольф не смог помогать Полине во время схваток, его позвали к Александрине. Она тоже рожала, и опасались за её жизнь.

Полина согласилась на повивальную бабку из деревни, которая, к несчастью, тоже не оставалась долго у её постели: её позвали к Александре. Полина вынуждена была справляться сама.

Благодаря Вольфу, Александрина и её Нонушка выжили, и со своей стороны, без особых затруднений Александра родила на свет сына. Эти три рождения обозначили сообщество, которое начало складываться у порога каторжной тюрьмы, и не только потому, что они были, чуть ли не одновременными. Задним числом декабристы увидят в этом событии начало чудесного момента, который они потом назовут «рай».

/Из книги: Irène Frain «Je te suivrai en Sibérie», Paulsen, 2019. – 478 с./

Перевод с французского Людмилы Эмирзиади

БЫКОВА СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА

Светлана Быкова – поэтесса, прозаик, детский писатель, переводчик. Член ОО «Союз писателей Беларуси» и Союза писателей Союзного государства.

Родилась 5 февраля 1962 года в городе Заславле Минской области, где проживает и сегодня. Высшее экономическое образование получила в Белорусском государственном экономическом университете. В настоящее время является председателем Минского областного отделения ОО «Союз писателей Беларуси».

Светлана Быкова пишет на русском и белорусском языках. Её стихи отличаются разноплановой тематикой: это и пейзажные, и философские, и гражданско-патриотические стихи, это и любовная лирика, и юмор. Стихи поэтессы характеризуются психологизмом и философичностью.

Светлана Быкова – автор двадцати двух книжных изданий, в том числе тринадцати книг поэзии: «Откровение позднего лета» (2010), «Дорога к себе» (2011), «Из руки выпускаю синицу...» и «С чистого листа» (2013), «Адлюстраванне» и «Осенняя палитра» (2015), «Веру вясне!» (2016), «Обретение свободы» (2017), «Капельки» и «На перекрёстке миров» (2018), «Пад небам Рагнеды» (2019), «Мельница жизни» (2020), а также девяти книг для детей и семейного чтения: «Весёлый гномик» (2014), «История одной снежинки» (2014), «О чём молчат Утёсы» (2015), «Два вида из одного окна» (2017), «Солнечный зайчик» (2019), «Мечты сбываются, или Космические приключения Тёмы и SOULарика» (2020), «Добрые истории» (2020), «Пойдем сонейка вітаць!» (2021), «Уulduzlarning shivirlashi/Шёпот звёзд» (2022, Ташкент).

Светлана Быкова публикуется в белорусских республиканских периодических изданиях (журналы «Полымя», «Нёман», «Маладосць», «Бярозка», «Вожык», «Вясёлка», «Качели», газете «Літаратура і мастацтва» и др.).

Светлана Анатольевна является соавтором около тридцати коллективных литературных сборников, международных поэтических альманахов и антологий.

В 2020 году в городе Белграде (Сербия) в переводе на сербский язык издана книга её стихов для детей «Сунчев зечић» («Солнечный зайчик»). В 2022 году в Узбекистане вышел сборник переводов её стихов на узбекский язык «Уulduzlarning shivirlashi» («Шёпот звёзд»).

В 2020 году в России (Республика Крым, г. Симферополь, издательство «Доля») издана книга под названием «Ради умножения любви»/ «Дзеля памнажэння любові» стихов поэтов Союза писателей Республики Крым в её переводе на белорусский язык.

В 2021 году в Минском издательстве «Печатный Дом «Вишнёвка» издана книга её переводов с узбекского на белорусский язык стихов и дневниковых записей известной узбекской поэтессы Хосият Рустам (сборник под названием «Стрыножаны вецер/ Tushovlangan shamol»). Переводы стихов поэтов других стран на белорусский язык, выполненные Светланой Быковой, неоднократно публиковались в белорусских республиканских периодических изданиях (журнале «Полымя» и ежегодном белорусском переводческом альманахе «Далягляды»).

Её стихи переведены на английский, сербский, польский, узбекский, украинский, башкирский, шорский языки и в переводе на другие языки публиковались в зарубежных периодических изданиях «Хоризонт» (Сербия), «Ностарин» и «Мир книг» (Узбекистан), Акбузат» (Башкирия); стихи на русском языке были опубликованы на страницах журналов «Берега», «Александръ» (Россия), «Доля», «Крым», «Долька» (Республика Крым) и др.).

Светлана Быкова – участник международных литературных фестивалей: фестиваль поэтов и переводчиков в Опольском воеводстве (Польша, 2017 год), «Степная лира» (Россия, 2018 год), член жюри международного литературного конкурса «Интеллигентный сезон» (Республика Крым), участник литературных вечеров, проводимых Союзом переводчиков России (г. Москва, заседание «Клуба филозавров») и др.

Ряд её стихов включен в учебники и учебные пособия по белорусскому языку и литературе для белорусских средних общеобразовательных и вспомогательных школ.

Активно занимается переводческой деятельностью. Перевела на белорусский язык стихи поэтов России, Сербии, Словакии, Германии, Пакистана, Индии, Украины, Узбекистана, Башкирии, Хакассии, Чувашии, Киргизии.

Лауреат конкурсов: белорусского республиканского конкурса «Лучшее произведение 2013 года» в номинации «Поэзия», литературных премий им. М. Богдановича Минского облисполкома (2015 и 2021 гг.) в номинации «Поэзия», международного конкурса «Созвездие духовности» (Украина) в номинациях «Поэзия» (2018) и «Литературный перевод» (2020). Лауреат областного этапа белорусского республиканского конкурса «Женщина года – 2017» в номинации «Культура и духовность». Награждена медалью Союза писателей Беларуси «За вялікі ўклад у літаратур» (2016), почётной грамотой министерства информации Республики Беларусь (2018), почётной грамотой общественной палаты Союзного

государства (2020), грамотой министерства культуры Республики Беларусь (2022).

В 2021 году по Указу Президента Республики Беларусь за активную творческую и общественную деятельность она награждена медалью Франциска Скорины.

АКВАРЕЛЬ ВЕСНЫ

Распыляя золу
Зимней грусти-печали,
Сквозь туманную мглу
Вижу майские дали.

Снятся ночью мне сны:
Сад торжественно-белый –
Акварелью весны
Май рисует умело.

Если сер небосвод,
Май добавит лазури,
Кисть в белила макнёт –
Небо в белой глазури.

Освежит старый пруд
Малахитом осоки,
В бирюзу, в изумруд
Лес раскрасит далёкий...

И печаль-паранджу
С плеч усталых снимая,
Я с надеждой гляжу
В дни грядущего мая...

О ПОЛНОТЕ ПАЛИТРЫ

Капелька о Капельке вздыхает:
«Почему ты серая такая?
Почему несчастна? Ведь струится
В нашей речке светлая водица!»

Отвечает Капелька, вздыхая:
«Для того я серая такая,

Чтоб на фоне грусти и печали
Ярче краски радости играли –
Ведь без серой краски даже в мае
Не полна палитра цветовая!»

ТО, ЧТО ЖИЗНЕННЫМ СМЫСЛОМ ЗОВЁМ...

Всё кружится, метётся и мелется,
Не понять – то ли май, то ль февраль.
Укрывает шальная метелица
Прошлой жизни туманную даль.

Слёз горючих скупые горошины
И надежд молодых первоцвет –
Всё, что было укрыто порошею,
Зыбким маревом прожитых лет.

Но сокрыто под жизни покровами
То, что зреет и ночью, и днём,
Что зовётся святыми основами,
То, что жизненным смыслом зовём.

Прорастая ветвями могучими
В посветлевший от звёзд небосклон,
Над земными поднимет он кручами
Тех, кто светел и духом силен.

ОБРЕТЕНИЕ СВОБОДЫ

Нежнее шёлка лёгкий бриз
Души коснулся, и, взлетая,
Неуловимых мыслей стая
В пространстве начала круиз.

Вдруг все и сразу – до одной,
Исчезли прутья клетки душной,
И, ощутив поток воздушный,
Раскрылись крылья за спиной.

Вдох – и наполнил сердце, грудь
Пьянящий аромат свободы,
И естество моей природы
Мне приказало: «Просто будь!»

Благословенная минута –
Свободу крылья обрели.
...Вдали, на краешке земли,
Моих цепей ржавеет гряда.

ВЫБОР

Решётка клетки... А за ней
В плену однообразных дней
Создатель клетки. Он больной,
Продрогший, сломленный судьбой.

Темнеет. Двери – на замке,
Ключ от замка – в его руке.
Причина цепи неудач –
Затворник, с детства глух, незряч.

Он сам себе и царь, и раб.
Чтоб быть царём, он слеп и слаб,
Мир клетки же привычен, мил,
И быть рабом хватает сил.

Страдальцу вовсе невдомёк,
Что нужно вставить ключ в замок,
Решить: рабом быть иль не быть –
В себе себя освободить.

СКАЗ О ДУБЕ

В поле, над обрывом, на высокой круче,
Коренаст и зелен, дуб стоял могучий.
Связывал ветвями землю с небесами –
Небеса на землю опускались сами.

Пели птицы песни, и ветра гудели,
Ливни шли шальные, и мели метели –
Рос он, разрастался всем на удивленье,
Ствол его питали мощные корни.

Но однажды волот допустил слабинку,
И проникла в корень злобная личинка:
Щупальца пустила гидра чёрной гнили,
Съедены все корни той заразой были...

Небеса цепляя, разрывая тучи,
Изнутри подточен, дуб упал могучий...
Он с высокой кручи рухнул в толщу ила,
И ручей холодный стал ему могилой...

Но упали наземь с задрожавшей кроны
Жёлуди-детиски на подол зелёный.
Под лучами солнца, помня силу предка,
Проросли дубками желудята-детки.

Только затаились споры чёрной гнили...
Важно, чтобы люди правду не забыли:
Без духовной силы – без корней глубоких –
Коротки народа жизненные сроки.

Внешнее убранство: ветви, ствол и крона –
Это только символ красоты зелёной.
Но в земле есть корень – дерево он держит,
Если загнивает – будет дуб повержен.

* * *

Разорван круг движением светил –
Рукой могучей перечёркнут свыше.
Пластичным стал космический винил,
И шёпот звёзд далёких явно слышен.

И стало Небо ближе, приоткрыв
Пространств, миров светящееся око,
И сквозь образовавшийся разрыв
Оно нисходит Истины потоком!..

ПОИСК

Шла я долго сквозь пыль воплощений,
Не жалея сандалий в пути.
Что искала: ответов, решений?
Иль кого я пыталась найти?

Я себя постигала по крохам,
По подсказкам наитий и снов,
И с последним, неистовым вздохом
Я земной покидала свой кров.

Возвращалась в родные пенаты,
Где царил долгожданный покой.
Кто-то светлый, по-птичьему пернатый
Гладил волосы нежной рукой...

Но толкала меня в воплощенье
Жажда новых познаний, высот:
Стоны матери, муки рожденья –
Снова путник по жизни идёт...

Неземная, могучая сила
Вновь к земной притянула судьбе.
«Что ты ищешь?» – себя я спросила,
И ответила: «Бога в себе»...

РОЖДЕНИЕ СЛОВА

Мысль родилась и взмыла, как стрела,
Взлетела ввысь – свободно мыслей племя!
К мирам далёким унеслась стремглав,
Опережая скорость света, время.

По коридору Млечного Пути
Она летела, набирая силу.
Кричали звёзды ей вослед: «Свети!»
И Мысль во тьме, как и они, светилась.

Познав ментальный, утончённый мир,
Она постичь решила форм основы:
Покинув тонкий радужный эфир,
В стихах Поэта превратилась в Слово.

РОЖДЕНИЕ ИДЕИ

Когда причудливые тени
В ночной тиши сплетут узор,
Неутомимой мысли гений
На Млечный Путь бросает взор.

И, обострённый до предела,
Зов мирозданья ловит слух,
И из оков земного тела
На зов летит послушный Дух.

Стремится он туда, где истин
Крылатых обитает рой,
И, уловив их силой мысли,
Несёт идеи в мир земной.

РОЖДЕНИЕ ПОЭТА

На перекрёстке сумрачных миров,
Где даже камни гласу истин внемлют,
Из звёздной пыли и обрывков снов
Поэт родился, чтоб прийти на Землю.

Пройдя через горнило чёрных дыр
И плазменный огонь звезды сверхновой,
Он устремился в самый плотный мир,
Неся в себе Божественное Слово.

...Земля. Ночного города квартал.
Метнулся с неба яркий лучик света
И у забора на асфальт упал...
Но только ветер в нём признал Поэта.

Из места, где упал он, исходил
Мерцавший свет Возвышенного Слова,
Но город-Молох жадно поглотил
И Слово, и Поэта неземного...

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Ветра – предвестники разлуки,
Грядущих бурных перемен,
Сметают слой смертельной скуки –
Печать отжившего и тлен.

По небу ветер гонит тучи,
Гудит набатом в кронах древ.
В нём слышится живой, певучий
Труб исторических напев.

Он под небесной, звёздной крышей
Вещает правду, не тая,
Что в мире всё по Воле Высшей
Вернётся на круги своя.

* * *

Увязаны прочною нитью
Горошины жизни моей,
Уложены плотной улиткой
События прожитых дней.

Закручиваясь, уплотняясь,
Ложился виток за витком.
Бежала по жизни, не каюсь –
Оставила всё на потом.

И вот – запрессованы в камень
Песчинки земного пути.
Как эхо, доносится «амен»
На позднее слово «прости»...

КРИК МУРАВЬЯ

В минуты раздумий, в часы размышлений
Иду на природу и жду озарений.
Шуршит под ногами сухая трава,
Без суетных мыслей легка голова.

Ступаю чуть слышно... и слышу вдруг я
Крик боли раздавленного муравья.
Не прост человеческий жизненный путь:
Других не обидев, попробуй шагнуть...

ПАЛИТРА ЧУВСТВ

Не глядя, чувственные краски
По миру разбросал Художник,
Чтоб каждый смело, без опаски
Установил мольберт-треножник

И стал творить – красивой мыслью,
Контрастами эмоций, чувства.
Без чувств, скажите, много ль смысла?
Без них в душе смертельно пусто.

Вот холст – как нежность поднебесья,
Рисунок манит, тешит око,

И вторит сердце светлой песней –
Октавой ангельски-высокой.

Но кто-то цветом антрацита,
Взять краску светлую не смея,
Страну безумного Аида
Рисует, сам чернил чернее...

Льёт мастер краски, не жалея, –
Их выбирают подмастерья,
В палитру красок, не робея,
Макают кисточки и перья.

Огромна студия земная:
Учеников гурьба рябая,
Фантазиям конца не зная,
Живёт, творя и разрушая.

* * *

Ты случился в жизни моей,
Как случались солнце и дождь.
В час, когда от дней и ночей
Ничего уж больше не ждёшь.

Ты случился, как звездопад,
И пролился светом в ночи,
Пролетел судьбой моей над
И продлил горенье свечи.

В час, когда закрыла я дверь
И надежде крикнула: «Нет!»
Вдруг с небес услышала: «Верь!» –
На своё неверье в ответ...

Потому в сумятице дней,
Среди сотен тысяч дорог
Ты случился в жизни моей –
Не случиться просто не мог...

Я О ТЕБЕ НАПИШУ...

Время, пока я грущу,
Тикает тихо в часах.
Я о тебе напишу
Звёздной пылью в небесах.

Буду тебя рисовать
На запотевшем окне.
Время воротится вспять –
Ты возвратишься ко мне.

Знаю, средь ночи и дня
Ты меня помнишь и ждёшь.
То, что ты есть у меня,
Знает и ветер, и дождь.

Из паутин нежных слов,
Млечных небесных дорог,
Нитей предчувствий и снов
Свяжет нам шаль ветерок.

И на округлости плеч
В зимний заснеженный час
Ляжет она, чтоб сберечь
От одиночества нас.

...Время, пока я грущу,
Тикает тихо в часах.
Я о тебе напишу
Звёздной пылью в небесах...

КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ!!!

ИТОГИ XXVII МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО КОНКУРСА МОЛОДЫХ ПОЭТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ 2022 ГОДА

Формула успеха: «Знания + Умения + Вдохновение!»

31 марта 2022 года подведены итоги XXVII межрегионального конкурса молодых поэтов-переводчиков, который проводился под эгидой Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России при участии и поддержке кафедры европейских языков и лингводидактики историко-филологического факультета ЗабГУ. В конкурсе приняли участие 137 переводчиков с английского, немецкого, французского, китайского и русского языков.

Целью конкурса является выявление талантливой молодежи в области перевода художественной литературы с иностранных языков на русский и с русского языка на иностранные.

Задачи проведения конкурса:

1. Объединение переводчиков художественной литературы под эгидой Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России.
2. Стимулирование молодежи к совершенствованию знаний в области иностранных языков и творческой деятельности. Усиление роли художественного перевода для достижения взаимопонимания между народами в контексте расширяющегося диалога культур.
3. Приобщение зарубежных читателей к забайкальской поэзии в переводе на иностранные языки.

Участниками конкурса стали молодые люди из многих регионов нашей страны и молодой республики Донбасс (ДНР). Оргкомитет конкурса отмечает большую активность студентов, представляющих 26 различных университетов из городов Барнаула, Донецка, Елецка, Курска, Липецка, Москвы, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Оренбурга, Перми, Пензы, Санкт-Петербурга, Рыбинска, Тольятти, Улан-Удэ, Челябинска и Читы.

Кроме того, в конкурсе принимали активное участие учителя иностранных языков и учащиеся гимназий и общеобразовательных средних школ. Среди них, в первую очередь, следует назвать многопрофильную языковую гимназию № 4, многопрофильную гимназию № 12 (Чита); гимназию № 2 (Саров, Нижегородская область); многопрофильный лицей при ЗабГУ (Чита), МБОУ «Лицей № 2»

Купинского района Новосибирской области; городские общеобразовательные средние школы № 27, № 33, № 48 (Чита), № 78 (Пенза), № 134 (Екатеринбург), № 51 (Шилка, Забайкальский край).

Кроме того, интерес к конкурсу проявили многие представители работающей молодёжи и творческой интеллигенции.

Основные номинации:

1. Перевод поэтических текстов с английского, немецкого, французского и китайского языков;
2. Перевод забайкальской поэзии с русского на иностранные языки.

Всего в конкурсную комиссию было представлено около 350 переводов как с иностранных языков на русский, так и с русского языка на иностранные. В соответствии с «Положением» о конкурсе жюри определило авторов лучших поэтических переводов с английского, немецкого и русского языков.

По решению конкурсного жюри авторами лучших переводов являются следующие:

– с английского языка

1. Иванова Ксения (экономист, Чита).
2. Коржова Екатерина (музейный работник, Чита).
3. Товстик Светлана (студентка 1 курса магистратуры Алтайского государственного университета, Барнаул).
4. Мусорина Юлия (учитель английского языка МБОУ «СОШ № 27», Чита).
5. Чикурина Анна (студентка 1 курса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург).
6. Иванова Кристина (студентка 4 курса юридического факультета Забайкальского государственного университета, Чита).

– с немецкого языка

1. Иванова Ксения (экономист, Чита).
2. Небогатикова Наталия (студентка 2 курса филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета).
3. Краус Лилия (Чита).
4. Коржова Екатерина (музейный работник, Чита).

– с русского языка (перевод Забайкальской поэзии)

на английский

1. Коржова Екатерина (музейный работник, Чита).

на немецкий

1. Кукушкин Даниил (специалист по работе с иностранными

специалистами ПАО «Метафракс Кемикалс», Пермь).

2. Краус Лилия (Чита).

Конкурсное жюри особо отмечает авторов, которые представили адекватные переводы с нескольких языков: Екатерину Коржову (английский, немецкий, русский), Ксению Иванову (английский, немецкий), Лилию Краус (немецкий, русский).

Оргкомитет выражает благодарность учителям иностранных языков, которые провели большую работу по привлечению старшеклассников к участию в конкурсе молодых поэтов-переводчиков. Среди них Григорян Ани Вартановна (МБОУ «МЯГ № 4»), Барахтина Марина Владимировна (МБОУ «МГ № 12»), Перемитина Екатерина Николаевна, Судакова Елена Борисовна (МОУ «СОШ № 51», Шилка, Забайкальский край), Усачёва Наталия Геннадьевна, Кислицына Марина Александровна (МБОУ «СОШ № 48»), Федяева Татьяна Иннокентьевна, Салтанова Мария Петровна (Многопрофильный лицей ЗабГУ), Ромашкина Юлия Николаевна (МБОУ «Гимназия № 2», Саров, Нижегородская область), Семёнова Наталья Александровна (МБОУ «СОШ № 78», Пенза), Шадуров Константин Дмитриевич (МАОУ «СОШ № 134», Екатеринбург).

Авторы лучших переводов награждены почётными грамотами, остальные участники – сертификатами.

Забайкальское региональное отделение Союза переводчиков России поздравляет авторов лучших переводов и всех участников межрегионального конкурса молодых поэтов-переводчиков 2022 года и желает им дальнейших успехов в постижении искусства художественного перевода!

Председатель ЗабРО СПР Ольга Стельмак

Переводы с английского языка

Edgar Albert Guest (1881 – 1959)

Good Books

Good books are friendly things to own.
If you are busy, they will wait.
They will not call you on the phone
Or wake you if the hour is late.
They stand together row by row,
Upon the low shelf or the high.
But if you are lonesome this you know:
You have a friend or two nearby.

(extract)

Эдгар Альберт Гест

Хорошие книги

Приятно с книгами дружить,
Они всегда дождутся вас,
Не будут докучать, звонить,
И не разбудят в поздний час.
На полках будут в ряд стоять.
Когда взгрустнется вам едва,
Тогда, конечно, нужно знать:
Есть рядом друг, а может два.

Перевод Кристины Ивановой

Хорошая книга

Знай, книга – лучший компаньон.
Когда ты занят – подождёт,
Не оборвёт твой телефон,
В ночи тебя не позовёт.
И не напомнит о себе
В ряду таких же десяти,
Но грустно станет коль тебе,
Ты знаешь, где её найти.

Перевод Александры Алексеевской

Хорошие книги

Вы с книгой можете дружить.
Она всегда ждать будет вас.
Она не станет вам звонить:
Будить вас в слишком поздний час.
Стоят пусть вместе к ряду ряд
На книжных полках всех людей.
Коль одинок ты, стар и млад,
Лишь в книгах ты найдёшь друзей.

Перевод Екатерины Коржовой

Книга – друг

Нам книга – самый лучший друг,
Она всегда нас подождёт,
Она звонить не станет вдруг
И сон наш тоже не прервёт.
Заполнив шкаф, стоят они –
Книг разноцветная семья.
И если вы совсем одни,
То знайте, книги вам друзья.

Перевод Юлии Скрипник

Книга

Всё ж книга – лучший компаньон.
Когда ты занят, подождёт.
Не оборвёт твой телефон
И среди ночи не придёт.
С другими встанет в ряд пускай
На верхней полке иль под ней.
Но, если одиноко, знай:
Есть рядом парочка друзей.

Перевод Светланы Товстик

О хороших книгах

Нам книги следует ценить:
Мы заняты – они ждут нас,
Не станут попусту звонить
И не разбудят в поздний час.
Они стоят на полке в ряд
И на столе лежат вокруг.
Взгрустнется – вспомни: у тебя
Есть не один надежный друг.

Перевод Анны Чикуриной

Edna St. Vincent Millay (1892 – 1950)

Afternoon on a hill

I will be gladdest thing
Under the Sun!
I will touch a hundred flowers
And not pick one.

Эдна Сент-Винсент Миллей

На холме

Солнечный счастливый день
Я проживу!
Тысячи цветов коснусь,
Но не сорву.

I will look at cliffs and clouds
With quiet eyes.
Watch the wind bow the grass,
And the grass rise.

And when lights begin to show
Up from the town,
I will mark which must be mine,
And then start down!

Днём на холме

Счастливей буду я из всех,
что на земле живут!
Коснувшись сотни, ни один
Цветок я не сорву.

На скалы и на облака
Я тихо посмотрю.
Как травы гнутся на ветру,
Увижу, как встают.

Когда же в городе огни
Заменят свет дневной,
Найду я среди них свои
И возвращусь домой!

Перевод Светланы Товстик

На холме

Я буду в этом мире жить
Счастливее других!
Я окунусь в море цветов,
Но рвать не стану их.

Я буду своим нежным взором
Смотреть на горы, облака
И как от дуновенья ветра
По травам катится волна.

И в миг, когда огни закружат
Над городом ночным,
Найду я свой среди других
И поспешу за ним!

Перевод Юлии Мусориной

Кротким взором погляжу
На облака.
Восхищусь, как на ветру
Трава гибка.

А когда вечерний свет
Придёт в дома,
Отыщу я свой и вниз
Сбегу с холма!

Перевод Ксении Ивановой

Вечер на холме

Я буду счастливей всех
Сегодня, клянусь.
Сотни цветов увидав, –
Их не коснусь.

На небо буду смотреть
И отдыхать.
Как ветер ласкает траву,
Наблюдать.

Когда же станет темней,
Узнаю свой
Средь городских огней,
Пойду домой.

Перевод Анны Чикуриной

На холме

Самой счастливой мчусь,
В солнца лучах плыву!
Сотни цветов коснусь
И не один не сорву.

В горы и облака
Взгляд устремился мой.
А по траве слегка
Ветер бежит волной.

Мой городок затих,
Там огонечков тьма.
Свой я найду среди них –
И побегу с холма!

Перевод Кристины Ивановой

Edna St. Vincent Millay (1892 – 1950)

Эдна Сент-Винсент Миллей

Figs from thistles: First Fig

Смоквы с репейника. Смоква первая

My candle burns at both ends;
It will not last the night
But ah, my foes, and oh, my friends –
It gives a lovely light!

Свечу с концов обеих жгу;
Пусть за ночь и сгорит –
На зависть другу и врагу
Тьму свет её сразит!

Перевод Ксении Ивановой

Ягоды чертополоха: ягода первая

Ягоды чертополоха: первая ягода

Моей свече вовек нельзя
Пылать всю ночь дотла;
Но ах, враги, и о, друзья,
Мила она, светла!

Пылает с двух концов свеча моя;
До ночи уж она растает.
Но, ах, враги, и ох, мои друзья –
Как восхитительно она сияет!

Перевод Екатерины Коржовой

Перевод Юлии Мусориной

Figs from thistles: Second Fig

The sandcastle

Safe upon the solid rock ugly houses stand:
Come and see my shining palace built upon the sand!

Смоквы с репейника. Смоква вторая.

Замок на песке

Хмурым хижинам на камне ливни не грозят –
Только замок на песке мой краше во сто крат!

Перевод Ксении Ивановой

Дворец на песке

Стоят невзрачные дома надёжно на скале.
Но сколь прекрасен мой дворец на золотом песке!

Перевод Юлии Мусориной

Замок на песке

Крепко хижины к скале льнут в глухой тоске.
Посмотри на мой нарядный замок на песке!

Перевод Анны Чикуриной

Robert Louis Stevenson (1792 – 1822)

Роберт Луис Стивенсон

Spring song

Весенняя Песня

The air was full of sun and birds,
The fresh air sparkled clearly.
Remembrance wakened in my heart
And I knew I loved her dearly.

Вспорхнули птицы в вышину,
И воздух заискрился,
Напомнив сердцу моему,
Что я в неё влюбился.

The fallows and the leafless trees
And all my spirit tingled.
My earliest thought of love, and Spring's
First puff of perfume mingled.

На деревьях нет ещё листвы,
Но дух мой вновь пронзило,
Парфюм весенней той травы
С мечтой соединило.

In my still heart the thoughts awoke,
Came lone by lone together –
Say, birds and Sun and Spring, is Love
A mere affair of weather?

Задумчив, умиротворён,
Спрошу у небосвода:
«То, что в неё я так влюблён,
Зависит от погоды?»

Перевод Екатерины Коржовой

Песнь весны

Весенняя песня

Свистели птицы, день сиял,
И воздух пах весной.
Волненье сердца я познал:
Моя любовь со мною.

Лились лучи и трели птиц,
Искрился воздух свежий.
Я вспомнил милую и то,
Как сердце любит нежно.

Я чувствовал поля, кусты
И сердца трепет нежный,
И мысли о любви, чисты,
Как теплый воздух вешний.

Поля, деревья и душа
Расцвета дожидались.
Мысль о любви и первый вздох
Весны соединились.

Нежданно мысли пронеслись,
Спросил я у природы:
Неужто эти чувства – лишь
Влияние погоды?

Досель спокойный сердца стук
Встревожен предвкушеньем.
Ах, птички, неужель любовь –
Лишь мой каприз весенний?

Перевод Анны Чикуриной

Перевод Ксении Ивановой

Весенняя песня

Лучами солнца, пеньем птиц
И свежестью был воздух напоён.
И сердце вспомнило, как сильно
Я был в неё тогда влюблен.

Природа пробудилась ото сна
И вся моя душа затрепетала.

Дыхание нахлынувшей любви
В весеннем воздухе витало.

И чувства все наперебой
Моей душою завладели сразу.
А может птицы, Солнце и Любовь
Весны лишь хитрые проказы?

Перевод Юлии Мусориной

Edmund Clerihew Bently (1875 – 1956)

Эдмунд Клерихью Бенгли

The Art of Biography

Искусство Биографии

The Art of Biography
Is different of Geography.
Geography is about maps,
But biography is about chaps.

Искусство Биографии
Не то, что География.
География о суше и морях.
А биография о парнях.

Перевод Юлии Мусориной

Искусство биографии

Искусство биографии

Искусство биографии,
Не то, что географии.
Вторая – летопись морей,
А первая – людей.

Искусство биографии
Не путай с географией.
Во второй земля и речки,
Ну а в первой – человечки.

Перевод Анастасии Большой

Перевод Светланы Товстик

When Alexander Pope

Пиит Александр Поп

When Alexander Pope
Accidentally trod on the soap
And come down on the back of his head –
Never mind what he said.

Пиит Александр Поп
Поскользнулся на мыле и – хлоп! –
Вмиг упал, и в пространстве возник
Непечатный вскрик.

Перевод Ксении Ивановой

Александр Поуп

Александр Поуп как-то раз
Поскользнулся на мыле и враз
Пал, затылком ударившись даже.
Что сказал он – неважно.

Перевод Анны Чикуриной

Unknown

Sunset

Now the sun is sinking
In the golden west;
Birds and bees and children
All have gone to rest;
And the merry streamlet,
As it runs along,
With a voice of sweetness
Sings its evening song.

Неизвестный поэт

Закат

В грёзах о рассвете
Западный закат;
Птицы, пчёлы, дети –
Все домой спешат.
Ручейки все рады,
Снова вдаль бегут,
Голосом улады
Вечером поют.

Перевод Екатерины Коржовой

Закат

Солнце утопает
В золотой дали.
Птицы, пчёлы, дети
Уже видят сны.
Лишь ручей игривый
Всё бежит вперёд.
Песню свою нежную
Вечером поёт.

Перевод Юлии Мусориной

Переводы с немецкого языка

Joseph Von Eichendorf (1788 – 1857)

Der Morgen

Fliegt der erste Morgenstrahl
Durch das stille Nebeltal,
Rauscht erwachend Wald und Hügel:
Wer da fliegen kann, nimmt Flügel!

Und sein Hütlein in die Luft
Wirft der Mensch vor Lust und ruft:
Hat Gesang doch auch noch Schwingen,
Nun, so will ich fröhlich singen!

Hinaus, o Mensch, weit in die Welt,
Bangt dir das Herz in krankem Mut;
Nichts ist so trüb in Nacht gestellt,
Der Morgen leicht machts wieder gut.

Йозеф фон Эйхендорф

Утро

Вижу утра первый луч
Сквозь долину тихих туч,
Лес и холм ко мне взывают,
Птицы в небо воспаряют!

Шляпу я подброшу ввысь
И воскликну: «Веселись!»,
Вместе с песней окрылённой,
Жизнерадостный, влюблённый!

Коль ночь пришла, в одно поверь:
Извечной боли в жизни нет;
Не открывай печали дверь,
Ведь утро вновь подарит свет.

Перевод Екатерины Коржовой

Im Abendrot

Wir sind durch Not und Freude
Gegangen Hand in Hand:
Vom Wandern ruhn wir beide
Nun überm stillen Land.

Rings sich die Täler neigen,
Es dunkelt schon die Luft,
Zwei Lerchen nur noch steigen
Nachtträumend in den Duft.

Tritt her und lass sie schwirren,
Bald ist es Schlafenszeit,
Dass wir uns nicht verirren
In dieser Einsamkeit.

O weiter, stiller Friede!
So tief im Abendrot,
Wie sind wir wandermüde –
Ist das etwa der Tod?

Ludwig Uhland (1787 – 1862)

Frühlingsfeier

Süßer, goldner Frühlingstag!
Inniges Entzücken!
Wenn mir je ein Lied gelang,
Sollt es heut` nicht glücken?

Doch warum in dieser Zeit
An die Arbeit treten?
Frühling ist ein hohes Fest.
Laßt mich ruhn und beten!

Clemens Brentano (1778 – 1842)

Singet leise, leise, leise...

Singet leise, leise, leise,
singt ein flüsternd Wiegenlied;
von dem Monde lernt die Weise,
der so still am Himmel zieht.

Singt ein Lied so süß gelinde,
wie die Quellen auf den Kieseln,

Вечерняя заря

На радость и печали
Богат наш путь с тобой,
И нынче в тихих даях
Нам чудится покой.

Над плоскою долиной
Витают ночи дух,
И распустились крылья
У жаворонков двух.

Пусть будут в небе виться,
Пусть будут петь они,
Чтоб нам не заблудиться
Средь этой тишины.

О, безмятежность, воля!
Огонь зари силён,
Но путь не лёгок боле –
Ужели кончен он?

Перевод Ксении Ивановой

Людвиг Уланд

Вешний праздник

Милый, светлый вешний час!
Всё внутри ликует!
Песнь моя, как в прошлый раз,
Пусть удачной будет!

Но зачем такой порой
Надобно трудиться?
В праздник вешний нам покой
Нужен, чтоб молиться!

Перевод Наталии Небогатиковой

Клеменс Брентано

Пойте тихо, тихо, тихо...

Пойте тихо, тихо, в неге,
Колыбельную шепча;
От луны, плывущей в небе,
Мелодичности учась.

Пойте сладко и с покоем,
Как ручьи в камнях журчат,

wie die Bienen um die Linde
summen, murmeln, flüstern, rieseln.

Как вокруг липы пчёлы роем
И бормочут, и жужжат.

Перевод Лилии Краус

Friedrich Hebbel (1813 – 1863)

Фридрих Хеббель

Sommerbild

Летняя картина

Ich sah des Sommers letzte Rose stehn,
Sie war, als ob sie bluten könne, rot;
Da sprach ich schauernd im Vorübergehn:
So weit im Leben, ist zu nah am Tod!

Последней летней розы лепестки
Красны, как будто кровь из них течёт;
«Живя, всё больше к смерти мы близки», –
Подумал я, цветок увидев тот.

Es regte sich kein Hauch am heißen Tag,
Nur leise strich ein weißer Schmetterling;
Doch, ob auch kaum die Luft sein Flügelschlag
Bewegte, sie empfand es und verging.

Жара. Кружится белый мотылёк
Под лёгким дуновеньем ветерка.
Но лишь коснулся розы ветерок –
Опали лепестки со стебелька.

Перевод Наталии Небогатиковой

Переводы с русского языка на английский

Георгий Граубин (1929 – 2011)

Georgiy Graubin

Дорогие мои земляки!
Как нам с вами Читой не гордиться:
Этот город у синей реки –
Забайкальская наша столица.

Oh, my dearest fellows and friends!
Feel the proud without note of a pity:
Near river, that's blue, there stands
Transbaikal metropolitan city.

Есть не хуже Читы города,
Есть ко многим сердечная тропка.
Только где есть ещё Ингода,
И Кенон, и Титовская сопка?

Wondrous cities are nigh and afar,
For my heart they are nice and astounding,
But wher' else can you see Ingoda,
And Kenon, and Titovskaya Mountain?

Знает много торжественных дат
Забайкальская наша столица:
Ведь рабочий она и солдат,
И истории нашей страница.

There knows many glorious dates
Transbaikal metropolitan city:
Workers, soldiers and different fates,
And the history ever repeating.

Василий Никонов (1921 – 2007)

Vasily Nikonov

Дальние синие горы,
Просится песня в полёт.
В этих сибирских просторах
Молодость наша живёт.

Far and blue mountainous places,
Rapturous singing upheaves.
In the Siberian spaces
My juvenility lives.

Быстрые бурные реки,
Дышат прохладой поля.
Ты полюбила навек,
Милая сердцу земля.

Михаил Вишняков (1945 – 2008)

Тропинка к лесному ручью,
Межа в голубых паутинах.
Привычная вроде картина,
А всё наглядеться хочу,

Надуматься вволю, пока
Листок над берёзами вьётся.
Когда ещё в жизни придётся
Понять, как проходят века.

Борис Макаров (род. в 1939 году)

Над страницами истории

Когда уж не под силу было
Обиды-горести нести,
В колокола Россия била
И всё сметала на пути.

Такие силы появлялись –
Враги хрустели, как жнивье,
И в миг последний удивлялись
Долготерпению её.

Quick and tempestuous rivers,
Breezy are beautiful fields.
Know, that my love ever shivers,
Land which caresses and yields.

Michael Vishnyackov

I walk towards woodland and creek,
I look at thin cobwebs in azure.
I'm used to this wonderful pleasure,
And still it's not brought to its peak.

I'm thinking and thinking, the while
A leaf waves in waltz with the birches.
When else my heart hears and watches
The gist of the instant and mile?

Boris Makarov

Soaring Above Epochs

When our Russia could not master
Those who offended and distressed,
She sounded bells again and faster
And swept away a hostile guest.

She made explicit such a vigour
That foes were scrunching through the fight,
Thus, to oneself one could not figure
All her long-suffering and might.

Переводы Екатерины Коржовой

Переводы с русского языка на немецкий

Виктор Балдоржиев (род. в 1954 г.)

Рассвет в начале августа

Когда над сопками Маньчжурии
Покажет небо полосу,
Родная степь моей Даурии
Пьёт жадно первую росу,

Пьют тарбаганы вместе с птицами,
Не веря в гулкий гром вдали,
Что с океана, над границами,
Дожди нежданные пришли.

Wiktör Baldorschiew (geb. 1954)

Die Morgendämmerung Anfang August

Wenn über Salsen der Mandschurien
Zeigt mir der Himmel einen Streifen,
Heimische Steppe von Daurien
Trinkt gierig schon den ersten Tau,

Zusamt mit Vögeln trinken Murmeltiere
Und glauben nicht dem Donner in der Ferne,
Vom Meer geht er über die Grenzen klirrend
Und auf den Regen wartet man nicht gerne.

И пурпур золота колышется,
В нём солнце красное встаёт.
И в сладкой дрёме смутно слышится,
Что скачет всадник и поёт.

Der Purpur von dem Gold auch flackert,
Die rote Sonne geht schon auf.
Im leichten Schlaf hört man so vage:
Ein Reiter reitet, singt auch laut.

Перевод Даниила Кукушкина

Михаил Вишняков (1945 – 2008)

Michail Vishnyakov

Вода на родине вкусней.
Вся в искрах солнца и мороза.
В бадейке, в бочке водовоза.
Я пил её, поил коней.
Вода на родине вкусней.

Das Wasser in der Heimat schmeckt doch besser,
Ist all in Funken von der Sonne und vom Frost.
Im Kübel und in Wasserwagenfässern.
Ich trank es. Tränkte ich mein Ross.
Das Wasser in der Heimat schmeckt doch besser.

А небо выше и синей.
А поле и берёзы ближе.
Стихи о родине нужней,
чем все романы о Париже.

Der Himmel da ist blauer und höher.
Die Birken näher. Feld auch näher ist.
Gedichte über Heimat sind mehr nötig,
Als alle schönen Werke von Paris.

Перевод Лилии Краус

РУССКО-АНГЛИЙСКО-ЛАТИНСКИЙ СЛОВАРЬ
РАСТЕНИЙ

Составитель НИНА МАРКОВА

РУССКИЙ	АНГЛИЙСКИЙ	ЛАТИНСКИЙ
Щщ		
щавелёк	garden sorrel, sheep's-sorrel	Rumex acetosella L. (Polygonaceae)
щавель	dock, sorrel	Rumex L. (Polygonaceae)
щавель альпийский	Alpine dock, Alpine sorrel	Rumex alpinus
щавель кислый (щавель обыкновенный)	dock, English sorrel, gar- den sorrel, green sorrel, wood-sour	Rumex acetosa (Acetosa pratensis)
щавель конский	horse dock, horse sorrel	Rumex confertus
щавель красивый	fiddle-dock	Rumex pulcher
щавель курчавый	curled sorrel, curly dock	Rumex crispus
щавель обыкновенный (щавель кислый)	dock, garden sorrel, Eng- lish sorrel, green sorrel, wood sour	Rumex acetosa (Acetosa pratensis)
щавель прерийный	American feverfew	Parthenium integrifolium
щабрушка (душэвка)	basil thyme	Acinos Moench. (Labiatae)
щетинник	palm grass	Setaria P.B. (Gramineae)
щетинник зелёный (гоми, чумиза)	green foxtail	Setaria viridis L.) P.B. (Gramineae)
щеть	wire-bent	Nardus stricta L. (Gramineae)
щерица	love-lies-bleeding, tassel flower	Amaranthus caudatus L. (Amaranthaceae)
щерица запрокинутая (подсвекольник)	beet root	Amaranthus retroflexus L. (Amaranthaceae)
щит (пелтария)	shieldwort	Peltaria Jacq. (Cruciferae)
щитник (мужской папоротник)	aspidium, male fern, shield fern	Aspidium felix. mas.,

щитница щитовидный	clypeole peltate, scutate	Clypeola L. (Criciferae) clypeatus, peltatus, peltiformis, scutatus, scutiformis
щитовник мужской (папоротник мужской)	male fern, male shield fern, shield fern	Dryopteris filix-mas (L.) Schott. (Aspidium filix- mas Sw.) (Polypodia-ceae)
щитовник толстокорневищный	thick rhizomatous fern	Dryopteris grassirhizoma
щиток	scutum, small shield	corymbus
щитолистник	water-penny-wort	Hydrocotyle L. (Umbelliferae)
щучка (луговик дернистый)	tufted hairgrass, tussock- grass	Deschampsia caespitosa P.B. (Gramineae) (Aira caespitosa)
 Ээ		
эбеновое дерево (чёрное дерево)	ebony	Diospyros gen.
эвкалипт	gum-tree	Eucalyptus L'Herit. (Myrtaceae)
эвкалипт голубой (эвкалипт шариковый)	blue gum, Tasmanian blue eucalyptus	Eucalyptus cinerea (Eucalyptus cyanus, Eucalyptus globulus)
эвкалипт западно-австралийский	jarrah	Eucalyptus marginata
эвкалипт шариковый (эвкалипт голубой)	blue gum, Tasmanian blue eucalyptus	Eucalyptus cinerea (Eucalyptus cyanus, Eucalyptus globulus)
эвкоммия	pineapple-flower	Eucomis L'Herit. (Liliaceae)
эвкоммия вязолистная (эукоммия вязолистная)	elm-leaved pineapple- flower	Eucommia ulmoides
эводия	evodia	Evodia
эвриала устрашающая	Gordon Euryale, horrible euryale	Euryale ferox
эгилопс	aegilops	Aegilops L. (Gramineae)
эдельвейс	edelweiss, lion's-foot	Leontopodium alpinum Cass. (Compositae)
экдемичный (завезённый)	ecdemic	ecdemicus
элевзина	crab-grass, finger millet, yard-grass	Eleusine Gaertn. (Gramineae)
элеодендрон	olive-nut tree	Elaeodendron Jacq. (Celastraceae)
Элеутерококк (свободнаягодник)	eleuterococcus	Eleutherococcus

элеутерококк колючий (свободнаягодник колючий)	spiny eleuterococcus	Eleutherococcus senti- cosus
эльшольция	elscholtzia	Elscholtzia Willd. (Labiatae)
эмблика лекарственная	medicinal emblic	Emblica officinalis
эммер (культурная двузернянка, полба волжская)	bearded wheat, emmer	Triticum dicoccum Schrank. (Gramineae)
эндивит	endive	Cichorium endivia
эндокарпий	endocarp	endocarpium
энокарпус	bacaba palm	Oenocarpus Mart. (Palmae)
энотера двулетняя (ослиник двулетний)	common evening primrose, tree primrose	Oenothera biennis
энтада	sea bean	Entada scandens Benth. (Leguminosae)
эпигея	ground laurel, trailing arbutus	Epigaea L. (Ericaceae)
эпимедиум корейский (бесцветник корейский, горянка корейская)	Korean barrenwort	Epimedium koreanum
эпифиллум	crab cactus	Epiphyllum Haw. (Cactaceae)
эпифит, эпифиты	aerophyte, airplants, epiphites	epiphyti
эриантус	plume-grass	Erianthus Michx. (Gramineae)
эрика	heath	Erica L. (Ericaceae)
эриокаулон китайский (шерстестебельник китайский)	China pipewort	Eriocaulon chinensis
эритрина	coral-tree	Erythrina L. (Leguminosae)
эрука посевная (индау)	roquette	Eruca sativa Lam. (Cruciferae)
эскулапова трава (ваточник)	milkweed, silkweed, wild cotton	Asclepias L. (Asclepiadaceae)
эспарто (трава альфа)	esparto (grass)	Stipa tenacissima
эспарцет	cock's head, cockshead, French grass, holy clover, sainfoin	Onobrychis Gaertn. (Leguminosae)
эстрагон	estragon, linear-leaved wormwood, silky worm- wood, tarragon	Artemisia dracunculus L. (Compositae)
эфедра (хвойник)	ephedra	Ephedra L. (Ephedraceae)

эфедра горная (эфедра хвощевая, хвойник хвощевидный)	horsetail ephedra, Mongolian ephedra	<i>Ephedra equisetina</i>
эфедра двухколосковая (кузьмичёва трава, хвойник двухколосковый)	common ephedra, joint-fir ephedra, sea grape	<i>Ephedra distachya</i>
эфедра промежуточная (хвойник промежуточный, хвойник средний, эфедра пустынная, эфедра средняя)	desert ephedra, intermediate ephedra	<i>Ephedra intermedia</i>
эхинацея (рудбекия)	coneflower, rudbeckia	<i>Rudbeckia</i> L. (Echinacea Moench.) (Compositae)
эхинацея пурпурная (рудбекия красная)	purple coneflower, purple echinacea	<i>Echinacea purpurea</i> , (<i>Rudbeckia purpurea</i>)
эхинацея узколистная	black sampson echinacea, narrow-leaved echinacea	<i>Echinacea angustifolia</i>
эхинокактус	hedge-hog cactus	<i>Echinocactus</i> Link. et Otto (Cactaceae)
эшолтция (эшшольция)	California poppy	<i>Eschscholtzia</i> Cham. (Papaveraceae)
эшшольция (эшолтция)	California poppy	<i>Eschscholtzia</i> Cham. (Papaveraceae)

Юю

юган (прангос кормовой)	hay plant	<i>Prangos pabularia</i> Lindl. (Umbelliferae)
юкка	Adam's-needle, Spanish bayonet, yucca	<i>Yucca</i> Dill. (Liliaceae)
юкка нитчатая или волокнистая	Adam's needle	<i>Yucca filamentosa</i>
ююба	jujube	<i>Zizyphus</i> Mill. (Rhamnaceae)

Яя

яблоко (тип плода)	pome	pomum
яблоня	apple-tree	<i>Malus</i> Mill. (Rosaceae)
яборанди	jaborandi	<i>Pilocarpus</i> gen.
яванская слива (джамболан, евгения)	jambolan, jambolan plum, Java plum	<i>Eugenia cumini</i> (<i>Eugenia jambolana</i> , <i>Syzygium cumini</i>)
ямболана, ямболан)		
явор (клён белый)	sycamore maple	<i>Acer pseudoplatanus</i> L. (Aceraceae)
ягель (мох олений)	cup moss, reindeer moss	<i>Cladonia rangiferina</i>

ягода	berry	Hoffm. (Cladoniaceae)
ягода рябины	sorb-apple	bacca, uva
ягода шиповника	hip	
ядовитая крапива	devil's leaf	Urtica spathulata
ядовитый	poisonous	sceleratus, toxicus, venenosus, virosus, venenatus
ядоносный	poison-bearing	toxifer
язвенник	kidney vetch	Anthyllis L. (Leguminosae)
язвенник обыкновенный (аптечный клевер, златоглав, язвенник крупноголовый)	kidney vetch	Anthyllis vulneraria
языкотруб	tube-tongue	Salpiglossis (Solanaceae)
якорцы	caltrop	Tribulus L. (Zygophyllaceae)
якорцы земляные (якорцы стелющиеся)	bullhead, caltrop, cat's- head, devil's eyelashes, devil's-thorn, devil's-weed, goat's head, prostrate caltrop, puncture vine, tackweed	Tribulus terrestris
якорцы стелющиеся (якорцы земляные)	bullhead, caltrop, cat's- head, devil's eyelashes, devil's-thorn, devil's-weed, prostrate caltrop, puncture vine, tackweed	Tribulus terrestris
ялапа настоящая (ипомея плющевидная)	jalap, ivy-like ipomoea,	Exogonium purga (Ipomoea purga)
ямбоза (гвоздичное дерево, сизигиум ароматный)	morning glory clove tree	Caryophyllus aromaticus (Eugenia caryophyllus, Jambosa caryophyllus, Syzygium aromaticum)
ямболан (джамболан, евгения ямболана, яванская слива)	jambolan, jambolan plum, Java plum	Eugenia cumini (Eugenia jambolana, Syzygium cumini)
ямс (диоскорея)	yam	Dioscorea Plum. (Dioscoreaceae)
ямс китайский, (диоскорея бататная)	batat yam, Chinese potato	Dioscorea batatas
япала (вьюнок стрело- листный, скаммония азиатская)	scammony glorybind	Convolvulus scammonia
ярутка полевая	dish mustard, field penny-	Thlaspi arvense L.

	cross, penny-cross	(Cruciferae)
ясенец (неопалимая купина)	burning-bush, dittany, fraxinella	Dictamnus L. (Rutaceae)
ясенец белый	burning-bush, dittany, gas-plant dittany, white dittany	Dictamnus albus
ясенец мохнатоплодный	shaggy-fruited burning bush, shaggy-fruited dittany	Dictamnus dasycarpus
ясенка	bead-tree	Melia L. (Meliaceae)
ясень	ash	Fraxinus L. (Oleaceae)
ясень белый (ясень манноносный, ясень сахарный)	flowering ash, manna ash	Fraxinus ornus
ясень высокий (ясень обыкновенный)	European ash	Fraxinus excelsior
ясень манноносный (ясень белый, ясень сахарный)	flowering ash, manna ash	Fraxinus ornus
ясень носолистный	rhynofolious ash	Fraxinus rhynchophylla
ясень пенсильванский	red ash	Fraxinus pennsylvanica
ясколка	mouse-ear chick-weed	Cerastium L. (Caryophyllaceae)
ясменник	woodruff	Asperula L. (Rubiaceae)
ясменник душистый (подмаренник душистый, ясменник пахучий)	sweet woodruff	Asperula odorata (Galium odoratum) L. (Rubiaceae)
ясменник красильный	dyer's woodruff	Asperula tinctoria
ясменник пахучий (подмаренник душистый, ясменник душистый)	sweet woodruff	Asperula odorata (Galium odortum) L. (Rubiaceae)
яснотка	dead nettle	Lamium L. (Labiatae)
яснотка белая (крапива глухая)	dead-nettle, snakeflower, white dead nettle	Lamium album L. (Labiatae)
яснотка стеблеобъемлющая	henbit	Lamium amplexicaule
ястребинка	hawkweed	Hieracium L. (Compositae)
ястребинка волосистая (мышинное ушко)	felon herb, mouse-ear hawkweed, pilosa hawkweed	Hieracium pilosella
ястребинка золотистая	devil's paintbrush	Hieracium aurantiacum
ястребинка ранняя		Hieracium auricula
ятропа	coral-plant	Jatropha multifida
ятрофа	physic-nut tree	Jatropha L. (Euphorbiaceae)
ятрышник	dead man's finger, orchis	Orchis L. (Orchidaceae)
ятрышник болотный	Jersey orchis	Orchis palustris

ятрышник-дремлик	green-winged orchis, little orchis, morio orchis	Orchis morio
ятрышник обожжённый	dark-winged orchis	Orchis ustulata
ятрышник пятнистый (кукушкины слёзки)	crowfoot, spotleaf orchis, spotted orchis	Orchis maculata
ятрышник широколистный	broad-leaved orchis	Orchis latifolia
ячмень	barley	Hordeum L. (Gramineae)
ячмень гривастый	squirrel-tail grass	Hordeum jubatum L. (Critesion jubatum Nevsky (Gramineae))
ячмень двурядный	two-rowed barley	Hordeum distichon L. (Gramineae)
ячмень многорядный (ячмень посевной)	common barley, six-rowed barley	Hordeum vulgare (Hordeum sativum)
ячмень обыкновенный	four-rowed barley	Hordeum vulgare
ячмень шестигранный	six-rowed barley	Hordeum hexastichon L. (Gramineae)
ячмень посевной (ячмень многорядный)	common barley, six-rowed barley	Hordeum vulgare (Hordeum sativum)

**Литературно-художественный журнал «Переводчик»
/Статистика/**

***За 2001 – 2022 гг. опубликованы переводы с 40 иностранных
и национальных языков России, а также с русского языка
на иностранные***

1. Абазинский язык	22. Корейский язык
2. Абхазский язык	23. Латинский язык
3. Алтайский язык	24. Македонский язык
4. Английский язык	25. Мальтийский язык
5. Армянский язык	26. Монгольский язык
6. Белорусский	27. Немецкий язык
7. Болгарский язык	28. Норвежский язык
8. Бурятский язык	29. Польский язык
9. Венгерский язык	30. Португальский язык
10. Вьетнамский язык	31. Русинский язык
11. Галисийский язык	32. Русский язык
12. Грузинский язык	33. Сербский язык
13. Датский язык	34. Словацкий язык
14. Ивритский язык	35. Татарский язык
15. Индонезийский язык	36. Фарерский язык
16. Ингерманландский язык	37. Французский язык
17. Исландский язык	38. Хорватский язык
18. Итальянский язык	39. Якутский язык
19. Испанский язык	40. Японский язык
20. Каталанский язык	
21. Китайский язык	

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БОБРОВА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА (Чита)

Окончила университет им. братьев Гумбольдтов в Берлине (Германия), аспирантуру по германской филологии при ЛГПИ им. А. И. Герцена и аспирантуру по философии при ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского. Кандидат философских наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета. Действительный член Союза переводчиков России. Имеет публикации в разделах «Земля Даурская» и «Лексикография» журнала «Переводчик». **E-mail: bobrovaia@mail.ru**

БУЛДЫГЕРОВА АННА НИКОЛАЕВНА (Чита)

Окончила китайское отделение факультета иностранных языков Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Работает старшим преподавателем кафедры китайского языка историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета. Принимала участие в работе VIII Летней школы перевода СПР (Крым, 2015 г.), действительный член Союза переводчиков России. Сотрудничает с журналом «Переводчик». **E-mail: annbuldigerova@mail.ru**

БЫКОВА СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА (Минск, Белоруссия)

Поэтесса, прозаик, детский писатель, переводчик. Член ОО «Союз писателей Беларуси» и Союза писателей Союзного государства. Имеет высшее экономическое образование. Является председателем Минского областного отделения Союза писателей Беларуси. Пишет на русском и белорусском языках. Автор 24 литературных изданий, в т.ч. 13 сборников поэзии, 9 книг для детей; изданы 2 сборника её переводов. Соавтор более 30 белорусских и зарубежных коллективных сборников, альманахов и антологий. Её стихи переведены на английский, польский, сербский, узбекский, украинский, башкирский, шорский языки и печатались в периодических изданиях России, Сербии, Узбекистана, Башкирии. В 2020 году в Сербии вышла книга стихов для детей «Сунчев зечић» («Солнечный зайчик»), в Ташкенте издан сборник её стихов в переводе на узбекский язык «Yulduzlarining shivirlashi» («Шёпот звёзд», 2022). Перевела на белорусский язык стихи поэтов России, Сербии, Словакии, Германии, Пакистана, Индии, Украины, Литвы, Узбекистана, Башкирии, Хакассии, Чувашии, Киргизии. Участник международных фестивалей; победитель региональных, республиканских и международных литературных конкурсов. Дважды лауреат литературной премии им. М. Богдановича Минского облисполкома (2015 и 2021 гг.). Награждена медалью «За большой вклад в литературу» (Союз писателей Беларуси, 2016) и медалью Франциска Скорины (Государственная награда Республики Беларусь, 2021). **E-mail: svetlana_bykova@mail.ru**

ВОРОНЧЕНКО ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА (Чита)

Окончила Иркутский государственный университет им. А. А. Жданова («Русский язык и литература»), Иркутский государственный педагогический институт иностранных языков им. Хо Ши Мина («Английский язык»). Литературовед, переводчик. Доктор филологических наук, профессор Забайкальского государственного университета. Действительный член Союза переводчиков России. Входит в редакционный совет журнала «Переводчик». Научные интересы сосредоточены в области мексикано-американской («чикано») литературы и творчества авторов – представителей коренных народов Сибири и Америки. В числе переводов мексикано-американских писателей: популярное эссе Рудольфо Анайя «Писательский пейзаж: Эпифания в пейзаже» и знаковый рассказ «Рождественские фаролитос», главы романа Гертруды Атертон «Калифорнийцы» (1898) и др. Автор и соавтор 7 монографий по литературоведению. Лауреат премии Ю. В. Кулагина за особые достижения в научной деятельности. Государственная награда РФ – орден Дружбы. **E-mail: tavoronch@mail.ru**

ВОРОПАЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (Москва)

Окончил с отличием факультет иностранных языков (китайско-английское отделение) Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Кандидат филологических наук (аспирантура Института языкознания РАН, диссертация «Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе», 2012, специальность 10.02.22). Переводчик, член Национальной лиги переводчиков. Как устный последовательный (с 1997) и синхронный переводчик (с 2006 года) с/на китайский язык в период с 2002 года по настоящее время работал на более 400 различных мероприятиях, в том числе в рамках ШОС, БРИКС и Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств России и Китая. Из них на более 100 мероприятиях как синхронный переводчик. Работает научным сотрудником Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН. Автор и соавтор более 10 учебных пособий, словарей и справочников по китайскому языку, в том числе инновационного лингвокультурологического словаря-справочника для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая «Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи»; Персональный сайт: www.vokitai.ru **E-mail: voropaev@vokitai.ru**

ГЛАДКИХ ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА (Чита)

Окончила факультет иностранных языков Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского по направлению «Лингвистика», профиль «Французский и английский языки», аспирантуру по специальности «Литература народов стран зарубежья». Старший преподаватель кафедры европейских языков и лингводидактики историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета. Научные интересы связаны с культурой коренных народов Сибири и Америки и литературным регионализмом. Автор ряда научных публикаций, рецензий и художественных переводов с английского языка. **E-mail: gourouleva@mail.ru**

ДАЛЫЗИН ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ (Чита)

Студент 5 курса китайского отделения историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета. Направление подготовки «Педагогическое образование», профиль «Иностранные языки (китайский и английский языки)». **E-mail: ddalyzin1@gmail.com**

ЕПИШКИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (Чита)

Окончил факультет романских языков Иркутского государственного института иностранных языков им. Хо Ши Мина, Высшие курсы преподавателей иностранных языков для языковых факультетов при МГПИ им. Ленина. Специалист в области лексикографии, переводчик с французского. Составитель «Краткого исторического словаря галлицизмов русского языка», «Исторического словаря галлицизмов русского языка». Опубликовано: хронологический словник «Французские ткани и их цвет», «Московитские письма» Ф. Локателли (перевод с французского). Вышли в свет «Хронологический словник Исторического словаря французской моды в России: одежда, обувь, головные уборы, прически», «Исторический словарь французской моды в России» в 3-х т., переводы с французского книги Александра Стурдзы «Размышления об учении и духе православной церкви», Дрё дю Радье «Словарь любви» в журнале «Переводчик» (№№ 15, 16), Панаит Истрати «Советский Союз без маски». **E-mail: epishkinni@mail.ru**

ЕГОРОВА ЗИНАИДА АЛЕКСЕЕВНА (ЗАМИРСКАЯ ИДА)

(Украина, г. Северодонецк)

Окончила факультет иностранных языков (отделение «Немецкий язык и литература») Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. Работала переводчиком научно-технической литературы в НИИхиммаш и учителем английского языка. Художественным переводом с немецкого и английского языков занимается с 2012 года. Дипломант открытого международного конкурса «Поэтическое определение перевода» (2016).

E-mail: zina.aida2@gmail.com

ЗИМАН ЛЕОНИД ЯКОВЛЕВИЧ (Москва)

Кандидат педагогических наук, доцент. Член Союза писателей Москвы, Союза переводчиков России. Автор учебных и учебно-методических пособий и программ, статей, рецензий, литературно-театральных композиций и инсценировок, стихотворных и прозаических переводов с английского и итальянского языков. В последние годы работал на кафедре раннего изучения иностранных языков Института иностранных языков Московского городского педагогического университета. **E-mail: Lziman@yandex.ru**

КОРЖОВА ЕКАТЕРИНА МАКСИМОВНА (Чита)

Окончила с отличием бакалавриат и магистратуру на факультете филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Поэт-переводчик с английского, немецкого и русского языков. Многократный победитель региональных конкурсов молодых поэтов-переводчиков. Автор поэтического сборника «Трепет застенчивой души». Работает в музее истории психиатрии Читы и Забайкалья им. В. Х. Кандинского. **E-mail: yek.korzhova@yandex.ru**

МАКАРОВ БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ (с. Акша, Заб. край)

Окончил историко-филологический факультет Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского. Известный забайкальский поэт-переводчик, журналист, заслуженный работник культуры РФ. В 1972 г. стал членом Союза журналистов СССР, в 1978 г. – членом Союза писателей. Опубликованы книги стихов поэта: «Начало начал» (1975), «Возвращаются птицы» (1978), «ЦВЕТНЫЕ коромысла» (1983), «Узы» (1987), «На изломе времен» (2001). Более тридцати лет занимается переводом бурятской поэзии. В 2001 году вышли в свет три стихотворных сборника переводов с бурятского: «С родников начинаются реки большие...», «Вечный свет» и «Волшебные зеркала». В 2008 году появились ещё два сборника переводов с бурятского – «Степные берёзы» и «Когда поёт кукушка». В 2009 году к 70-летию со дня рождения поэта было опубликовано юбилейное 2-х томное издание «Стихи и поэмы» (Москва: Изд-во «Русь»). Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

МАРКОВА НИНА АЛЕКСЕЕВНА (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в РГПУ им. А. И. Герцена. Кандидат филологических наук, доцент, действительный член Союза переводчиков России. Является постоянным автором раздела «Лексикография», составитель Русско-английско-латинского словаря флоры и фауны. **E-mail: nina_markova@mail.ru**

МАРКЕЛОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА (Москва)

Окончила филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и гуманитарный факультет Университета Исландии; кандидат филологических наук. Литературовед. Работает в Московском лингвистическом университете. Основные публикации: монография «Становление литературы Фарерских островов и формирование фарерского национального самосознания» (2006). Опубликованы переводы: Шарлотта Вайтсе «Письмоносец» (пер. с датского), Хатльгрим Хельгасон «101 Рейкьявик», «Женщина при 1000 С»; Ауртни Бергманн «Торвальд Странник», антология «Пять исландских пьес» (пер. с исландского), «Корабль призраков» (антология традиционного исландского фольклора), антология фарерской поэзии «Классика фарерской поэзии», «Антология современной исландской поэзии»; подборки стихов и малой прозы исландских и фарерских авторов. Автор семи сборников стихов. Автор публикаций на исландском и фарерском языке в журналах «Tímarit Máls og menningu» (Исландия), OUTSIDER (Фарерские острова). Дипломант открытого международного конкурса «Поэтическое определение перевода» (2016). **E-mail: dimentionen@yahoo.dk**

ПАНЬКИНА ОЛЬГА ВИКТОРОВНА (Москва)

С отличием окончила Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Поэт-переводчик. Автор более 60 книг переводов со славянских языков на русский. С македонского языка перевела стихи более 250 поэтов. Автор проектов: «Библиотека литературы Македонии», «Македонский роман 21 века». С 2010 года председатель РОО «Македонский культурный центр». Автор поэтических сборников: «Предзимье», «Параллельные миры», «Плеск». Член Союза писателей Македонии, Союза литературных переводчиков Македонии, член Московской городской организации Союза писателей России. Лауреат II Международного фестиваля славянской поэзии «Поющие письмена» (2010), имеет награды за перевод: им. Чехова (2011), медаль Грибоедова (2012), Золотой диплом IX Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» (2018) – Россия; «Золотое перо» (2010), премия им. Глигора Прличева (2011), медаль Македонской академии наук и искусств «Блаже Конеский» (2012), «Гоцева мысль» и награда за успехи в художественном творчестве «Арт Феникс» (2014), «Почётное Рациново признание» Союза писателей Македонии (2015), «Звёздный македониум» Фестиваля искусств города Скопье (2016), государственная награда Медаль за заслуги перед Македонией (2019) – Македония. В 2020 году стала лауреатом литературной премии «Югра» в номинации «Лучший переводчик». В 2021 получила высшую награду Международного форума славянских культур «Золотой витязь». **E-mail: olga_pankina@hotmail.com**

ПЕРЕЯСЛОВ НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (Москва)

Окончил заочно Литературный институт им. А. М. Горького (семинар критики). Поэт, критик, прозаик, переводчик стихов национальных поэтов; член Международной ассоциации писателей и публицистов; член Союза журналистов Москвы и Международной федерации журналистов; действительный член Петровской академии наук и искусств; секретарь Правления Союза писателей России. Работал шахтёром, геологом, журналистом, директором Самарского областного отделения Литературного фонда России. Участник выездного пленума Союза писателей России в Чечне, конгресса народов России в Якутске, Первой Международной поэтической конференции в Каире и дней литературы в Пхеньяне. Автор 46 книг стихов, прозы и критики, печатался в газетах и журналах России, Украины, Беларуси, Молдовы, Казахстана, Башкортостана, Туркменистана, США, Китая, Германии, Болгарии, КНДР и других стран. Член редсоветов журналов «Донбасс» (Донецк), «Бийский вестник» (Бийск), «Дон и Кубань» (Ростов), член редколлегий альманаха «День поэзии» и других изданий. **E-mail: nik-mar@rambler.ru**

РАЗДОБРЕЕВА КСЕНИЯ ГЕННАДЬЕВНА (Чита)

Студентка 4 курса китайского отделения историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета. Направление подготовки «Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение». **E-mail: razdobreeva.ksenia@yandex.ru**

СЛАВОРОССОВА ЕВГЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА (Москва) Окончила философский факультет Московского государственного университета им. Ломоносова. Поэт, переводчик, журналист. Долгое время работала шеф-редактором журнала «Детская школьная академия» и была членом редколлегии журнала «Первоклашка». В настоящее время работает заместителем главного редактора альманаха «Истоки». Стихи и переводы её печатались во многих центральных журналах, газетах, альманахах и коллективных сборниках. Автор книги стихов «Утренний поезд», детской книги «Детективное бюро мистера Спича», нескольких сказочных повестей и многих статей на темы литературы, искусства и др. Получила звание «Лучший автор года» в журнале «ЧИП – детям». Дипломант открытых международных конкурсов: «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). «Поэтическое определение перевода» (2016). **E-mail: detschoolakad@mail.ru**

СТЕЛЬМАК ОЛЬГА ВИКТОРОВНА (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии при МГПИ им. В. И. Ленина. Кандидат филологических наук, доцент. С 1995 по 2010 гг. работала деканом факультета иностранных языков ЗабГГПУ,

директором забайкальского лингвистического центра «Прогресс». Почётный работник высшего профессионального образования РФ. Поэт-переводчик, действительный член Союза переводчиков России, председатель Забайкальского регионального отделения СПР, гл. редактор журнала «Переводчик». Опубликовано книги переводов английской и американской поэзии на русский язык: «Прекрасное пленяет навсегда...» (1998, 2004), «The Songs of Joy and Sorrow» (2009). Стихи и переводы также опубликованы в журналах «Переводчик», «Гуманитарный вектор», «Встречи», «Рождая звезду...». Автор поэтических сборников: «Я дарю тебе осень ...» (2000), «Волшебный мир любимых грёз» (2003), «Мой зачарованный мираж...» (2006); «Сладкой грусти наслажденье...» (интернет-издание на сайте «Стихи.ру», 2012). Опубликовано стихи в коллективных поэтических сборниках: «Поэт 2012 года», «Союзники», «Российские поэты», «Сборник стихов», «Любовная лирика». Дипломант поэтического конкурса «Поэт 2012 года». **E-mail: ovstelmak@mail.ru**

СТОЛЯРОВА НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА (Москва)

Окончила факультет журналистики в Московском гуманитарно-экономическом институте, а также получила степень бакалавра в Университете Исландии по исландскому как иностранному, с шведским как дополнительной дисциплиной. Журналист, переводчик, редактор антологии иностранных писателей Исландии «Póliþónía af erlendum uppruna», *Una útgáfuhús*, Рейкьявик 2021. Автор короткой прозы в антологии «Одной цепью», *Есть Смысл*, Москва 2021.

E-mail: natalia.i.stolyarova@gmail.com

ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА

(г. Бенавенте, Португалия)

Окончила Волгоградский государственный педагогический университет. Кандидат педагогических наук, доцент, имеет более 60 научных публикаций. Занималась проблемами творчества, языка и культуры. Поэт, эссеист, автор пяти поэтических сборников, литературоведческих статей, эссе об искусстве. Член Союза российских писателей, международного союза писателей. Автор многих альманахов поэзии России и Украины, антологий («Поэзия третьего тысячелетия», по итогам литературного конкурса «Согласование времен»), зарубежных альманахов («Встречи» № 30, Филадельфия; «Стороны света», № 9). Лауреат конкурса «Вся королевская рать» (литературно-критическая статья). В Португалии живёт с 2003 года. Подтвердила учёную степень в португальском университете. Опубликовала ряд эссе и научных статей о творчестве португальских поэтов – классиков и современных авторов, («Новый мир»; «Иностранная литература», «Prosodia», «Новый филологический вестник» и др.). В её переводе вышли: поэзия Антонио Нобре «Мельник ностальгии», антология португальской поэзии XV – XX веков «Лузитанская душа», Фернандо Пессоа: «Книга непокоя» (2016 г.), «Поэзия Оды Рикарду Рейша», «Рубайят», «Poesia. Первая антология Фернандо Пессоа (SHANTARIN, Лиссабон, Португалия, 2022 г.). **E-mail: irenerussian@mail.ru**

ЭМИРЗИАДИ ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского. Работает главным специалистом Управления международной деятельности Забайкальского государственного университета. Действительный член Союза переводчиков России, автор, переводчик и редактор раздела «Эпистолярное наследие декабристов» в журнале «Переводчик». Опубликовано переводы с французского языка писем жён декабристов и глав из книги Ирэн Фрэн «Я последую за тобой в Сибирь...». Редактор серии популярных книг известного забайкальского краеведа, «народного академика» Виктора Балабанова. **E-mail: intdep@mail.ru**

Научное издание

Переводчик

Выпуск 22

*Сборник издаётся в соответствии с оригиналом,
подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства*

*Контактный телефон 8(3022) 21-87-30
e-mail: ovstelmak@mail.ru*

Главный редактор О. В. Стельмак

Подписано в печать 16.05.2022.

Формат 60x84/16. Бумага ксерографическая.

Гарнитура Times New Roman. Способ печати цифровой.

Усл. печ. л. 15,6. Уч.-изд. л. 13,6. Заказ № 22030.

Печать по требованию

ВГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30